

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 5 (19)
серия филология**

Санкт-Петербург
2008

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 5 (19)
Основан в 2006 году
серия филология

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени
А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов (главный редактор),
Е. С. Нарышкина (зам. главного редактора),
Н. В. Поздеева (отв. секретарь),
Л. Л. Букин, Т. В. Мальцева, Г. П. Чепуренко

Редакционный совет:

Т.А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Е. И. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент;
О.Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
С. А. Семячко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Л. И. Харченкова, доктор педагогических наук, профессор;
Г.Д. Чеснокова, кандидат филологических наук, доцент;
С. С. Шимберг, кандидат филологических наук, доцент;
В. А. Ямшанова, доктор филологических наук, профессор

**Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов
докторских исследований**

Отв. редактор А. А. Беляева
Редактор А. А. Титова
Технический редактор Н. В. Чернышева
Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:
196605, Россия, Санкт-Петербург,
Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2008

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Т.Ю. Игнатьева

Эволюция концепта «свобода» в драмах Ф. Шиллера 7

З. Я. Карманова

Феноменология внутренней формы слова 15

О. В. Лутовинова

Базовые концепты виртуального дискурса. «Пользователь» 26

Н. Н. Панченко

Коммуникативный типаж «льстец» 36

О. В. Степанова

Концепт «Долг/Pflicht» в русском и немецком
языковом сознании: образная составляющая 45

О. А. Улякова

Основное содержание концептов «last» и «past»
в современном английском языке 52

Ю. В. Чепель

Ник как художественно-когнитивный образ
в Интернет-коммуникации 56

А. Ю. Шаюк

Детерминанты авторского идиоконцепта «Angst»
(на материале писем и дневников Ф. Кафки) 62

И. Н. Щекотихина

Стереотип: аспекты и перспективы исследования 69

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

В. Ю. Андреева

Вербальные средства выражения коммуникативного саботажа 81

Г. С. Атакьян

Эмоциональная стратегия и приемы ее реализации
в туристической рекламе 93

О. Н. Иванищева

Толерантный дискурс в региональной прессе
(на примере СМИ Мурманской области) 101

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

А. Н. Гребенев

Через интерпретацию к пониманию в рамках
герменевтического круга 111

Е. Н. Заботина

Парадоксы в текстах Стивена Фрайя 120

<i>О. С. Зубкова</i>	
Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии	127
<i>С. А. Чугунова</i>	
О роли движения в понимании времени: язык и образное мышление	135

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

<i>Е. А. Денисова</i>	
Шотландский язык в фольклорных и художественных источниках	144
<i>Е. В. Комлева</i>	
Апеллятивность в языке и речи (на материале современного немецкого языка)	152
<i>Е. Ю. Кустова</i>	
Функционально-семантическое поле французских интеръективов.....	164
<i>О. Б. Полянчук</i>	
К вопросу о семантическом развитии на основе производного слова (на материале французских префиксальных глаголов)	173
<i>Г. Д. Чеснокова</i>	
Марина Цветаева в американских переводах Мэри Джейн Уайт 1988 г.....	180
Сведения об авторах.....	190

Contents

Actual problems of study of the concepts in modern linguistics

T. Ignatieva

Evolution of the concept of «freedom» in Friedrich Schiller's dramas 7

Z.Y. Karmanova

Phenomenology of the Inner Form of the Word 15

O. Lutovinova

Basic concepts of virtual discourse. «User» 26

N. Panchenko

Personality type «flatterer» 36

O. Stepanova

The Concept «Duty/Pflicht» in the Russian and German Language

Consciousness: Figurative Component 45

O. A. Ulyakova

The main idea of the concepts «last» and «past» in modern English 52

U. Chepel

Nickname as an art and cognitive image in Internet-communication 56

A. Shajuk

Determinants of the author's individual concept «Angst»

(with examples from letters and diaries) 62

I. Schekotihina

Stereotype: aspects and perspectives of research 69

The theory of discourse and language styles

V. Andreeva

The verbal means of communicative sabotage 81

G. Atakian

Emotional Strategy and the Ways of its Realization

in Tourist Advertisement 93

O. Ivanischeva

Tolerant discourse in regional press

(example of mass-media in the Murmansk region) 101

Cognitive aspects of language categorization

A. Grebenev

From interpretation to understanding within the bound of

hermeneutic circle 111

E. Zobotina

Paradoxes in the texts by Stephen Fry 120

O. Zubkova

The Medical Metaphor as a Result of Cultural Fixing in Medical

Terminology 127

<i>S. Chugunova</i> «On the role of motion in comprehension of time: language and image cognition»	135
The theoretical problems of linguistic systems	
<i>E. Denisova</i> Scots and its Usage in the Scottish Folklore, Fiction and other literary sources	144
<i>E. Komleva</i> Appeal in Language and Speech (on the basis of a contemporary German language).....	152
<i>E. Kustova</i> The Functional and Semantic Field of French Interjections.....	164
<i>O. Polyanchuk</i> The Problem of Semantic Evolution on the basis of derivatives (on the Material of French derivatives).....	173
<i>G. Chesnokova</i> Marina Tsvetaeva in American translations by Mary Jane White	180
About authors	190

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

УДК 81.23

Т. Ю. Игнатьева*

Эволюция концепта «свобода» в драмах Ф. Шиллера Evolution of the concept of «freedom» in Friedrich Schiller's dramas

В данной статье рассмотрены особенности реализации эстетической концепции Ф.Шиллера в различные периоды его творчества на примере эволюции одного из знаковых концептов – концепта «свобода»: от «штюрмерской» бунтарской свободы до понимания феномена внутренней духовной свободы. В статье рассматривается языковая репрезентация данного концепта в драмах Ф.Шиллера.

In the article, we review the way Friedrich Schiller's aesthetic conception was realized during different periods in his creative work by the example of the evolution of a dominant concept of «freedom» from the rebellious freedom of «Sturm und Drang» to the idea of inward freedom. In the article, we examine the language representation of this concept in Friedrich Schiller's dramas.

Ключевые слова: концепт, Шиллер Ф., языковая репрезентация, свобода, драма, эстетическая концепция.

Keywords: concept, Schiller F., language representation, freedom, drama, aesthetic conception.

Исследуя драматическое наследие Ф. Шиллера, мы пришли к выводу о наличии триады знаковых, наиболее важных концептов, в которых реализуются основные положения идейной концепции Шиллера. К их числу относятся концепты «die Freiheit», «die Gerechtigkeit», «die Vollkommenheit» (уместным представляется сравнение данной триады с лозунгом Французской революции – «Свобода–Равенство–Братство»). Наиболее значимой в этой группе является концепт «die Freiheit». Под концептом мы понимаем *единицу коллективного знания/сознания, имеющую языковое выражение, отмеченную этнокультурной спецификой и являющуюся историчной по сути.*

*Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, email <ign-t@yandex.ru>

Как отмечают исследователи, «Искусство Шиллера вскормлено жизнью, разительностью контраста между реальностью, в которой он жил и с которой никогда не мог порвать, а также могучим порывом к всеобщей свободе и гармонии» [1: 376]. Результатом столкновения реальности и идеала неизменно является гнев на неустройство мира, личная обида на судьбу, бунт против общества, которое лишает человека свободы.

Понимание Шиллером свободы напрямую связано с учением Канта, поклонником которого он являлся. По мысли Канта, свобода – это способность преодолевать эгоистические стремления, умение подчинять свои страсти нравственному долгу. Шиллер пытается найти посредника между духом (разумом) и природным началом человека в прекрасном, чтобы установить внутреннее согласие между двумя его природами: чувственной и познавательной, чтобы всегда быть в гармоническом единстве и действовать со всей гуманностью. Именно это гармоническое единство позволяет человеку добиться истинной свободы.

Что же такое, в понимании Шиллера, свобода, столь превозносимая и почитаемая им? На основании употребления лексемы «die Freiheit» в теоретических статьях Шиллера [5: 91251–91255] (проанализировано 397 употреблений данной лексемы), мы попытались определить содержание данного концепта для Шиллера.

Свобода характеризуется им, безусловно, как понятие многозначное: политическая, религиозная, социальная свобода, но более всего Шиллера интересуют не идеалы общественной свободы, а нравственная и эстетическая свобода, свобода как некое внутреннее (innere Freiheit) состояние духа (moralische Freiheit, Freiheit des Geistes, Freiheit des Herzens, Freiheit des Denkens, Freiheit des Ideenvermögens), имеющее степень (Grad der Freiheit) и границы. Зачастую свобода поэтически персонифицируется (Freiheit hat «einen weitreichenden Blick», «tritt gleich einem anschwellenden Strome über ihre Ufer»), она самодостаточна («Der höchste Genuß der Freiheit»). Свобода, по Шиллеру, это империя духа (ein Reich der Freiheit), владеющая умами (unter dem Regiment der Freiheit stehen).

Употребление лексемы «свобода» у Шиллера носит характер исключительной мейоративности (Freiheit ist eine glänzende Erscheinung) и наделяется эпитетами vollkommen, gesetzlos, edel, völlig, voll, heilig, absolut, wahr, ungebunden, genialisch, gerühmt, hoch, а также суперлативами höchste Freiheit, vollkommenste Freiheit. Это состояние не зависит от времени и не подчиняется ему (also die Freiheit kann nie von der Zeit abhängen). Свобода не всегда достижима, современник Шиллера либо не ощущает ее вовсе, либо ощущает ее как легкий сон (ein Traum der Freiheit).

Лексема «свобода» сочетается у Шиллера с глаголами негативной оценки (die Freiheit verlieren, einschränken, berauben, verschreien) и глаголами позитивной оценки (die Freiheit ausüben, schönen, behaupten, aufheben, retten, in Schutz nehmen, verschaffen, hervorbringen).

Интересно в данном контексте высказывание: «Freiheit kann man einem zwar lassen, aber nicht geben». По мнению Шиллера, свобода уже дана каждому априорно, есть лишь факторы, сдерживающие ее осознание и проявление. Взаимоотношения человека со своей личной внутренней свободой иллюстрируются следующими примерами: sich seiner Freiheit bewußt werden, von der Freiheit einen Gebrauch machen, der Freiheit entziehen.

Интересно, что Шиллер противопоставляет «природной» свободе (die Freiheit des Raubtiers) свободу человеческую (die Freiheit des Menschen), имея в виду под «человеческим» то возвышенное и идеальное, что поднимает человека над его материальной природой.

Следует также отметить соотношение понятий «свобода» и «красота» в эстетической концепции Шиллера. В отличие от Канта, он полагал, что есть реальный способ утверждения свободы человека в действительной жизни [3: 77]. Путь этот неразрывно связан с красотой, с формированием эстетической реальности, так как красота, воплощенная в свободном оформлении материала как свобода формы в материи – единственный объект, в котором свобода проявляется, обнаруживается и существует в явлениях, в чувственном мире: Analogie der Freiheit ist Schönheit; Schönheit also ist nichts anders als Freiheit in der Erscheinung.

Таковыми были представления Шиллера о феномене свободы, отраженные в его теоретических трудах. Далее нас интересовал вопрос, какое выражение данные представления о свободе получили в драматическом творчестве Шиллера, иными словами, как этот духовный феномен проявлял себя в судьбах конкретных героев.

Первой драмой Шиллера была драма «Разбойники», написанная в рамках идеологии «Бури и натиска», выражающей в концентрированной форме протест передовой бюргерской молодежи против духовной несвободы и политической тирании, которые самому Шиллеру довелось испытать с первых лет сознательной жизни.

В «Разбойниках» отмечено 17 языковых употреблений концепта «свобода». Наиболее интересны из них следующие устойчивые словесные комплексы (далее – УСК): nach Freiheit dürsten, j-m Freiheit danken, die Freiheit schützen, für Hals und Freiheit fechten. Свобода – это Бог Моора и всех «штюрмеров» в его лице (Das Gesetz hat noch keinen großen Mann gebildet, aber die Freiheit brütet Kolosse aus). Стремление Карла Моора противопоставить себя обществу, кото-

рое он не приемлет из-за всеобщей фальши и лицемерия, жестокого эгоизма и корысти, вначале носит неопределенный и риторически декларативный характер. «Mein Geist dürstet nach Taten, mein Atem nach Freiheit, – провозглашает Моор и отмечает: dem Hauptmann dank ich Luft, Freiheit und Leben». Таким образом, свобода оказывается в числе жизненных приоритетов «штюрмера», а состояние несвободы для него несовместимо с жизнью (Ich fühle eine Armee in meiner Faust – Tod oder Freiheit!). Более того, свобода, в понимании Шиллера, даже превышает жизни: die Freiheit muss man höher schützen als Ehre und Leben!

Тот, кто лишен духовной свободы, для Шиллера, бесспорно, заключенный (der Gefangene), грезящий об освобождении (der Gefangene hatte das Licht vergessen, aber der Traum der Freiheit fuhr über ihm wie ein Blitz in die Nacht// Warum bin ich hiehergekommen? daß mirs ginge wie dem Gefangenen, den der klirrende Eisenring aus Träumen der Freiheit aufjagt – nein!). Голос свободы в душе каждого «штюрмера» подобен удару колокола (die Glocke läutet dir zur Freiheit), и ничто не может лишит человека подобной внутренней свободы: diese Freiheit kannst Du mir nicht nehmen (Er lädt die Pistole).

Интересно, что среди УСК с лексемой «свобода» в «Разбойниках» есть два, пополнивших фонд крылатых выражений немецкого литературного языка: Auch die Freiheit muß ihren Herrn haben и auf seinem eisernen Altare raucht der Freiheit letztes Opferblut.

Следующей драмой Шиллера была драма «Заговор Фиеско в Генуе». В ней Шиллер впервые обратился к истории. Тема этой «республиканской трагедии» заимствована из истории Генуэзской республики XVI в. Исторический материал использован Шиллером для постановки острых политических проблем, волновавших просветительскую мысль. Заговор графа Фиеско совершался во имя свободы республики. Это центральная тема драмы, с чем связан соответствующий контекст большинства употреблений концепта «свобода» (genuesische Freiheit/Genuas Freiheit (семь употреблений), die republikanische Freiheit). Однако в этой драме исследуемый концепт употребляется уже шире: Шиллер показывает политическую социальную несвободу в рамках конкретного политического строя и внутреннюю моральную несвободу личности, не сумевшей подняться над своим «человеческим» (т. е. порочным), поддающейся искушению властью. Все соратники Фиеско действуют, сообразуясь с откровенно личными интересами, и даже он сам после недолгих колебаний пытается занять место свергнутого «тирана».

В языковом плане примеры употребления концепта «свобода» (13 употреблений) также весьма красноречивы (um die Freiheit brüllen, die Freiheit zappelt sich, Freiheit hat einen Todesstoß, die Freiheit sinkt in der Mode, der Unterdrücker der Freiheit, der Triumph der

Freiheit). Как видно из примеров, на этом этапе свобода понимается Шиллером еще в рамках «штюрмерской» идеологии.

Кульминацией раннего творчества Шиллера является его третья пьеса — «мещанская трагедия» «Коварство и любовь» (1783), первоначальное название «Луиза Миллер». Шиллер вновь обратился к остросовременной проблематике, но здесь уже наблюдаются черты, свидетельствующие об отходе от эстетики «Бури и натиска». Шиллер избегает гиперболической условности изображения, которая присуща «Разбойникам»; черно-белые краски, господствующие в «Разбойниках», сменяются более разнообразной гаммой. В этой драме отмечено наименьшее количество употреблений концепта «свобода» (два употребления), что связано с другими акцентами сюжета: речь идет о барьерах, которые воздвигает сословное феодальное общество между любящими. Die Gefahr seines Lebens - seiner Freiheit zum mindesten... Sie muß in die Falle gehen. – восклицает Вурм, задумывая интригу. Угроза личной свободе, нависшая над стариком-Миллером, очевидна, но он так же, как Фердинанд и Луиза, свободен внутренне и поступает сообразно своим представлениям о чести. Таким образом, противопоставляются внешняя и внутренняя, общественная и личная свободы.

«Дон Карлос» (1787) знаменует перелом в драматическом творчестве Шиллера, сказавшийся как на идейном содержании, так и на внешней форме пьесы. По мере работы над драмой центр тяжести переместился на вопросы политической истории Европы XVI в., осмысленные в духе просветительских идей, и на проблемы нравственного плана. Одновременно с углублением идейного замысла совершился и переход от первоначальной прозаической формы к стихотворной.

На историческом материале Шиллер затрагивает одну из основных проблем Просвещения – проблему «свободы мысли», о которой с благородной прямоотой и смелостью говорит главный герой драмы маркиз Поза на аудиенции у короля Филиппа. Тем самым понятие свободы претерпевает у Шиллера существенную трансформацию по сравнению с его первой драмой – переносится в более «идеальную» плоскость. Резко возрастает изобразительная функция слова: именно слово становится главной силой, орудием борьбы за идеалы свободы.

Мальтийский рыцарь маркиз Поза, пожалуй, один из самых идеальных из всех созданных Шиллером героев. Он – идеальный глашатай свободы, в понимании Шиллера («dems feurig durch die Wangen lief, wenn man von Freiheit sprach»). Настоящий «проповедник свободы», гордящийся своим предназначением («er ist stolz auf seine Freiheit»), для которого свобода – это то единственное, что питает его помыслы (wenn die Freiheit, die Sie vernichteten, das einzige

wäre, das Ihre Wünsche refen kann?) И снова концепт «свобода» исключительно мейоративен: «Sehen Sie sich um in seiner herrlichen Natur! Auf Freiheit ist sie gegründet – und wie reich ist sie durch Freiheit!» или «entzückende Erscheinung der Freiheit».

В драме отмечено 16 употреблений концепта «свобода», среди которых есть такие глагольные сочетания, как: von Freiheit sprechen, die Freiheit vernichten, die Freiheit stören, die Freiheit ankündigen, alle Mächte für die Freiheit bewaffnen.

Следующей драмой Шиллера, появившейся через 10 лет после окончания «Дон Карлоса», была драма «Валленштейн». В течение этого времени Шиллер усиленно занимался историей. Его философско-эстетическая концепция продолжала видоизменяться и дорабатываться. Ее основные положения Шиллер снова воплотил на материале истории.

В трилогии «Валленштейн» отмечено 20 упоминаний концепта «свобода». Среди шумной многотысячной армии лагеря Валленштейна, служащей ему орудием для его честолюбивых замыслов, бесспорно, находятся и те, кто готов отдать жизнь за идеалы свободы, и те, кто руководствуется исключительно корыстью. Проанализировав материал истории, Шиллер приходит к выводу, что все войны и политические конфликты возникают на почве власти и свободы: «Um Herrschaft und um Freiheit wird gerungen», – резюмирует он устами своего героя, возводя свободу в ранг исторической детерминанты. Более того, в понимании обывателя свобода даже более ценна, нежели власть, ибо власть нужна ему для того, чтобы иметь свободу: «Freiheit ist bei der Macht allein», – провозглашает один из охотников, клянясь в верности Валленштейну. Но Шиллер проповедует другую свободу (Aus der Welt ist die Freiheit verschwunden, man sieht nur Herren und Knechte), – ту, которая изначально дана каждому – и охотнику, и солдату, и царедворцу (носителей *такой* свободы Шиллер называет в драме «Mann der Freiheit»): «Freiheit ist Jägers Element. Die Kühnheit macht, die Freiheit den Soldaten». «Verrufen sei bei Menschen jede große Natur und jedes mächtige Vermögen, Recht geben würde es dem gemeinen Wahn, der nicht an Edles in der Freiheit glaubt». Борьба за свободу, по мысли Шиллера, это и есть свобода: «Wohl auf, Kameraden, aufs Pferd, aufs Pferd! Ins Feld, in die Freiheit gezogen».

В языковом выражении драма более разнообразна. Наряду с традиционными глагольными сочетаниями, встречавшимися нам в ранних драмах (Freizeit haben, Freiheit geben, Freizeit nehmen и др.), появляются: um Freiheit ringen, Freiheit schaffen, Freiheit zu+Inf. haben, Freiheit verteidigen, Freiheit verdienen; die Freiheit reizt j-n, mangelt j-m, macht j-n.

В драме «Мария Стюарт» Шиллер создает трагедию на манер Эврипида, т. е. трагедию психологическую. На материале истории он очерчивает характеры королевы Елизаветы и Марии Стюарт, наделяя последнюю чертами идеального героя.

Свобода много значит для обеих героинь. Ее ценность и желанность подтверждается выбором языковых средств, использованных Шиллером (18 употреблений): Die Freiheit opfern/j-m zum Opfer bringen, sich selbst die Freiheit rauben, die Freiheit genießen, verheißen, j-m die Freiheit verdanken, die Freiheit macht j-n schwärmen.

Мария, заключенная в тюрьму, часто говорит о физической свободе. В тексте появляются лексемы «Freiheit haben», «Freiheit geben/schenken, Freiheit nehmen, rauben»:

«Schon lange Zeit entbehre ich im Gefängnis
Der Kirche Trost, der Sakramente Wohltat,
Und die mir Kron und Freiheit hat geraubt».

Однако только перед казнью Мария понимает, что даже лишенная физической свободы, она свободна – свободна духом:

«Mein Kerker aufgeht, und die frohe Seele sich
Auf Engelsflügeln schwingt zur ewgen Freiheit».

Лишения и страдания, выпавшие на долю Марии Стюарт, по мысли Шиллера, очистили ее душу и вернули первоначальное, присущее ее душе благородство, освободили ее. Таким образом, Шиллер остается верным идее, сформулированной им еще в начале творчества: только свободный духом человек истинно свободен.

Другая героиня драмы, английская королева Елизавета, также говорит о свободе:

„Kenn ich in Europa keinen Fürsten,
Dem ich mein höchstes Kleinod, meine Freiheit,
Mit minderm Widerwillen opfern würde“.

Но она, в отличие от Марии Стюарт, так и не приходит к пониманию истинной свободы.

Еще более близка к идеалу героиня другой драмы Шиллера – «Орлеанской девы» – Иоганна д'Арк, являвшая собой, по выражению самого Шиллера, «благородный образ человечества» («Das edle Bild der Menschheit») [2: С.288]. Следует отметить, что от драмы к драме Шиллер все более идеализирует своего героя: Иоганна возвышается над собой, над толпой, над всем человеческим в ней самой, и, спасая Францию, погибает: «Das klassische dieses Trauerspiels wird durch Johanna verkörpert, für die die "Pflicht" am Ende zur "Neigung" wird» [4: 110].

В драме «Орлеанская дева» отмечено всего два употребления лексемы «свобода». Однако они аккумулируют в себе тот смысл, который Шиллер вкладывал в понятие «свобода»: свобода – это нечто, ценимое больше, чем жизнь (Mehr als das Leben lieb ich meine

Freiheit!). Саму Иоганну Шиллер наделил высокой миссией – она не только сама обладает наивысшей духовной свободой, но и призвана вести к свободе людей (sie ist der Mensch, der die Leibeignen in die Freiheit führt).

В драме «Мессинская невеста», на наш взгляд, нетипичном для Шиллера произведении, автор использует обратный прием. Он не наделяет ни одного героя идеальными чертами, напротив, все его герои несвободны от низменного, неблагородного начала, именно поэтому ими движет фатум, злой рок.

Замыслу Шиллера подчиняется также и выбор языковых средств: в тексте драмы всего употребления концепта «свобода»: die Freiheit haben, die Freiheit verlieren, in Freiheit entfliehen, der Freiheit entsagen. Герои «Мессинской невесты» не знают, что такое истинная, нравственная свобода, поэтому их гибель видится Шиллеру неизбежной.

В драме «Вильгельм Телль» Шиллер вернулся к обычному для него способу декларации собственных эстетико-философских постулатов: снова появляется герой, наделенный благородными чертами, снова идея свободы звучит в каждой строке драмы. Драма «Вильгельм Телль» логически завершает цикл, задуманный Шиллером еще на заре его творчества. В ней есть и протест, как в «Разбойниках», и заговор, как в «Фиеско», и освобождение, как в «Орлеанской девице».

В своей последней драме, являвшейся, как представляется, неким итогом размышлений Шиллера о судьбах человечества, он ясно показал, что ни одна свобода, ни общественная, ни социальная, ни религиозная, невозможна без внутренней свободы. Глашатаями этой внутренней свободы в драме являются Телль, Баумгартен, Мельхталь, но и они не всемогущи. И только когда жажда свободы охватывает весь народ, превращаясь в общее стремление, возможна победа.

Явившаяся апофеозом свободы, драма «Вильгельм Телль» располагает богатейшим материалом в отношении употребления концепта «свобода», в ней отмечено наибольшее количество употреблений данного концепта – 29. Язык драмы отличается особенным разнообразием и богатством, в тексте имеется множество метафор и других средств образности с использованием концепта «свобода» (Ein Grab der Freiheit ist; das Haus der Freiheit hat uns Gott gegründet; euch wird die neue bessere Freiheit grünen, um der Freiheit kostbaren Edelstein streiten). Наряду с ними отмечены следующие глагольные сочетания: Freiheit bewahren, verjagen, verschlingen, für die Freiheit als bester Mann gelten, für Recht und Freiheit streiten.

Изобилует драма также декларативными заявлениями и характерными повторами «Freiheit! Freiheit!», определяющими место концепта «свобода» в иерархии ценностей Шиллера: «Wer wird hier leben wollen ohne Freiheit! Es hebt die Freiheit siegend ihre Fahne. Freiheit macht uns alle frei! Der Tag der Freiheit ist erschienen. Sein Atem ist die Freiheit!»

Характерной чертой драмы является также наличие субстантивных конструкций с концептом «свобода» (der Ort der Freiheit, der Geist der Freiheit, der Tag der Freiheit, das Zeichen der Freiheit, der Freiheit größter Feind, der Freiheit Stifter, der Freiheit Land).

Возглас хора в драме «Мессинская невеста»: «На горах свобода!» мог бы быть девизом Телля. Драма озарена радостной уверенностью не только в красоте, но и в силе свободы, в конечном ее торжестве и бесспорно является апофеозом эстетической концепции Шиллера.

Список литературы

1. Гугин А. Ф. Шиллер и его новая биография // Жизнь Шиллера. – М.: Радуга, 1984.
2. Лозинская Л. Ф. Шиллер. – М.: Мол. гвардия, 1960.
3. Теория и история культуры в персоналиях // Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: Лань, 1998.
4. Baumann B., Oberle B. Deutsche Literatur in Epochen. – München: Hueber Verlag, 1995.
5. Friedrich Schiller. Theoretische Schriften // Digitale Bibliothek 3.25. Band 1: Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka. Herausgegeben von Mathias Bertram. – Berlin: Directmedia Publishing GmbH, 2002.

УДК 81:1

З. Я. Карманова*

Феноменология внутренней формы слова Phenomenology of the Inner Form of the Word

Предлагается решение проблемы значения слова на основе феноменологической модели внутренней формы слова, в рамках которой слово рассматривается как проекция мысли во всем многообразии ее проявлений в дискурсе или как (мета)смысловая матрица определенной конфигурации, формируемая векторами фундаментальных предикатов сознания, актуализованных в момент порождения или восприятия слова.

Offered is a solution of the problem of the inner form of the word on the basis of the phenomenological model in the context of which a word is viewed as a projection of thought, or a matrix of (meta)senses, formed by the vectors of the fundamental predicates of the reflecting and thinking mind of the language personality.

* Кандидат филологических наук, Московский международный гуманитарно-лингвистический институт, email <zoyadis@rambler.ru>

Ключевые слова: феноменология слова; слово как проекция мысли; синергия мысли и слова; фундаментальные предикаты сознания vs слово; ментальная карта сознания vs слово дискурса.

Key words: phenomenology of the word; a word as a projection of thought; synergy of the thought and the word, fundamental predicates of the mind vs the word; the mind map vs the word of the discourse.

На протяжении всей истории существования лингвистики основной проблемой и основным направлением лингвистических исследований, по большому счету, всегда была проблема значения слова. Все попытки в лингвистике дать определение значения слова сводились к попытке дать детерминистскую картину, при этом отрицалась его фундаментальная интенция – «выходить за свои пределы, исчезать в том, что он имеет в виду» [16: 318]. В существующих определениях значения слова нет места смысловым оттенкам и различиям, открытости к новым смыслам, в силу чего слово предстает застывшим и лишается одного из своих основных параметров – (мета)смысловой гибкости. Современная лингвистика не имеет надежных инструментов анализа внутреннего (энергетико-смыслового, по А. Ф. Лосеву) потенциала слова.

Наиболее близко к пониманию проблемы значения слова подошли Г. Гумбольдт, Э. Бенвенист, Г. Гийом, И. А. Бодуэн де Куртенэ, К. П. Зеленецкий, А. А. Потебня, В. В. Виноградов, Ж. Марузо, Н. Хомский, П. Рикер, П. Флоренский, Г. Шпет, М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Л. Витгенштейн, Л. С. Выготский и др., разработавшие основополагающие понятия философии языка, к которым могут быть отнесены следующие: мышление и язык, мысль и слово нераздельны; значение слова не тождественно именованию, оно устанавливается феноменологически и должно получить свое феноменологическое объяснение; являясь проекцией мысли, слово включает в себе набор представлений относительно мыслимого объекта; значение следует трактовать через совокупность представлений, которые формируются во внутренней форме слова в процессе речемыслительной деятельности. Феноменология слова заключается в его «явленности сознанию», и как феноменологическая сущность слово должно быть определено через сущности сознания языковой личности.

При феноменологическом подходе понятие «внутренняя форма» слова является необходимым расширением понятия значения слова, поскольку позволяет понять слово дискурса как феноменологическую сущность во всем разнообразии, полноте и глубине ее смысловых актуализаций. Об этом писал еще А. А. Потебня: «Значение слов в той мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней формой в отличие от внешней звуковой, иначе – способом представления внеязычного содержания» [13: 47].

В широком понимании внутренняя форма слова представляет собой совокупность (мета)смысловых представлений, которые возникают при порождении и восприятии слова или при становлении слова в мысли и мысли в слове. Поскольку сознание представляет собой «совокупность актов мысли, действительно совершающихся в данное мгновение», слово как проекция мысли и средство отражения и выражения мысли соотносится со всей совокупностью актов мысли, совершающихся в данный момент, в момент мысли, и его внутренний смысловой потенциал соотносится с «изменяющейся от разных обстоятельств силой апперципирующих масс» [15: 104–105]. В своей феноменологической сущности слово дискурса представляет собой «феноменологическое поле», или (мета)смысловую матрицу определенной конфигурации, формируемую векторами мысли, которые «экранируют» себя в слове, и в этом смысле слово – «текст сознания».

В процессе коммуникации языковая личность оперирует либо готовыми, наличными матрицами слов, либо конструирует их, исходя из наличной ситуации и контекста дискурса. По В. В. Виноградову, воплощенные в слове элементы мысли или мышления, «которые прикрываются общим именем «значения», сложны и многообразны, и «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [3: 21].

Приступая к исследованию содержания внутренней формы слова, прежде всего необходимо ответить на вопрос, возможно ли в принципе описание актов, состояний и модусов сознания и языкового мышления в их отношении к слову. По Э. Гуссерлю, сознание представляет собой непрерывный поток, но его структуры допускают различения, отождествления и выражение в понятиях методом «непосредственного погружения в его поток» и на основе интеллектуальной интроспекции и прямой интуиции [7]. Подтверждая возможность выявления и описания фактов сознания, структур и состояний сознания через языковые структуры и наоборот, некоторые авторы справедливо замечают, что сознание может вводиться как некоторое измерение текстов и возможно «проглядывание» сознания, поскольку можно «найти в языке куски, в которых предположительно могли бы пересекаться сознание и язык» [11: 38–40]. Возможность метаописания структур и состояний сознания, по М. К. Мамардашвили, связана с исходными представлениями человечества о сознании или определенным онтологическим предзнанием законов человеческой природы [10: 251]. Г. Гийом также писал о возможности «перехвата» и отождествления структур сознания в языковых фактах [6].

Для практического осуществления реконструкции и анализа внутренней формы слова, прежде всего, необходимо установить онтологическую парадигму сознания и языкового мышления во всем объеме их актов, состояний и модусов. Еще Р. Декарт замечал, что «нам не должно казаться недоступным или трудным определение границ нашего ума, который находится в нас самих...» [8: 109]. Затем на этой основе, через «новое измерение значения слова» – «истолкование текста сознания» [16: 319–321], можно осуществлять реконструкцию и анализ внутренней формы слова дискурса.

Поскольку обладание сознанием входит в круг определяющих предикатов человека [18: 21], то и структуры сознания могут быть также отнесены к фундаментальным предикатам сознания. Фундаментальные предикаты суть основополагающие свойства онтологического горизонта сознания человека: они конституируют образы бытия, составляют его определение и доступны опыту рефлексии [17: 6]. Кант называл такие явления «фактами разума», а М. К. Мамардашвили считал, что «мы их должны просто принять как данность, т. е. онтологически. Они есть, и мы должны взглянуть в их природу и продумать до конца вытекающие из этого последствия» [10: 223]. Языковое мышление обнаруживает себя в слове через фундаментальные предикаты нескольких уровней, каждый из которых репрезентирует специфический пласт ментальных структур языкового сознания человека.

Поскольку языковая личность – система с рефлексией и рефлексия является сущностным, имманентным и онтологическим определением человека, ее основополагающим фундаментальным предикатом, проблема внутренней формы слова должна решаться на основе признания *рефлексивности* слова, т. е. в диалектике рефлексивного существования языковой личности. П. Рикер считает, что семантическое выяснение остается «повисшим в воздухе» до тех пор, пока семантический подход не будет связываться с рефлексивным [16: 314]. Слово – это как бы сценарий некоторого ментально-рефлексивного события, развертывающегося в сознании человека, и его внутренняя форма характеризуется наличием некоторой (мета)смысловой информации об этом событии. Как носитель смысловой энергии сознания оно сопряжено со всем спектром степеней свободы рефлексии, состояний и модусов рефлектирующего сознания. Феноменологический подход позволяет понять (мета)смысловой потенциал слова с позиций эйдетики при установке на усмотрение в нем ментально-рефлексивных сущностей сознания, снимая все ограничения на линейность, статичность и закрытость слова. Заключение в скобки внутреннего ментально-рефлексивного мира языковой личности означает выхолащивание или деформирование значения слова.

Признание рефлексивности слова дискурса влечет за собой необходимость установления особого, ключевого метаязыкового конструкта, являющегося сущностной рефлексивной составляющей его внутренней формы или проекцией мысли, и разработки на его основе метаязыка, который позволит осуществлять реконструкцию, анализ и описание внутренней формы слова. Такой конструкт должен быть связан с внутренними ментально-рефлексивными механизмами развертывания речемыследеятельности, и совершенно очевидно, что такой метаязык должен быть не лингвистическим, а общенаучным, поскольку лингвистическое мышление с присущим ему понятийно-терминологическим аппаратом доказало свою неспособность раскрыть тайну внутренней формы слова. Л. С. Выготский считал, что языковые факты должны быть поняты через единицы мышления, которые могут быть найдены во внутренней стороне слова. Под единицей анализа понимается «такой продукт анализа, который, в отличие от элементов, обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства» [4: 11–13].

Исходя из того, что рефлексивная составляющая внутренней формы слова должна быть функцией риторики и интеллекта языковой личности, в качестве функциональной единицы анализа принимается *«рефлексема»*, в названии которой заложен момент синергии мысли и слова. С введением рефлексемы семантико-семиотическая формула слова расширяется: *денотат + семный набор (традиционные функциональные параметры) + рефлексемный набор (реконструируемые эгореференциальные метасмысловые параметры)*. Данная выкладка может служить формулой внутренней формы слова.

Поскольку рефлексия представляет собой направленную энергию сознания, ее проявления во внутренней форме слова могут рассматриваться как векторные величины. Г. Гийом подсказал методику исследования «метафизического каркаса языка» – методику позиционной лингвистики, заключающуюся в векторном представлении языковых явлений, «где любая языковая единица пересекается поперечными сечениями по ходу своего вектора», осуществляя таким образом «перехват» мыслительных структур с помощью глубоких наблюдений и размышлений над структурами языка [6: 110–111]. При таком подходе преодолевается «безвыходная трагедия познания», о которой писал Н. А. Бердяев, когда познание совершается в какой-то внебытийственной сфере [1: 451].

Сознание и языковое мышление – полиструктурные сущности, характеризующиеся неоднородностью и сложностью связей и взаимоотношений их структур, что не может не найти отражение в слове. Соответственно, феноменолого-диалектическая модель внутренней

формы слова строятся на модульном принципе, где каждый модуль представляет векторы определенного пласта фундаментальных предикатов сознания, все из которых рассматриваются как организованные рефлексии.

Модуль 1. Феноменология рефлексивного мира языковой личности vs слово: R(ретроспективный); R(проспективный); R(экстенсивный); R(интенсивный); R(трансцендентный); R(интроспективный); R(эмпатический); R(критико-аксиологический); R(реконструктивный); R(конструктивный); R(гносеологический); R(лингвистический); R(категоризирующий); R(интенциональный); R(Интенциональный, с большой буквы, по Дж.Серлю); R(коммуникативный); R(гипотетический); R(абстрагирующий); R(аналитический); R(синтезирующий); R(методологический).

Отдельные рефлексивные векторы, в свою очередь, представляют собой разветвленные структуры, отражающие различные ракурсы преломления мысли в слове. Например, аксиологическая рефлексия предполагает классификацию представлений «положительной направленности духа» и «отрицательной направленности духа» (по Н. А. Бердяеву), например: r(доброе – злое); r(хорошее – плохое); r(истинное – ложное); r(высокое – низкое); r(привлекательное – отталкивающее); r(красивое – безобразное); r(моральное – аморальное); r(честное – бесчестное) и др.

Модуль 2. Операциональные эгореференциальные параметры языковой личности vs слово: r(интеллектуальные чувства); r(воображение); r(интерес); r(внимание); r(воля); r(ассоциации); r(память); r(языковая интуиция, языковой инстинкт, языковое чутье); r(интериоризация); r(экстериоризация).

Модуль 3. Феноменология понимания: полевая локализация мысли и слова (схема мыследеятельности Г. П. Щедровицкого): R(мД) – пояс мыследействования (наличный опыт языковой личности); R(М) – пояс чистого невербального мышления; R(М-К) – пояс мысли-коммуникации.

Модуль 4. Феноменология понимания (П): таксономия типов понимания (по Г. И. Богину): П(эпифеноменальное); П(семантизирующее); П(когнитивное); П(распредмечивающее).

Модуль 5. Феноменология понимания: герменевтические круги (по Х.-Г. Гадамеру и М. Хайдеггеру): R(мД) + (М-К); R(М) + (М-К); R(мД) + (М-К) + (М).

Модуль 6. «Мозговая локализация» (по Р. Якобсону) языковых средств (межполушарная асимметрия головного мозга): r(левополушарная); r(правополушарная).

Модуль 7. Собственно синергетические функции сознания и языкового мышления vs слово: r(порядок); r(энтропия); r(флуктуации); r(аттрактор); r(диссипация); r(фрактал); r(момент или режим обострения); r(хаос).

Языковая личность пользуется либо готовыми, уже сложившимися матрицами с определенным набором рефлексивных векторов, либо конструирует их в речемыслительном континууме, как например, при использовании стилистических приемов, где имеет место симультанная соорганизация рефлексивных векторов относительно мыслимого объекта. Рефлексивные векторы, «заложенные» в слово ритором, считаются риторантом при восприятии «мысленным видением» (термин Г. Гийома) либо интуитивно, либо через рефлексивную реконструкцию и интерпретацию.

Для реконструкции внутренней формы слова предлагается несколько методик.

«*Риторический планшет*». В. А. Лефевр предпринял попытку исследовать формальную структуру многоуровневой рефлексии, когда сознание изображается в виде табло или «планшета», рядом с которым помещается человек, что позволяет отражать картину действительности с точки зрения определенного человека. Помещаясь в планшет, он получает представление о собственной мысли и о своем представлении мысли и т. д. и отражает свои перцепции на «планшете». Лефевр отмечает, что наиболее интересные отражения рефлексивных структур можно найти в художественной литературе, и рефлексивный анализ может стать одним из средств филологического анализа [9: 78].

Поскольку «текст обретает смысл лишь во внутренних мирах» человека [9: 8], к нему также применима идея «риторического планшета», который может быть использован для реконструкции и анализа внутренней формы слова. «Риторический планшет» отражает расклад интеллектуальных усилий языковой личности относительно слова дискурса. Риторант-интерпретатор, осознающий себя в риторической стихии конкретной дискурсной ситуации, осуществляет разнообразные мыслительные трансакции в рамках каждого модуля относительно сказанного слова, фиксируя спроецированные в слове рефлексивные векторы в «риторическом планшете». Содержательный анализ такого плана позволяет не только видеть слово дискурса перед собой, но и знать, как мы видим, чувствуем, воспринимаем, осмысливаем, запоминаем сказанное слово, почему видим слово так, а не иначе, с чем ассоциируем его и как эмоционально реагируем на него, как включаем в свой речемыслительный континуум, какие рефлексивные механизмы включаются и т. д. Например, «риторический планшет» позволяет понять семантические различия между синонимами. Слова «очи» и «глаза» имеют нетождественные внутренние формы, в слове «очи» заключена более развитая, разветвленная сеть рефлексивных векторов:

глаза → R (эпифеноменальный);

очи → (М 1.) R (экстенсивный); R (интенсивный); R (интроспективный); R (аксиологический): r (возвышенное), r (значимое), r (привлекательное), r (красивое); R (интенциональный); R (Интенциональный с большой буквы, по Дж. Серлю); (М 2.) r (эмоциональный); r (воображение); r (ассоциативный); r (интериоризация); r (внимание).

Именно на ощущении или осознании разностного (мета)смыслового потенциала внутренних форм строится следующий подзаголовок статьи «Подхалимство, лизоблюдство, идолофрения» [АИФ № 22. – 2004. – С. 6].

По А. М. Пешковскому, «каждая несинтаксическая категория вносит тот или иной оттенок в вещественное значение слова. Он усматривал моменты «речевого сознания» в семантическом ряду «дуб – дубок – дубище – дубье» [12]. При сканировании «мысленным видением» (термин Г. Гийома) каждого члена данного ряда в рамках Модуля 2 возможна реконструкция и запись «риторического планшета» для каждого из них, позволяющая видеть разностный потенциал всех членов ряда.

Субъективная детерминированность содержания «риторического планшета» как фактор уникальности рефлексивной реальности и рефлексивного подчерка риторанта-интерпретатора может являться внутренним основанием для определенных различий и асимметрий в представлении «планшетов» разными интерпретаторами. Но, как отмечает В. А. Лефевр, противопоставление объекта и исследователя оказывается справедливым лишь для объектов, «не наделенных психикой» [9: 10]. Анализ асимметрий в восприятии внутренних форм риторических структур разными риторантами также представляет интерес.

Позиционная метасмысловая матрица. Позиционная метасмысловая матрица также может использоваться для реконструкции, анализа и объяснения внутренней формы слова. Процедура заключается в реконструкции и записи актуализованных во внутренней форме рефлексивных векторов методом сканирования по всем семи модулям. Частица «-с», во времена Гоголя употребляемая для придания речи оттенка подобострастия, вежливости или иронического оттенка, к настоящему моменту обрела статус метатекста. В подзаголовке статьи «Крадут-с» [АИФ. – 2004. – № 22. – С. 11] она значительно расширяет смысловой горизонт статьи, вводя имплицитный иронический метасмысл «крали раньше – крадут и сейчас», как бы соотнося положение дел в XIX веке и в современном мире и утверждая, что ничего с тех пор не изменилось.

М 1. «крадут» ► R(эпифеноменальный).

«крадут-с» ► R (аксиологический); R (ретроспективный); R (интенциональный); R (трансцендентный); R (ретроспективный); R (интенциональный: ирония, сарказм, сатира);

М 2. «крадут-с» ► г (внимание); г (интерес); г (эмоции); г (ассоциации с «Мертвыми душами»); г (интериоризация).

М 3. «крадут-с» ► пояс R(мД) как связь с жизненными ситуациями;

М 4. «крадут» ► П (эпифеноменальное);

«крадут-с» ► П (распредмечивающее);

М 5. «крадут-с» ► реализация большого герменевтического круга (М) + (М-К) + (мД) как момент установления связи между прошлым и современностью и переход в размышлениям о явлении воровства в России;

М 6. «крадут-с» ► г (правополушарный);

М 7. «крадут-с» ► г (диссипация смыслов); г (энтропия).

Mind map (ментальная карта). Идея ментальных карт и концепция «радиантного мышления», предложенные Т. Бьюзеном [2], применимы к исследованию внутренних форм слов. Разработанная для целей реконструкции и анализа внутренней формы слова, феноменологическая ментальная карта в своем развернутом виде представляет потенциально возможную совокупность векторов фундаментальных предикатов сознания относительно анализируемого слова. В центре ментальной карты помещается слово, которое, становясь объектом феноменологической рефлексии исследователя, подвергается «сканированию» «мысленным видением» исследователя по всему полю ментальной карты.

При «сканировании» устанавливается, какие именно «ветви» и «ответвления» ментальной карты актуализованы или имеют проекцию на слово дискурса в каждой конкретной ситуации или контексте. Из большого количества признаков выделяются лишь некоторые, которые группируются вокруг центрального смысла метасмысловой матрицы. Полученные в результате картирования «кустообразные картинки» эксплицируют совокупность представлений, заложенных ритором во внутренней форме слова, и, таким образом, слово обретает реальные контуры смыслов и метасмыслов.

Рефлексиосфера. Интегрированно проявленная энергия совокупности (мета)смысловых векторов в слове образует его (мета)смысловую «ауру» или «рефлексиосферу». Рефлексиосфера – это функция риторики, реализующая эффект полифонии во внутренней форме слова дискурса (по М. М. Бахтину). Совокупный (мета)смысловый потенциал внутренней формы слова может варьироваться от крайне сниженного до крайне высокого, и тогда мы имеем слова с низкой синергией и слова с высокой синергией. Развитая рефлексиосфера представляет сложнейшую и тончайшую сеть (мета)смысловых векторов во внутренней форме слова. Рефлексиосфера – понятие, связанное с духовностью и событийностью риторического слова, и именно в рефлексиосфере заключена идея

силы, мощи, энергии и эффективности слова дискурса. К словам с насыщенной «рефлексивной аурой» могут быть отнесены: «Бог», «Москва», «Русь», «береза» и т. д., чем, в частности объясняется частотность их употребления в поэзии. Известные строки А. С. Пушкина, по сути, отмечают «насыщенную», мощную «ауру» в слове «Москва»: *«Одно лишь слово нужно мне: Москва»*.

Внутренняя форма слова динамична и диалектична. В концепции слова А. А. Потебни отмечается, что во внутренних формах отражается «толкование действительности», и жизнь слова состоит в расширении, сгущении, размывании, утрате и возникновении новых представлений в его внутренней форме [14: 16]; разрушение и рождение форм ближайшим образом зависит от «известной потребности мысли» [13: 47]. Факт падения внутренней формы, при котором «прежде добытое мыслью теряется» (А. А. Потебня), можно проследить на следующем примере. Значительные трансформации во внутренней форме произошли со словами «добродетель» и «доброжелатель», «добродетельность», в значительной мере утратившими векторы «положительной направленности духа» (по Н. А. Бердяеву) и выражающими следующие ранее не присущие им рефлексивные векторы: R (интенциональный: ирония, сарказм, поношение, насмешка, агрессивность); R (Интенциональный, с большой буквы, по Дж. Серлю): неприязнь, раздражение, враждебность, презрение); R (критико-аксиологический); R (категоризирующий). К рефлексам ценностного профиля могут быть отнесены: r (нехорошее); r (злое); r (аморальное); r (безнравственное); r (нечестное); r (отталкивающее). Г. Гадамер пишет: «Так, упадок отдельных слов показывает нам изменения, происходящие в сфере нравов и ценностей. Слово «добродетель», к примеру, если еще и употребляется в нашем языковом мире, то разве лишь с ироническим оттенком» [5: 520]. Смысловые трансформации затронули корень «добро» в его отношении к агенту, но в определенной мере сохраняют свои ценностные позиции в абстрагирующей функции – «доброжелательность», «добропорядочность», хотя в слове «добропорядочность» наблюдается стремление к редукции его структурной составляющей «добро-».

Рефлексиограмма. «Рефлексивная аура» риторических структур дискурса может быть представлена через рефлексиограмму – методику, позволяющую диагностировать меру рефлексивной напряженности риторического поля, зоны рефлексивной активности (рефлексивные «всплески», «взрывы», сдвиги). Рефлексиограмма строится по сегментному принципу, где каждый сегмент представляет определенную рефлексивную позицию в речемыслеительном континууме языковой личности относительно слова дискурса. В центре диаграммы обычно находится зона априорной рефлексивности слова, в которой заключена аксиома или «презумпция» рефлексивности каждого языковой и риторической структуры.

«Рефлексивная аура» фрагмента текста или абзаца диагностируется в координатной системе рефлексииграммы, в результате чего метасмысловые параметры, характеризующие сегмент текста по признаку рефлексивности, становятся очевидными, и появляется возможность отслеживать устойчивые событийные метасмысловые тенденции в риторическом поле дискурса, являющиеся факторами его убедительности и ответственности.

Феноменологическая модель внутренней формы слова с ее понятийно-категориальным аппаратом, строящимся вокруг концепта рефлексии, применима к описанию внутреннего сущностного потенциала слова дискурса на всех уровнях.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
2. Бьюзен Т. Суперинтеллект. – Минск: Попурри, 2006.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 4-е изд. - М.: Рус. яз., 2001.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. – М.: Лабиринт, 2001.
5. Гадамер Г.- Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988.
6. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992.
7. Гуссерль Э. Феноменология. – М.: Наука, 1987.
8. Декарт Р. Избранные произведения / пер. с фр. и лат.. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950.
9. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Ин-т психологии РАН, 2000.
10. Мамардашвили М.К. Необходимость себя: лекции. Ст. Философ. заметки. – М.: Лабиринт, 1996.
11. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк. – 4-е изд. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934.
13. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.- Т. I-II. – М.: Гос учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1958.
14. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989.
15. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999.

Базовые концепты виртуального дискурса. «Пользователь»
Basic concepts of virtual discourse. «User»

Статья рассматривает виртуальный дискурс с точки зрения лингвокультурологии и выделяет его базовые концепты: «компьютер», «Интернет» и «пользователь». «Пользователь» определяется как центральный базовый концепт, принадлежащий к особому типу концептов – лингвокультурным типажам. В статье намечаются основные пути исследования данного концепта.

The article views virtual discourse in the light of Cultural Linguistics and singles out its basic concepts: «computer», «Internet» and «user». It defines the “user” as the central basic concept belonging to a specific concept type called cultural personality type and points out the main ways of its investigation.

Ключевые слова: языковая картина мира, виртуальный дискурс, концепт, типаж, понятийная составляющая, образная составляющая, ценностная составляющая, компьютер, Интернет, пользователь.

Key-words: linguistic world view, virtual discourse, concept, cultural personality type, notional component, associative component, evaluating component, computer, Internet, user.

Возникновение и бурное развитие в конце XX – начале XXI в. новых информационных технологий привели не только к появлению новых способов хранения, обработки и передачи информации, но и позволили значительно расширить сферу человеческого взаимодействия посредством новых видов коммуникации. Одним из таких средств, ставших к настоящему моменту неотъемлемой частью жизни современного общества, является Интернет, представляющий собой Всемирную сеть миллионов компьютеров по всему миру и вследствие этого позволяющий коммуникантам «присутствовать» в любой точке земного шара и общаться друг с другом, не выходя из дома. Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что «Интернет следует считать продолжением обитания среды человека, где посредством социальных коммуникаций он имеет возможность удовлетворить свои социальные потребности» [3: 13].

Действительно, сегодня Интернет – это не только изменившийся канал связи, но и вполне сформированная социокультурная сре-

* Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; email<con_amore@mail.ru>

да, ставшая основой для выделения нового типа дискурса, виртуального. Виртуальный дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, под которой в данном случае понимается вид символической реальности, создаваемой на основе компьютерной и некомпьютерной техники, а также реализующей принцип обратной связи [13: 58]. Символическая реальность предстает здесь как пространство человеческого воображения, в котором предметы и явления материального мира выступают в качестве специальных заменителей – знаков и символов. Несмотря на то, что Интернет структурно копирует реальный мир, новая социокультурная среда, возникшая в нем, накладывает отпечаток на все стороны взаимодействия пользователей. Интернет – это часть новой, электронной, культуры, которая формируется согласно философской концепции известного канадского культуролога и социолога М. Маклюэна [11], различными электрическими и электронными средствами связи и массовой коммуникации и обуславливается особым пониманием природы информации. Культура виртуального пространства Интернета, называемая также киберкультурой, характеризуется придуманностью, сконструированностью согласно определенным целям, представлениям и желаниям своего создателя, своим собственным способом и языком общения и является единой системой взглядов, некой коллективной «философией» участников виртуального дискурса. Это дает нам право говорить о том, что существует определенная языковая картина виртуального мира, являющаяся частью языковой картины мира вообще.

Основой для реконструкции языковой картины мира могут служить либо языковые номинации, или «факты языка» [1: 34], к которым относятся различные лексемы, грамматические формы, словообразовательные средства, просодия, синтаксические конструкции, фраземы, правила лексико-семантической сочетаемости и др., либо культурные концепты, выражением которых является вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих их содержание [9: 130]. Как отмечает С. Г. Воркачëв [7: 5], «концепт» (термин, используемый Н. Д. Арутюновой, Д. С. Лихачëвым, С. Х. Ляпиным, В. П. Нерознаком, Ю. С. Степановым и др.) оказался наиболее жизнеспособным термином среди целого ряда номинативных единиц: «лингвокультурема» (В. В. Воробьëв), «мифологема» (В. Н. Базылев, М. Ляхнеэнмяки), «логоэпистема» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова).

На сегодняшний день в лингвистике существуют различные многочисленные трактовки концепта, однако все их многообразие может быть сведено к двум основным направлениям в осмыслении действительности: лингвокогнитивному (С. А. Аскольдов, А. П. Ба-

бушкин, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачёв, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) и лингвокультурному (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Н. А. Красавский, С. Х. Ляпин, В. А. Маслова, В. П. Нерознак, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов). Данные подходы не являются взаимоисключающими, поскольку концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [9: 139].

В нашем исследовании мы рассматриваем концепт с позиций лингвокультурологии как многомерное смысловое образование, концентрат культуры, в структуру которого входят понятийный, образный и ценностный компоненты.

При изучении лингвокультурологических характеристик того или иного типа дискурса концепт может использоваться в качестве инструмента анализа. «Как и всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи может служить основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта» [14: 39]. Это в полной мере относится и к дискурсу. Иными словами, в коллективном сознании существует лингвокультурный концепт того или иного вида дискурса, придающий дискурсу статус лингвокультурного феномена [5: 4]. Е. Ю. Балашова также отмечает, что концептообразовательные возможности дискурса обуславливаются его природой, поскольку образование дискурса концентрируется вокруг некоторого общего понятия, в результате чего создается определенный смысловой контекст, включающий в себя информацию о субъектах речемышления, объектах, обстоятельствах, о временных координатах и т. п. [2: 19]. Учитывая, что дискурс имеет достаточно сложный и разветвленный характер, включает в себя множество элементов, мы считаем, что можно говорить не только о существовании концепта какого-либо дискурса, но также и о представлении дискурса как концептосферы, то есть совокупности концептов, связанных между собой. По мнению Е. И. Шейгал, концепты создают сюжетно-содержательную структуру дискурса [15: 37], а тип дискурса определяется его базовыми концептами [16: 74], которые обладают большой генеративной силой, поскольку вокруг них концентрируется обширная смысловая область.

Базовыми концептами виртуального дискурса, являющимися также ключевыми концептами в формировании языковой картины виртуального мира, выступают «компьютер», «Интернет» и «пользователь». Первый представляет собой инструмент, позволяющий войти в виртуальный мир и включиться в процесс взаимодействия в нем, второй служит способом, средством достижения желаемого, а

третий является создателем и «потребителем» виртуальной реальности, «замыкая» два первых концепта в единую «цепь». Именно данная триада и составляет основу виртуального дискурса с точки зрения его концептологии. Следует также отметить, что при опросе пользователей Интернета о том, какие составные части виртуальной реальности они могли бы выделить, на чем, по их мнению, данная реальность держится, чем формируется, более половины всех опрошенных (от общего количества в почти 600 человек) выделяли именно компьютер, Интернет и пользователя.

Разумеется, помимо базовых концептов, виртуальный дискурс содержит множество других, не являющихся основными для его формирования, но существующих в более или менее детализированной концептосфере носителей виртуальной культуры. Эти концепты условно можно разделить на две группы: концепты, ассоциативное поле которых замыкается в рамках виртуального дискурса (как, например, «блог», «флейм», «виртуальный роман», «креатифф» и др.) и концепты, имеющие широкий ассоциативный потенциал и существующие как в рамках виртуального дискурса, так и реального (как, например, «время», «пространство», «информация», «анонимность» и др.). Концепты, относящиеся ко второй группе, были перенесены в виртуальный дискурс из реального дискурса, как и многое другое, «взятое с собой» человеком при погружении в новую среду, им же и созданную. Однако в настоящее время можно говорить и о возможности переноса тех или иных концептов из виртуального дискурса в реальный. Так, например, довольно часто уже можно услышать, как бесплатные газеты и рекламные проспекты, извлекаемые из почтовых ящиков, люди называют спамом по аналогии со спамом электронным, являющимся нежелательной массовой рассылкой.

Рассматривая базовые концепты виртуального дискурса, следует отметить, что «пользователь» заметно отличается от «компьютера» и «Интернета». Он представляет собой специфический вид концепта, типизируемую в культурологическом аспекте языковую личность, т. е. является обобщенным представлением о человеке на основе релевантных объективных социально значимых этно- и социоспецифических характеристик его поведения [17]. Такой концепт получает название лингвокультурного типажа. Противопоставление лингвокультурного типажа остальным видам концептов в рамках виртуального дискурса особенно значимо, поскольку Сеть, в отличие от реального мира, является средой искусственного происхождения, полностью порожденной человеком. В этой среде нет обитателей, помимо самого человека, и все, что его окружает, порождено им самим. Языковая личность – центр «Вселенной Интернета». Пользователь – это мерило и главное содержание

виртуального мира. В отличие от мира реального, в котором человек – только его часть, в мире виртуальном кроме людей, которые могут быть редуцированы до набора вербальных сообщений разной степени истинности, подробности и ответственности, практически ничего нет [4: 56; 6: 76]. Кроме того, имя данного концепта, «пользователь», является гиперонимом. Как отмечает Т. П. Николаева, при становлении нового типа информационного общества, появляется специальное название, «пользователь», для того, кто это общество создает, кто его «населяет». И данный термин «не разделяет людей по профессиональному или иному какому-либо признаку, а указывает на единый, общий и для специалистов, и для неискушенных потребителей способ ведения дел» [12: 38]. Здесь можно говорить о своеобразном эффекте «дистанции», с которым, по мнению В. И. Карасика и Е. А. Ярмаховой, сталкивается исследователь при моделировании лингвокультурных типажей [10: 46]. Суть данного эффекта заключается в том, что мы не можем определять типажи при очень широком или, наоборот, слишком конкретном фокусировании. Так, например, невозможно определить типаж «человек вообще» или «ученик такой-то школы». Гипероним «пользователь» – довольно широкое понятие и объединяет ряд согипонимов, каждый из которых является лингвокультурным типажом виртуального дискурса.

Лингвокультурные типажи выделяются на основе следующих признаков: узнаваемость и ассоциативность, рекуррентность, хрестоматийность, знаковость (символичность), яркость, типичность, прецедентность [8: 13]. Учитывая соответствие данным критериям, внутри виртуального дискурса мы считаем правомерным выделять такие лингвокультурные типажи, как «хакер», «программист», «ламер», «чайник», «системный администратор» («сисадмин»), «модератор», «флудер», «спамер», «геймер», «падонак». Данные лингвокультурные типажи оказывают существенное влияние на формирование виртуальной культуры Рунета, а их описание может являться основой для реконструкции языковой картины виртуального мира.

Поскольку лингвокультурный типаж представляет собой разновидность концепта, то методика его исследования не будет отличаться от методики, применяемой по отношению к концептам в русле лингвокультурологического подхода и включающей понятийное описание, определение ассоциативных признаков и выявление оценочных характеристик рассматриваемого концепта.

Анализ лингвокультурных типажей виртуального дискурса на понятийном уровне позволяет описать содержание каждого из выделенных типажей, и уже на данном этапе произвести структуризацию «жителей» виртуального пространства. Исследуя различные

интеллектуальные, профессиональные, поведенческие и прочие характеристики того или иного типажа, мы можем говорить о том, что, прежде всего, виртуальный мир формируется двумя группами: во-первых, теми, кто является основными, ключевыми его фигурами, его творцами, кто данный мир построил, может его изменять или даже уничтожить (это программисты, хакеры, системные администраторы) и, во-вторых, теми, кто только пользуется тем, что предлагается в рамках виртуального пространства, осваивает то, что создано другими (сюда можно отнести все остальные типы). Вследствие этого «программист», «хакер» и «системный администратор» обязательно будут включать в себя такие компоненты, как «образованный в области информационных технологий», «специалист», «очень хорошо разбирающийся в компьютерах, сетях» и т. п. Полной противоположностью данным типажам являются «чайник» и «ламер», которые представляют собой пользователей, наименее всего компетентных в отношении работы за компьютером и в Интернете. И если «чайник» – это всего лишь новичок, тот пользователь, который делает лишь первые шаги в процессе приобретения компетенции в виртуальном дискурсе, то «ламер» является не только некомпетентным пользователем, но и характеризуется высоким собственным мнением о своих способностях. Если у «чайника» есть возможности для превращения в полноценного пользователя Интернета, то у «ламера» таких шансов уже нет, поскольку он не только плохо в чем-то разбирается, он не хочет признавать этого, а следовательно, и исправляться. Исходя из понятийной составляющей, лингвокультурные типы виртуального дискурса могут быть классифицированы на тех, кто бережет имеющийся виртуальный мир, старается сохранить порядок в нем (модераторы, системные администраторы), и тех, кто стремится намеренно или невольно этот мир испортить, лишит стабильного состояния (хакеры, флудеры, спамеры, падонки и др.).

Рассматривая образную составляющую лингвокультурных типов виртуального дискурса, прежде всего, следует отметить их гендерную маркированность. Девять из десяти вышеназванных типов ассоциируются у пользователей Интернета с мужским полом. Исключение составляет типаж «чайник», среди ассоциативных признаков которого присутствуют образы обоих полов. Таким образом, можно говорить о том, что в сознании русскоязычных носителей виртуальной культуры типичный пользователь Интернета ассоциируется, прежде всего, с мужчиной. Несмотря на то, что в последние годы доля женщин-пользователей Интернета заметно увеличивается, устоявшийся ассоциативный образ времен начала освоения Рунета (русскоязычного сегмента Интернета), когда в Сети находились практически только представители сильного пола, пока еще остает-

ся без изменений. Возраст всех типажей в целом определяется согласно образно-перцептивным характеристикам как достаточно молодой, что, на наш взгляд, обуславливается возрастом интернет-аудитории вообще, где самая большая доля пользователей приходится на возраст от 18 до 24 лет [18]. Несмотря на то, что каждый из типажей обладает определенной внешностью, многие черты не являются специфичными для того или иного типажа, а могут наблюдаться у нескольких. Данные внешние признаки – следствие образа жизни типажей, большая часть которой проходит онлайн или, по крайней мере, за компьютером. Такими чертами являются, например, бледность и худоба, красные воспаленные глаза, трясущиеся руки. Разумеется, каждый типаж, за исключением чайника, который только учится пользоваться компьютером и начинает входить в мир Интернета, проводит в Сети много времени по какой-то своей причине, однако, независимо от того, что это за причина, большое количество времени, тратящееся на Интернет, на пребывание и коммуникацию в виртуальной реальности, присутствует в образе всех типажей. На наш взгляд, таким образом проявляется осознание пользователями факта интернет-зависимости, которой может быть подвержен каждый, кто большое количество времени проводит в Сети. Еще одной характерной составляющей, имеющей место в образе каждого из типажей, является его речь, непременно содержащая компьютерный жаргон. Количество жаргонизмов в речи разных типажей варьируется от очень маленького (у чайника) до чрезмерно большого (у ламеров и геймеров), но так или иначе все лингвокультурные типажи виртуального дискурса не остаются в стороне от процесса жаргонизации речи, которому подвержен любой пользователь Интернета.

О центральном месте «пользователя» среди базовых концептов виртуального дискурса свидетельствует широкий разброс ассоциативных признаков каждого из типажей (у «компьютера» и «Интернета» он уже). Чем больше аспектов того или иного феномена мы можем представить себе, тем более значимым он для нас является. К примеру, такой немаловажный типаж, как «сисадмин» на ассоциативном уровне представляется и как молодой человек, худощавый, в очках, и как мужчина возраста в районе тридцати лет, полноватый, с пивным брюшком. Системный администратор – это «царь и бог» на своем рабочем месте, именно он может лишить обычного пользователя столь необходимого для последнего блага цивилизации – Интернета, перекрыв доступ к нему. Сисадмин не может быть незначим. Похожие моменты наблюдаются в образной составляющей каждого из исследованных нами лингвокультурных типажей виртуального дискурса.

О важности какого-либо предмета, явления, события может также свидетельствовать его фиксация в прецедентных текстах того или иного вида дискурса. Данный факт говорит о значимости, о ценности фиксируемого феномена для общества. Пользователь Сети, отражаемый в ряде анекдотов, баек и пародий через совокупные образы лингвокультурных типажей, не может быть не ценным для самого себя. Его цели, преследуемые при коммуникации в виртуальном пространстве, ценности, стратегии достижения желаемого, способы самовыражения, действия, контакты с другими пользователями занимают центральное место среди его интересов:

Попал геймер в ад. Прошло несколько дней. Дьявол звонит Богу: «Забери от меня, пожалуйста, этого идиота. Он мне всех чертей вилами переколол, а теперь бегаёт и ищет выход на второй уровень».

Сидит психиатр у себя в кабинете – скучает... Пациенты не идут. Тут тихонько так приоткрывается дверь и к нему на карачках заползает человек, сжимая что-то в зубах, руках и т. д., плюс что-то ещё волочится сзади. Психиатр: «Ой, кто это к нам тут ползет!!! Это, наверное, маленькая змейка. Заползай, змейка, заползай, маленькая, доктор тебе поможет». Человек отрицательно машет головой. «А-а-а, это, наверное, черепашка к нам в гости пожаловала. Заползай, черепашка, в кресло и расскажи дяде доктору, что с тобой случилось». Человек опять отрицательно машет головой. «Так кто же это у нас? Наверное, маленький червячок???» «ДОКТОР, ИДИТЕ НА ... Я СИСАДМИН, ВАМ СЕТЬ ПРОКЛАДЫВАЮ!!!».

Бог инспектирует ад на предмет исполнения наказаний грешникам. Дьявол: «А тут у нас дом бичевания». Заходят в первую комнату. Стоят мужики, изредка свистит кнут. Редкие вскрики. «Здесь у нас наказывают прелюбодеев. Сколько раз за день изменил – столько ударов». Заходят во вторую комнату. Крики чаще. «Здесь у нас наказывают карманников: сколько раз запустил руку за день в чужой карман – столько ударов». Заходят в третью комнату. Ужасающий непрекращающийся вопль. Щелчки кнута слились в один непрерывный гул. У Бога от удивления аж челюсть отвисла: «А это кого так?» – «Спамеров».

Проанализировав в общей сложности около десяти тысяч контекстов оценочного характера, затрагивающих все выделяемые нами лингвокультурные типажи виртуального дискурса, можно констатировать, что они делятся на две равные части при отнесении к позитивно и негативно маркированным. Позитивно маркированными типажам выступают «программист», «системный администратор», «хакер», «модератор» и «чайник», негативно

маркированными – «ламер», «флудер», «спамер», «геймер» и «падонок». Такое равновесное разделение всех типажей при выражении положительной и отрицательной оценки является подтверждением тому, что для участников виртуального дискурса мир Интернета – продолжение мира реального, где по аналогии добро и зло, добродетель и грех, счастье и горе в общем и целом уравнивают друг друга. Однако здесь следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на отрицательное отношение к половине выделяемых в виртуальном дискурсе типажей, большинство опрошенных нами респондентов считает нужным их наличие, поскольку именно через них пользователи могут выразить все то, что они не в силах сделать в реальном мире в силу тех или иных норм, правил, конвенций.

Подводя некоторые итоги, отметим, что лингвокультурный концепт «пользователь» является центральным среди базовых концептов виртуального дискурса, поскольку в его основе лежит совокупный типизируемый образ одновременного творца и потребителя виртуальной реальности – человека. Такой тип концепта является лингвокультурным типажом, и в виртуальном дискурсе он представлен такими типажми, как «хакер», «программист», «ламер», «чайник», «системный администратор» («сисадмин»), «модератор», «флудер», «спамер», «геймер», «падонок». Рассматриваемые типажии не существуют изолированно, они находятся в определенных родовидовых и оппозитивных отношениях друг с другом, которые вытекают из их понятийных компонентов. Данные типажии являются гендерно маркированными (почти все из них – типажии мускулинные), а также представляют определенную ценность в рамках виртуальной культуры. Детальное исследование каждого из означенных типажии может стать основой для реконструкции языковой картины виртуального мира, которая на сегодняшний момент является менее ясной и четкой, чем языковая картина мира реального.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33–160.

2. Балашова Е. Ю. Современные проблемы изучения дискурса и его лингвокогнитивное моделирование // Язык. Культура. Коммуникация: материалы междунар. науч. конф.: в 3 ч. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. – Ч. 3. – С. 12–32.

3. Бальжирова Т.Ж. Интернет как средство социальной коммуникации в условиях формирующегося в России информационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2003. – 21 с.
4. Бондаренко Т. А. Виртуальная реальность: социально-философский анализ. – Ростов н/Д: Изд. центр ДГТУ, 2006. – 151 с.
5. Буянов Н. В., Лягайло Д. И. Дискурс как лингвокультурный феномен: к постановке проблемы // Славянские языки и культура: материалы Международной научной конференции. – Тула: Изд-во «Петровская гора», 2007. – С. 3–4.
6. Войскунский А. Е. Метафоры Интернета // Вопр. философии. – 2001. – № 11. – С. 64–79.
7. Воркачѳв С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5 – 12.
8. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007. – 40 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
10. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
11. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
12. Николаева Т. П. Инновационный характер экономической структуры в постиндустриальном обществе // Инновации. – 2001. – № 9 – 10. – С. 38.
13. Розин В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание / отв. ред. И. А. Акчурин, С. Н. Коняев. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 56 – 74.
14. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38 – 45.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: моногр. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
16. Шейгал Е.И. Концепты и категории дискурса // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 24 – 39.
17. Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2005. – 11 с.
18. Romir Monitoring: Новости и аналитика 2006. // http://www.rmh.ru/news/res_results/294.html

**Коммуникативный типаж «льстец»
Personality type «flatterer»**

В статье дается определение понятию «коммуникативный типаж», на материале российской прессы, художественной литературы и контекстов рефлексии описывается коммуникативный типаж «льстец», уточняется содержательный минимум соответствующего понятия, выявляются образная и ценностная составляющие исследуемого концепта, анализируются особенности коммуникативного поведения типажа «льстец».

In this article a definition of the notion “communicative type” is given. A particular attention is paid to the description of personality type “flatterer”, its notion, means of expression and relations with other concepts. Communicative behavior of flatterer, its specific characteristics and peculiarities are analyzed.

Ключевые слова: искренность, истина, коммуникативный типаж, концепт, лесть, льстец, обман

Key-words: Sincerity, truth, communicative type, concept, flattery, flatterer, deception

Введение в научную лингвистическую парадигму категории «языковая личность» привело, выражаясь словами К. Ф. Седова, к срастанию дискурсивной лингвистики с антропологической, поскольку человек говорящий «реализует себя прежде всего в создании речевых произведений, текстовой деятельности..., за каждой языковой личностью стоит множество производимых ею текстов (дискурсов)» [10: 5–6]. Сегодня существует множество классификаций языковых личностей на основе особенностей их коммуникативного поведения, сходства дискурсивной деятельности. В зависимости от уровня коммуникативной компетенции изучается элитарная/маргинальная языковая личность [9; 3]; по характеру взаимодействия с партнером по коммуникации выделяют конфликтный, центрированный, кооперативный тип языковой личности [10]; в зависимости от особенностей вербального поведения исследуются такие ипостаси бытия человека в языке, как человек агрессивный, человек ироничный, человек неискренний, человек лгущий [12]. Хорошо известно, что наименования человека лгущего многочисленны, разнообразны и отсылают к практике основных видов не-истины [1]. Все многообра-

*Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры языкознания; Волгоградский государственный педагогический университет; Институт иностранных языков, зам.директора; email <panchnn@yandex.ru>

зие номинаций, обозначающих человека лгущего, сводятся к основным «лексико-фразеосемантическим подразрядам, характеризующим лживого человека: 1) лгун, обманщик; 2) хвастун; 3) лицемер; 4) льстец» [6: 559] и связанным с различными целями говорящего: похвастаться, подольститься, пофантазировать и т. д.

Для целей настоящего исследования представляет интерес типизация личностей на основе особенностей их коммуникативного поведения, в связи с чем коммуникативный типаж понимается как типичный представитель группы коммуникативных личностей, абстрагируемых от уникально-индивидуальной комбинации социальных и этнических признаков, но объединенных общими признаками коммуникативного поведения.

Вслед за В. И. Карасиком мы рассматриваем коммуникативный типаж как разновидность концепта, как абстрактное ментальное образование, содержанием которого являются обобщенные представления о типичных характеристиках той или иной коммуникативной личности [3]. Его анализ проводится в аспекте описания понятийной, образной и ценностной сторон соответствующего концепта и средств его объективации.

Заметим, что лесть привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Изучению подвергались средства выражения похвалы и лести [7], речевой акт лести в сопоставлении с похвалой и комплиментом на материале английского языка [5], семантическая эволюция глагола *льстить* [2], мотивация этической оценки в обозначениях льстеца в романских языках [6] и т. д. По нашим данным, коммуникативный типаж «льстец» еще не становился предметом специального изучения. Был проведен анализ 917 употреблений контекстов, описывающих характер поведения рассматриваемого типажа. Источником анализа сочетаемости и контекстов рефлексии послужил дискурс Интернет-чатов, афористические выражения, публицистическая литература и художественные произведения.

Лесть наряду с хвастовством, конвенциональными этикетными формулами относится исследователями к разряду ложного/частично ложного поведения [14]. На связь лести с обманым поведением указывает прежде всего этимология, отсылающая к древне-германскому *list* – хитрость, уловка [13], древне-русскому *льстивый* – хитрый, обманывающий [4]. В русском языке в обозначениях льстеца – *льстец, низкопоклонник, подлиза, прихвостень, угодник, юла, лакей, подхалим, лизоблюд* и др., его коммуникативной деятельности – *льстить, лебезить, ползать, пресмыкаться, низкопоклонничать, угодничать, унижаться, юлить, ходить на задних лапках, лакейничать, раболепствовать, подхалимничать пред кем-либо, поддакивать, подделываться, подлаживаться,*

подлезать, подласкиваться, подлебезиться, петть дифирамбы, подольщаться, подлизываться, подмазываться, выслуживаться, подъезжать, подыгрываться, заискивать, заигрывать, ласкаться, ублажать, улащивать, умасливать, заглядывать кому-либо в глаза, лить сироп, рассыпаться мелким бесом, извиваться ужом и другие фиксируются признаки услужливости, унижения, лицемерия.

Для характеристики льстивого человека используется метафорическая модель «верх – низ», где к идее низа отсылают такие единицы, как *низкопоклонник, низкопоклонничать, ползать, пресмыкаться, унижаться, извиваться ужом*. Угодническое поведение ассоциируется с представлением обволакивания адресата масляными, сладкими речами. Мотивирующей основой негативной этической оценки служит семантический компонент «лизать» (*подлиза, лизоблюд, подлизываться*, груб., разг. *жополиз*, «*лизнуть до самых гланд*» В. Шендерович), «слуга» (*раболепствовать, лакейничать, выслуживаться*). Ассоциации с пресмыкающимися, а также представление «облизывания», вызываемые лестью, лицемерием, являются универсальными: (ср. англ. *'have one's tongue in one's cheek'*), «*льстец походит на ту змею, которая долго лижет свою жертву, прежде чем проглотить ее*» (П. Буаст). Русскоязычное сознание предлагает, таким образом, номинации человека угодливого, унижающегося, практикующего поведение, сходное с поведением слуги, раба.

Согласно словарю социальной психологии, «лесть – способ достижения своей цели, при котором человек преувеличивает, вплоть до гиперболизации, достоинства, качества личности, возможности и успехи значимого другого» [8]. Учитывая эту дефиницию и данные толковых словарей (угодливое восхваление, лицемерное восхищение кем-чем-н., внушаемое корыстными побуждениями), становится возможным выделение трех основных признаков коммуникативного поведения льстеца: 1) апелляция к чувствам адресата; 2) преувеличение достоинств адресата; 3) корыстные цели.

Таким образом, прототипическая коммуникативная структура ситуации «лесть» включает адресанта – льстеца (субъект, преследующий корыстные цели), адресата (значимый для льстеца другой, объект восторгов), саму лесть (усиление и гиперболизация достоинств значимого другого). Адресат и адресант связаны отношениями «верх-низ»: в прямом смысле – в ситуации статусного неравенства (начальник – подчиненный), в метафорическом – в статусно-равноправном, но «снизу вверх» взаимодействии, где значимый другой, возвеличиваемый и превозносимый, соотносится с позицией ВЕРХ, а льстец, унижающийся и пресмыкающийся в расчете на получение определенных дивидендов – с позицией НИЗ.

«Чубайс привел в окружение Ельцина молодых, хорошо образованных технократов, которые внесли свежую струю в замкнутый мирок, сложившийся из людей, сделавших быструю карьеру не за счет своих деловых качеств, а благодаря безусловному почитанию, подбострастию и умению вовремя *польстить президенту*, оказаться ему полезным, предупредить его желания и т. д.» (А. Собчак).

Секрет обращения с мужчинами прост (...) И вести себя с мужчиной нужно, как с годовалым бульдогом (...) Немножко польстить, немножко поинтриговать, время от времени почесать за ухом, заставить потянуться за косточкой на задних лапках... (Б. Акунин).

Анализ материала показал, что в коммуникативном поведении льстеца лесть – тактика, орудие, которое он использует для достижения определенной, как правило, корыстной цели, будь то получение выгодного статусного выигрыша или намерение добиться доверия и расположения собеседника.

«Льстец – это человек, расхваливающий другого с целью ему угодить» (С. Жемайтис).

«Любил войти в доверие, польстить, растрогать, а потом обокрасть да поиздеваться...» (И. Грекова).

Лицо князя просияло, и счастливый льстец получил вскоре назначение и затем быстро пошел в гору (В. П. Мещерский).

Коммуникативное поведение льстеца аксиологически маркировано. С одной стороны, высказывания содержат положительную оценку адресата, призванную выразить доброжелательность и вызвать ответные позитивные эмоции:

«Ну, уж ты льстец, ты наговоришь, – весело шутила задобренная камергерша» (Н. С. Лесков).

«Ты у нас известный льстец, – сказал Аркадий Васильевич, что не помешало ему сладко зажмуриться...» (Е. Парнов).

В фокусе внимания льстеца оказывается положительная оценка а) внешности адресата: *Богдановой пытались льстить сравнением с известной американской актрисой, но она в ответ лишь смеялась и качала головой* (Т. Моспан); б) интеллектуальных способностей: *Его тактика – обращаться к рассудку Пугачева и льстить его уму* (С. Г. Бочаров).

Психологическая природа положительной оценки такова, что адресат лести, даже осознавая возможную неискренность и декодируя намерения адресанта, невольно испытывает положительные эмоции и оказывается во власти льстеца (вспомним: *Но в сердце льстец всегда отыщет уголок*).

Ты, Тосик, известный льстец, но должен сказать тебе, что мне приятны твои глубокомысленные выводы (С. Жемайтис).

Мы любим похвалы даже и тогда, когда не верим в их искренность (Л. Вовенарг).

С другой стороны, отношение социума к данному коммуникативному типу резко отрицательное, что отражено в атрибутивных сочетаниях *подлый, коварный, гнусный, всескверный, низкопоклонный льстец*, в следующих контекстах, эксплицирующих презрение и отвращение: *Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец* (Д. И. Фонвизин); в афористических высказываниях: *Лесть – помощница пороков* (М. Т. Цицерон); *Искусные льстецы обычно не менее искусные клеветники* (Наполеон I); *Плутовство и лесть – кровные родичи* (А. Линкольн); в контекстах рефлексии:

Лично меня лесть всегда обламывала. Это самый дешевый и скользкий способ завоевать твое расположение! (...) Не надо заглядывать мне в глаза и проникновенно рассказывать, как я мудра, профессиональна и хороша собой. Будет хорошая работа – будет и расположение. А дежурные реверансы просто бесят!

Терпеть её не могу. Как будто отраву льют в уши. А лесть от похвалы легко отличить, потому что я не самовлюблённый человек, а довольно самокритичный. Если кто-то мне льстит, значит ему что-то от меня надо. Поэтому я сразу предлагаю перейти к делу, чтоб не слушать всю эту ложь.

Единственным оправданием льстеца может служить принцип «свита, которая делает короля»: *А мне приятно =) Ибо если у меня есть льстецы (предположим), это значит, во-первых, что я достиг какого-то веса и положения в обществе, что я процветаю и что у меня все ок. Это ли не клево! Да к тому же слушать это в принципе приятно, это же ведь не ругательства =) Хотя конечно неприкрытая лесть напряжет безусловно. И очень не нравится это делать самому, ради достижения чего-то. Но если находятся те, кому в кайф – пускай. Их право...*

Негативная характеристика льстеца усиливается за счет дополнительных отрицательных номинаций данного человека в синтагматическом окружении, которые уточняют корыстные цели льстеца: *Впоследствии, отмечу кстати, льстец и карьерист Комовский, делавший карьеру при Меншикове и очень хорошо знавший, как относился Нахимов к князю и его клеветам, не мог скрыть своей радости по поводу гибели Нахимова* (Е. В. Тарле).

Чаще всего льстец апеллирует к слабостям другого – самолюбию, тщеславию, страстям, честолюбию: *вы нарочно окружаете себя людьми, которые умеют только льстить вашим слабостям* (А. П. Чехов); *Лесть – это фальшивая монета, которая имеет хождение только вследствие нашего тщеславия* (Ларошфуко), обращение к которым позволяет как минимум установить довери-

тельные отношения, добиться расположения, стимулирует ответную искренность. Другими словами, лесть может рассматриваться не только как «эмоциональное поглаживание» [12], но и эффективное средство манипулирования, психологического давления, призванного добиться откровенности адресата в межличностном общении.

«Отрицательно маркированные лексемы в синтагматическом окружении характеризуют его как человека низких моральных принципов – *бесстыдно, беззастенчиво, немилосердно льстить, предатель, льстец, наглец*; о чем свидетельствуют также примеры, фиксирующие неразборчивость льстеца в выборе методов достижения цели: *Метил в Кремль, создавал оппозицию, обольщал больного властителя, льстил дочери, распускал у ней за спиной чернящие слухи, тайно вступал в отношения с командующими округов*» (А. Проханов).

Подчеркнем, что в проанализированном материале чаще встречаются сочетания *льстить и угодничать; льстить и обманывать; льстить и лгать, притворяться; льстить и кривить душой; мастера польстить, прилгнуть и прихвастнуть*, что отсылает в итоге к обманному поведению и недостоверности информации.

Релевантным для нашего исследования мы считаем тезис, что «важным показателем лести является неискренность положительной оценки» [11], подтверждения чему мы находим в примерах сочетаемости и контекстах рефлексии:

Чем гордился властелин полумира император Нерон? Своим актерским даром, и упивался фальшивыми дифирамбами льстецов (М. Веллер).

Я не хочу защищать моральных качеств Лузина; возможно, он трус, льстец, даже грубый льстец, неискренен и пр. (Капица).

Мне не нравится лесть. Я считаю, что это не искреннее отношение, а способ подлизаться. Это тоже ложь, во имя выгоды. И что в этом хорошего? Слушать похвалу, приятные слова, комплименты... да это приятно, но когда узнаешь, что за этим стояло лишь желание что-то от тебя получить, ничего хорошего я в этом не вижу. Мне это неприятно.

Во-вторых, немаловажным оказывается имплицитный характер лести: стремление убедить адресата в истинности информации [7], сокрытие истинных намерений и умелая симуляция искренности и достоверности.

«*Лесть* должна казаться человеку правдой. Любую лесть проглотят, если уверены в вашем уме, доброжелательности, компетентности, бескорыстии. Открытое восхваление раскроет умному человеку твой расчет...» (М. Веллер).

«Лесть похожа на пирог: надобно умеючи испечь, всем нужно начинить в меру, не пересолить и не переперчить» (А. Суворов).

Признак «умение» в коммуникативном поведении типажа отражается в именной и глагольной сочетаемости, что эксплицируется в таких сочетаниях, как *тонкий, искусный, грубый льстец, умел льстить, искусным образом льстил*, и позволяет отнести успешного льстеца к особому типу коммуникативных личностей, знатокам психологии человека, обладающим актерским мастерством и способностью к притворству.

... в тот момент потратили последние командировочные и были отвратительно бедны. Но теток я все-таки охмурил: тонкой лестью и душевными разговорами. Это было несложно. Продавцы и кассиры – самые одинокие в мире люди! (Ю. Поляков).

Папенька его отличался умением беззастенчиво льстить – искренне и самоотверженно (И. Грошек).

Коммуникативный типаж «льстец», таким образом, демонстрирует сходство с притворщиком и лицемером, интегральными признаками которых является неискренность и сокрытие истинных намерений.

«Он льстил, расточал нежные признания, покорно со всеми соглашался, обезоруживал кротостью, тая свое настоящее лицо под маской "сущего прельстителя", как впоследствии выражался М. М. Сперанский» (Г. И. Чулков).

«Характеристики льстеца раскрываются через его оппозитивный коррелят, описание его коммуникативного поведения: усердный холоп, "не льстец", верный своим господам, гордый ими, но способный сказать им в глаза, с холопскою грубостью, которую господа простят, и слова правды, направленные всегда к барскому, а не к своему интересу» (Ф. Сологуб).

Эффективность коммуникативного поведения льстеца зависит от легковерности адресата, его интеллектуальных способностей и умения дифференцировать искреннюю похвалу и неискреннюю лесть. Соответственно поведенческая реакция адресата различается.

«Лесть действует на дураков так, что для того, чтобы быть такими, какими их описывает льстец, они готовы все сделать, на умных людей действует, приводя их в счастливое расположение» (Л. Н. Толстой).

«Лестью угощают только одних дураков» (П. Буаст).

«Лесть, говорят, пища глупых, между тем сколько умных людей готовых от времени до времени отведать хоть глоток этой пищи» (Дж. Свифт).

«Всякий глупец найдет еще большего глупца, который станет им восторгаться» (Н. Буало).

Лингвистические средства выражения лести сходны с лингвистическими средствами выражения похвалы [5], основными дифференциальными признаками лести являются: 1) неискренность намерений говорящего; 2) многословность, гиперболизированный характер похвалы:

Была она говорлива, умела льстить (Б. Екимов).

«... всего более льстил правителю, в тайных с ним беседах пышными выражениями восточными, говоря ему: "ты единою рукою держишь землю Русскую, а другую возложи с любовью на моего шаха и навеки утверди братство между"» (Н. М. Карамзин).

В заключение заметим, что коммуникативное поведение льстеца распространяется не только на льстивое вербальное (*льстиво спросил, засюсюкал, залепетала, поддакнул, залепетала, пел* и т. д.), но и невербальное поведение. Наиболее представительными в количественном отношении являются описания льстивой улыбки (*льстиво улыбаясь, ослабилась*) и взгляда (*льстиво посмотрел, заглянул в глаза/лицо*).

Резюмируем представленные выше соображения. Льстец оказывается парадоксальной, на первый взгляд, языковой личностью, сочетающей положительную интенцию «доставить удовольствие адресату» (установка на, а не против собеседника, на улучшение межличностных отношений, часть общей стратегии гармоничного коммуникативного взаимодействия) и намеренное преувеличение достоинств второго лица (часть обманного поведения, нарушающего основные постулаты принципа Кооперации). В типологии языковых личностей, выделяемых К. Ф. Седовым по способности к кооперации в повседневном общении, ближе всего исследуемый типаж находится к кооперативному конформисту, отличаемому по демонстрации интереса к другому участнику коммуникации, использованию тактик поддакивания, проявления сочувствия, утешения, комплимента и т. д. [10: 90]. Однако установка на гармонизацию общения нейтрализуется тактическими предпочтениями, выбор которых не соответствует этическим нормам коммуникативного взаимодействия.

Список литературы

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
2. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. *Льстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 660–667.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 228 с.
4. Краткий словарь древнерусского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://old-rus.narod.ru/old.html>.
5. Леонтьев В. В. «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: дис. ... канд. филолог. наук. – Волгоград, 1999. – 206 с.
6. Мед Н. Г. Моделирование этической оценки «лживый человек» в испанском языке (в сравнении с другими романскими языками) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2008. – С. 559–567.
7. Петелина Е. С. Средства выражения и контексты функционирования высказываний похвалы и лести в английском языке: дис. ... канд. филолог. наук. – Пятигорск, 1988. – 197 с.
8. Петровский А. В. Словарь социальной психологии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>
9. Сиротинина О. Б. Социолингвистический фактор в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. ВГПУ; СГУ. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 3–9.
10. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
11. Хорешко О. Н. Мотивы положительной оценки лица в русском речевом общении // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – Вып. 5. – с. 215–219.
12. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследований: сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 173–204.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://vasmer.narod.ru/>, свободный.
14. Berger C. Beyond initial interaction uncertainty, understanding & the development of interpersonal relationships // Language & society / ed. by A.Giles & P.St.Clair. – Oxford, 1979. – P. 122–144.

**Концепт «Долг/Pflicht» в русском и немецком
языковом сознании: образная составляющая**
**The Concept «Duty/Pflicht» in the Russian and German Language
Consciousness: Figurative Component**

В данной статье рассматривается метафорически-образная составляющая концепта «долг/Pflicht» в русском и немецком языковом сознании. Выявлено, какие образные ассоциации (в текстах русской и немецкой поэзии) возникают с именем «долг/Pflicht», обозначающим моральную норму. Проводится сравнительный анализ метафор долга в русском и немецком языках.

In this article the metaphor-figurative component of the concept «duty/Pflicht» in the Russian and German language consciousness is considered. It was cleared up what figurative associations (in the texts of Russian and German poetry) do people have with the name «duty/Pflicht» which means a moral norm. Then the comparative analysis of duty's metaphors was performed in the Russian and German languages.

Ключевые слова: концепт, образность, метафора, образные ассоциации, сравнивать, долг, моральная норма.

Key words: concept, figurativeness, metaphor, figurative association, compare, duty, moral norm.

Долг – одна из основных категорий этики, отражающая особое моральное отношение. Нравственное требование, распространяющееся на всех людей (норма моральная), принимает форму долга, когда оно превращается в личную задачу определенного индивида применительно к его положению и какой-либо конкретной ситуации. Личность выступает здесь как активный субъект морали, который сам осознает и своей деятельностью осуществляет моральные требования [6: 121].

Для семантического описания лингвокультурного концепта в его составе выделяются три составляющие: понятийная, отражающая его признаковую и дефиниционную структуру, образная, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостная, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени [2: 6].

* Преподаватель английского языка, Кубанский государственный технологический университет, email <oxochka@mail.ru>

Образность – это реальное свойство языковых единиц, проявляющееся в способности вызывать в нашем сознании «картинки». Существуют также мыслеобразы, т. е. обобщенные и абстрагированные представления, которые продолжают оставаться картинкой [3: 45].

Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе [7: 3].

Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомиться с ними других. Метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сблизить абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове [1: 221].

Итак, метафоре присущи следующие важнейшие характеристики: она есть орудие мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном мировидении [3: 91].

Для того чтобы глубже понять, что стоит за вербальной объективацией языковой личностью окружающего мира, несомненно, следует окунуться и исследовать этот мир чувственных образов, составляющих метафорическую компоненту концепта. Для этого были взяты поэтические тексты русских и немецких авторов XVIII–XX веков.

Анализ образной компоненты концепта «долг/Pflicht» можно проводить по нескольким параметрам: степени специфичности-универсальности конкретных способов метафоризации, их частотности, по типу «вспомогательного субъекта» [4: 13] – прямого, производного значения лексической единицы, которой уподобляется долг, по основанию уподобления – признаку, задающему область сходства субъектов метафоры и, наконец, по степени названности «вспомогательного субъекта» – присутствует ли в тексте его имя или же его приходится восстанавливать по косвенным, сочетаемым признакам.

Анализ образных ассоциаций с именем «долг», обозначающим моральную норму, показал, что в русской поэзии довольно часто встречаются случаи персонификации долга – он, подобно человеку, имеет строгий и суровый характер: «Я вижу узел жизни – *строгий долг* – / В суровом Пятикнижьи Моисея; / У Соломона, эллина-еврея, / Любовь и жизнь одеты в яркий шелк, / Но Иов жизнь клянет, клянет, бледнея, / И этот стон доныне не умолк» (Бальмонт); «Нет! не любовь твой ангельский полет / С родных берегов направила к чужбине; – / *Суровый долг* – так, он тебя зовет, / И ты летишь, покорная судьбине» (Бенедиктов).

Долг, как господин, велит, повелевает: «Отряхнул опрятно руки / И, как *долг велит* в дому, / Поклонился и старухе / И солдату самому» (Твардовский); «Нет, все бывшие недомолвки / Домолвить ныне *долг велит*. / Пытливой дочке комсомолке / Поди сошлись на свой главлит» (Твардовский); «Чтоб под камнем что-то дрогнуло. / Мне ж призвание как плеть – / Меж стенания надгробного / *Долг повелевает* – петь» (Цветаева).

И, подобно начальнику, долг зовет и требует: «Священный *долг* за ними вслед / Тебя зовет, любовник брани; / Ступай, служи боги-не бед, / И к ней трепещущие длани / С мольбой подымет твой поэт» (Баратынский); «Нет! что однажды решено – / Исполню до конца! / Мне вам рассказывать смешно, / Как я люблю отца, / Как любит он. Но *долг* другой, / И выше и святей, / Меня зовет. Мучитель мой! / Давайте лошадей» (Некрасов); «Взошел он с пасмурным лицом, / В молчаньи сел, в молчаньи руки / Сжал на груди своей крестом; / Приметы скрытой, тяжелой муки / В нем все являло. Наконец: / "*Долг* от меня, – сказал хитрец, – / С тобою *требует* разлуки"» (Баратынский).

Также очень часто можно наблюдать метафорические реализации, когда долг исполняет роль бенефицианта – лица, получающего что-либо в результате действия. Можно быть верным долгу, ему изменять, служить, в дань давать, душу отдавать: «И себе же самой навстречу / Непреклонно в грозную сечу, / Как из зеркала наяву, – / Ураганом – с Урала, с Алтая, / *Долгу верная*, молодая, / Шла Россия спасать Москву» (Ахматова); «Боюсь смотреть, как мучатся в саду / Растений полумертвые подранки. / Гнев севера меня имел в виду, / Я *изменила долгу* северянки» (Ахмадулина); «Отец мой! должна я увидеть его... / Умру я, тоскуя по муже... / Ты, *долгу служа*, не щадил ничего / И нас научил ты тому же» (Н. Некрасов); «Слабым – братскую услугу, / Добрым – братскую любовь, / Верность клятв – врагу и другу, / *Долгу в дань* – всю сердца кровь» (Тютчев); «Глуше, глуше / Праздный гул. / Отдадим последний долг / Тем, кто *долгу отдал душу*» (Цветаева).

В русской поэзии также встречается пространственная метафора, но значительно реже. Долг может быть высоким (высшим): «И ты, прекрасная собака, / Ты тоже здесь, твой *долг высок* / В том братстве, где собрат собрата / Терзал и пестовал, как мог» (Ахмадулина); «Но всем судило Неизбежное, / Как *высший долг*, – быть палачом. / Друзья! Сложите тело нежное / На этом мху береговом» (Брюсов); «Иной, ты скажешь, просто лает, / А он свершает *высший долг* – / Он, осмысляя, развивает / Утиный и гусиный толк» (Тютчев).

И совсем уж редки метафоры зооморфные (собака): «Мракобесие. Смерч. Содом. / Берегите Гнездо и Дом. / *Долг* и Верность спустил с цепи, / Человек молодой – не спи» (Цветаева) и синестетическая (обонятельная): «И, крепкие в любви благоговейной, / Мы

пред царем сомкнемся в круг семейной, / И всяк сознай, и всяк из нас *почуй* / Свой честный *долг*! Царя сыны и слуги – / Ему свои откроем мы недуги / И скажем: "Вот! Родимый наш! Врачуй!"» (Бенедиктов).

Исследуя тексты немецкой поэзии, удалось выявить, что имя «Pflicht» у представителей немецкой культуры очень часто ассоциируется с человеком, который может играть различные роли.

1. Долг – обычный человек, который ведет повседневную жизнедеятельность – он то едет куда-нибудь, то может позавидовать или даже поспорить: «"Und die Pflicht? Und Romas Genius" / "Die *Pflicht fahr*' in den Tartarus! / Wie bald sind wir gestorben! / Wohlauf, um Lust geworben / Bei Flöten und Theorben"» (Dahn); «Auf der ganzen Erde Gottes / Wird die *Pflicht* das Glück *beneiden* – / Doch am schönsten ist ein flottes / Todesringen zwischen beiden» (Wedekind); «Ihr habt gehört der Wahrheit Wort: / Nicht *streiten* Lust und *Pflicht* hinfort, / Wenn ihr dem Einen Ziele lebt, / Zu welchem Alles aufwärts strebt: / Die kämpfenden Mächte feiern Versöhnung / Im Dienste der Menschheit und ihrer Verschönerung» (Dehmel).

2. Долг – начальник. Он зовет и требует: «So leben wir Soldaten stets in Freuden, / Nichts anderes wünschen wir ja niemals nicht. / Ade, Feinsliebchen, und jetzt muß ich scheiden, / Weil mich zu Bette *ruft* die harte *Pflicht*» (Thoma); «Nichts kann seinen Mut ermatten, / Wenn die *Pflicht* den Edlen *ruft*, / Er zählt fröhlich seine Taten, / Fliehet in des Grabes Schatten, / Sinket heiter in die Gruft» (Grillparzer); «Als drauf der König an dem teuren Funde / Den Blick gesättigt, denket er im stillen: "Die *Pflicht erheischt*, daß noch in dieser Stunde / Mein voller Dank sich zeige Frau Kamillen"» (Uhland); «Zieh hin zu Burgunds Maria, bring meinen Gruß ihr dar, / Dann reiche, mein Vertreter, die Hand ihr am Altar, / Und führe sie ins Brautbett - eilächle, Schalk, mir nicht! / Denn erzgewappnet zu liegen *erheischt* deine *Pflicht*» (Grün).

3. Долг – тюремный надзиратель. Он связывает, гонит, удерживает и в конце концов отпускает: «Den obdachlosen Ritter, den armen mag ich nicht, / Ich mag nicht Minnedienste, mich *bindet* höhere *Pflicht* / Ihr, ohne Ruhm und Schätze wagt doch um mich zu freien? / Nehmt das zurück, sonst möcht ich Euch noch des Irrsinns zeihen» (Otto); «Von rotem Blute dampft das Land, / Die Häuser, Dörfer stehn in Brand; / Und Menschen, die er nie gekannt, / Sind plötzlich seine Feinde worden – / Ihn *treibt* die *Pflicht*, sie hinzumorden» (Bodenstedt); «Und doch! Nicht folgen darf ich jenem Glücke, / Das deine Gunst so reich mir zugewogen; / Mich hält das Herz, mich *hält* die *Pflicht* *zurück*» (Geibel); «Wann nach des Tages Sorg und Frohne / Mich Abends nun *entläßt* die *Pflicht*, / Und ich der Chinarose nicht / Und nicht des Oleanders schone, / Die Hand zur stolzen Anemone / Bescheidenes Vergißmeinnicht, / Schas-

min, Resed und Myrthe bricht, / Und der Begleiterin zur Krone / Sie unter Scherz und Liedern flicht» (Boie).

4. Долг – учитель: «Das Gute tun, das Böse fliehn und meiden, / Herr, diese *Pflicht* lehrt mich dein heilig Leiden. / Kann ich zugleich das Böse mir erlauben, / Und an dich glauben» (Gellert).

Долг обладает человеческими качествами. Он может быть строгим, гордым, иногда хитрым и, наконец, серьезным: «Nur die Qualität des Geistes / Und Bewußtsein *strenger Pflicht*. / Das Verzeichnis nun beweist es, / Huber – Lehmann hat es nicht» (Thoma); «Und, was die Blösse mehr für Larven sich erdicht: / Wenn dieses Tugend heißt, so kanntest Du sie nicht. / Die deutsche Redlichkeit, der Eifer fürs Gesätze, / Die Folge *strenger Pflicht*, das waren deine Schätze» (Drollinger); «O großes Wort, o fester Stahl! / O Harnisch sondergleichen! / Was Gott versprach, was Gott befahl, / Das läßt mich nicht erleichen: / Die *stolze Pflicht* / Erzittert nicht, / Mag Land und Meer vergehen, / Sie wird mit Gott bestehen» (Arndt); «Ei, wie so anders lenkt ihr Schiff die Staatskunst jetzt in *schlauer Pflicht*, / Am Steuer sitzt der Eigennutz, und die Devis' heißt: Gleichgewicht; / Jetzt wird auf morschem Minarett der rost'ge Halbmond klug gestützt, / Und mit der Feuerschlünde Wut des alten Erbfeinds Reich geschützt» (Geibel); «So sei das heil'ge Erbe angetreten! / Sie weihet sich ganz des Lebens *ernster Pflicht*, / Recht Handeln gilt ihr mehr als weinend Beten, / Und mehr als Dulden, Streben nach dem Licht; / Die Mutterpflicht gibt ihr den Mut, die Stärke, / Ihr Teil zu fordern an dem Fortschrittswerke» (Otto).

У него может меняться настроение – то он грустный, то радостный: «Sich in der Furcht des Höchsten stärken, / In dem Vertraun, daß Gott uns liebt, / Im Fleiß zu allen guten Werken, / Ist diese *Pflicht* für dich *betrübt*» (Gellert); «Sie reißt den Hauptschmuck ab, um stolz sich umzubringen, / Und eilt, ihr Diadem sich um den Hals zu / schlingen: / Allein das schwache Band erfüllt ihr Wünschen nicht, / Es reißt und weigert sich der so *betrübten Pflicht*» (Gellert); «Eines gebe / dem Andern Gewicht: / fröhliche Freude, / *fröhliche Pflicht*» (Flaischlen).

Очень редко долг играет роль бенефицианта – лица, получающего что-либо в результате действия. Его почитают: «Schöne Schwestern, von Euch dreien / Welcher *huldigt* meine *Pflicht*? / Noch gehuldigt hab ich nicht» (Boie).

Довольно часто встречается синестетическая метафора:

1) вкусовые ассоциации (сладкий): «Und kann er zürnen? Nein! die *süße Pflicht* zu danken, / Sie gibt zu danken auch ein heilig Recht» (Grillparzer); «Ich sah sich über mich neigen / Im Traum ihr holdes Gesicht, / Das sorgende, sinnende Schweigen / Erschien ihr so *süße Pflicht*» (Lingg); «Mein Gesetz, es tötet zartes Leben, Kühnen Mut, und bunte Freude nicht, / Jedem ward der Liebe Recht gegeben, / Jedes übt der Liebe *süße Pflicht*» (Hölderlin);

2) зрительные ассоциации – красивый (прекраснейший): «Schmachten lassen / Sei der *Schönen Pflicht*! / Nur uns ewig schmach-

ten lassen, / Dieses sei sie nicht» (Lessing); «Heil, wenn einst euer Tag ruft! Das Frühroth flammt hervor, / Demanten, Sterne, Perlen und Blüthen tauchen empor! / Dann streut nicht als Almosen dem Volk eu'r Morgenlicht, / Sein langes stilles Hoffen schuf euch's zur *schönen Pflicht*» (Grün); «O *schönste Pflicht*, die Erde zu beglücken / Mit unserer Kasernenhofkultur, / Vor hohen Vorgesetzten sich zu bücken / Und subaltern zu gehn auf höherer Spur» (Henckell); «Es ist das schönste Land der Erd', / Doch nimmer ist's der Mühe wert, / Die schwere Krone drin zu tragen / Und mit Regieren sich zu plagen, / Ist diese schwere Bürde nicht / Zugleich des Herzens *schönste Pflicht*» (Dahn);

3) тактильные ассоциации (жесткий, холодный): «So leben wir Soldaten stets in Freuden, / Nichts anderes wünschen wir ja niemals nicht. / Ade, Feinsliebchen, und jetzt muß ich scheiden, / Weil mich zu Bette ruft *harte Pflicht*» (Thoma); «Tausend Mann, Schicht um Schicht, / Saugt die laute Arbeits-Hölle auf. / Zwingt sie all in *harte Pflicht* / Stunde um Stunde» (Engelke); «Ohnmächt'ge Göttin, sprich: kannst du der Sterne Lauf / Rückwenden, daß gescheh'ne Dinge nicht geschehn? / Du kannst es nicht -: so laß beisammen Mann und Weib! / Und – daß du's weißt - mich zieht nicht *kalte Pflicht* zu ihm» (Dahn).

Не редки случаи пространственной метафоры. Долг может быть высоким (высшим), низким, большим, узким: «Eins nur kann't ich als *hohe Pflicht*, / All mein Sinnen und Denken / Fromm mit jeglichem Morgenlicht / In das Schöne zu senken» (Geibel); «Darum gebiete deinem Mut, / Dein harrt die *höhre Pflicht*, / Ist jeder Herr von seinem Blut, / Du nur, du bist es nicht» (Grillparzer); «Genug, daß wir das Amt getreu verwalten, / Wozu der Staat uns für geschickt gehalten. / So *niedrig* unsre *Pflicht* euch scheint, / So soll euch doch der Ausgang lehren, / Daß wir mit euch zugleich vereint / Zur ganzen Republik gehören» (Gellert); «Du stehst vor ihren Bildern, lenkst / Den Blick auf ihre großen Namen, / Denkst Deine *große Pflicht*, / Den Helden allen nachzuahmen, / Den Willen im Gesicht» (Gleim); «Bei Tag, bei Nacht umschlingt uns wie ein Schatten / im kleinsten Kreis die *große Pflicht*. / wir Alle leben von geborgtem Licht / und müssen diese Schuld zurück-erstatten» (Dehmel); Ach, aber *enge* / scheint die *Pflicht*, / und so weit / ist doch die Welt» (Dehmel).

Иногда долг реифицируется, уподобляясь неживым предметам и явлениям, таким как:

1) ноша, которая может быть как тяжелая (тяжелейшая), так и легкая: «Mit dem Himmel zanken / Kann ich freilich nicht, / Aber ihm zu danken / Für das Strafgericht, / Scheint mir eine *schwere Pflicht*, / Daß von meinen Kranken / Zwei ins Grab nur, und nicht mehr noch sanken» (Rückert); «In Damons Arm, wenn Damon mit mir spricht, / Wird die Ge-

duld, die sonst so *schwere Pflicht*, / Mir lange so beschwerlich nicht» (Gellert); «Erst wenn er Höhn und Tiefen maß der Erden, / Lernt er die *schwerste Pflicht*: gerecht zu warden» (Heyse); «Zweierlei Genien sinds, die dich durchs Leben geleiten, / Wohl dir, wenn sie vereint helfend zur Seite dir stehn! / Mit erheiterndem Spiel verkürzt dir der eine die Reise, / *Leichter* an seinem Arm werden dir Schicksal und *Pflicht*» (Schiller); «Es zu erweichen, zu durchglühen, / Dir ist es eine *leichte Pflicht*; / Man kann ja Hühner in dir brühen, / Warum ein junges Gänschen nicht» (Mörrike);

2) веревка, которой связывают: «*Von keines Herdes Pflicht gebunden*, / Meint jeder nur, wir seien, grad / Für sein Bedürfnis nur erfunden, / Das hülfbereite fünfte Rad» (Droste-Hülshoff); «Ich will dir keine Freude rauben / und *binde dich mit keiner Pflicht*; / ich baue nicht auf Treu und Glauben, / ein festes Wort begehrt ich nicht» (Müller-Jahnke);

3) луна, которая светится: «Das Land, wo, unsrer Sonne gleich, das Recht, / Und, *wie der Mond*, die *Pflicht* den Tag und Nächten *leuchtet*» (Grillparzer).

Единичны случаи отождествления долга с природой, которая пробуждается: «Solang' die Sonne nicht den Nachtfloer bricht, / Sind Tagesvögel ohne Zuversicht. / Der Blick der Sonne ruft die Tulpen auf; / Jetzt ist, o Herz, dir zu *erwachen Pflicht*» (Rückert).

Сравнивая образные ассоциации долга в русском и немецком языках, мы выявили, что в русских поэтических текстах доминирующее место занимает антропоморфная метафора, иногда встречаются пространственная, зооморфная и синестетическая метафоры. В текстах немецкой поэзии, как и в русских, широко используется персонификация, не редки случаи пространственной, синестетической и реиморфной метафор.

Сопоставление реализации образной составляющей концепта «долг» в русских и немецких поэтических текстах свидетельствует, прежде всего, о меньшем интересе к этой моральной норме русского языкового сознания, в котором, по сравнению с немецким языком, метафора долга представлена беднее количественно и качественно, что, как и в случае историко-этимологического анализа ядерных лексем долга [5: 259-262], соответствует представлениям о том, что долг в русском сознании окрашен чувством единения с другими, ради которых долг следует исполнять, а для немцев *Pflicht* является предметом заботы, которому они уделяют большое внимание.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
2. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: моногр. – Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001.
4. Москвин В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. – Волгоград: Перемена, 1997.
5. Степанова О. В. Историко-этимологический анализ ядерных лексем концепта Долг в русском и немецком языках // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы: сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф. 10–12 окт. 2007 г. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007.
6. ФС – Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. – М., 1975.
7. Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by. – L. Chicago: 1980.

УДК 811.111'23

О. А. Улякова*

Основное содержание концептов «last» и «past» в современном английском языке

The main idea of the concepts «last» and «past» in modern English

Современная лингвистическая наука уделяет особое внимание проблемам изучения когнитивной деятельности человека в её лингвистической репрезентации. Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является концепт. Данная статья представляет собой попытку определить основное содержание концептов «last» и «past» путём их номинации и анализа словарных дефиниций выбранных лексем, а также выявить общий коннотативный элемент исследуемых концептов.

Modern linguistics pays special attention to the problems of studying cognitive activities of a person in their linguistic representation. The main object of cognitive linguistics is a «concept». This article represents the attempt to denote the main idea of the concepts «last» and «past» by means of their nomination and analysis of word definition. We also tried to find out if both concepts have a connotative element in common.

Ключевые слова: концепт, last, past, лексическая единица (ЛЕ), семема, семантема, лексема, словозначение, дефиниция.

Key words: concept, last, past, lexical unit, sememe, lexeme, definition.

*Аспирант кафедры иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <olg0982@yandex.ru>

В настоящее время лингвистическая наука уделяет особое внимание проблемам изучения когнитивных процессов человеческой деятельности в их лингвистической репрезентации. Одним из опорных понятий когнитивной лингвистики является концепт. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент мы располагаем рядом определений этого понятия, которое трактуется не всегда однозначно. Мы, в свою очередь, придерживаемся мнения З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [1: С. 34].

На современном этапе развития лингвистическая наука использует различные методы изучения концептов и способов их актуализации в языке. Одним из них является определение языковой номинации концепта и анализ словарных дефиниций выбранной лексемы. В настоящей статье мы используем этот приём для определения основного содержания концептов «last» и «past» в современном английском языке.

ЛЕ «last» [ОЕ «latost»] (в значении «following all the others, coming at the end») появляется в языке в староанглийском периоде как превосходная степень прилагательного «læet» («latost – læetest – la(t)st»).

Лексема «past» [ME passed] («something that is gone or has passed away») возникает в среднеанглийском периоде (XIV в.) из перфектной формы глагола «to pass».

Несмотря на то, что обе лексемы появились на разных этапах развития английского языка и, на первый взгляд, разнятся в значении, мы можем выделить общее денотативное ядро – идею «предшествования».

Таким образом, мы можем предполагать наличие общих семантем в значениях, выражаемых ЛЕ «last» и «past». В различных лексикографических источниках количество приводимых в словарных статьях словозначений ЛЕ «last» и «past» и их последовательность варьируется. Нами проанализированы статьи в восьми англо-английских словарях, что позволяет выделить следующие основные дефиниции рассматриваемых лексем:

1. last (adj.)

1.1 happening or coming at the end after all others;

1.2 most recent; next before the present, latest;

- 1.3 being the only remaining;
- 1.4 the least suitable, likely or important.
- 2. last (n., pron.)
 - 2.1 the person, thing or group after all others;
 - 2.2 the only remaining, the end;
 - 2.3 the one or ones before the present one;
- 3. last (v.)
 - 3.1 to go on or continue in time;
 - 3.2 to remain in good condition, in existence or alive;
 - 3.3 to continue in good condition or alive beyond the end of;
 - 3.4 to be enough for.
- 4. last (n.)
 - a wooden or metal model units of the human foot on which boots or shoes are shaped or repaired.
- 5. last (n.)
 - any of various large units of weight or capacity, varying in amount in different localities and for different commodities, often equivalent to 4000 pounds.
- 1. past (adj.)
 - 1.1 done, used or experienced before now;
 - 1.2 a little earlier than the present or up until now;
 - 1.3 finished or having come to an end;
 - 1.4 achieving something or holding a particular important position in the past;
 - 1.5 gr.: the past tense.
- 2. past (prep.)
 - 2.1 further than;
 - 2.2 up to and beyond.
- 3. past (n.)
 - 3.1 the past (the time before the present, and everything that happened then);
 - 3.2 the history of a person, nation etc.
 - 3.3 the events, phenomena, conditions, etc., that characterize an earlier period of time;
 - 3.4 an earlier period of one's life, career, etc., that is thought to be of a shameful or embarrassing nature;
 - 3.5 gr.: the past tense of the verb.
- 4. past (adv.)
 - 4.1 up and beyond a particular place;
 - 4.2 beyond in time, amount, power, reach, influence, etc..

Представленные выше дефиниции объединяются в следующие семантемы:

LAST

ADJECTIVE: past, previous; final, conclusive; no more; most recent; unsuitable.

NOUN: no more; continuance, endurance; a shoemaker's equipment; a measure of weight.

PRONOUN: final; no more; most recent.

VERB: continue, endure.

ADVERB: final; most recent.

PAST

ADJECTIVE: much/a little earlier than the present, recent; gram., former, previous, last; finished, ended.

PREPOSITION: a farther than/up to and beyond; beyond in time or age; beyond in possibility of.

ADVERB: by, to and beyond in space or time.

NOUN: the time before present; a former life; gram.

Таким образом, мы можем определить основное содержание интересующих нас концептов – “ нечто, относящееся к прошлому, предшествующее настоящему” (исключение составляют last 3 (v.), last 4(n.), last 5(n.)).

Сопоставление определений всех словозначений ЛЕ «last» и «past» позволяет выделить семемы – синонимы: «last»(adj.) = «past»(adj.) в значении «recent» – «прошлый, недавний» и «previous» – «прошлый, предыдущий», следовательно, наше предположение о наличии общего денотативного зерна у исследуемых лексем оказывается верным, что, в свою очередь, приводит к размышлениям о возможности существования общего коннотативного элемента в содержании обоих концептов.

Список литературы

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. – 2007. – 314 с.
2. Скворцова А.В. Основное содержание концепта «relation(s) в современном английском языке» // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: сб. материалов междунар. науч.-метод. конф...– СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2005. – С. 177–180.
3. Collins Cobuild. Compact learner's dictionary. – Harper Collins Publishers., 2004. – С. 345–346.
4. Longman Dictionary of English language and Culture. – Longman Group UK. Limited. 1992. – С. 738–739.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman Group Ltd., 1995. – С. 791–792.

6. Longman Essential Activator. – Addison Wesley Longman Limited., 1997. – С. 418–419.
7. Macmillan English Dictionary for advanced learners. – Macmillan Publishers Limited., 2007. – С. 846–847.
8. The all nations English Dictionary. – P.O. BOX 26300. Colorado Springs, CO 80936 (напечатано в России., 1992). – С. 383.
9. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Edited by T.F Hoad Oxford New York., 1996., с.259; с.339; 552с., ISBN 0-19-2830988
10. The Penguin Dictionary of English Synonyms and antonyms. – Penguin Book Ltd., 1992. – С. 255.
11. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – Gramercy books. – New York., 1996. – С. 809.

УДК 681.5

Ю. В. Чепель*

**Ник как художественно-когнитивный образ
в Интернет-коммуникации
Nickname as an art and cognitive image in Internet-communication**

В данной статье ник рассмотрен как художественно-когнитивный образ, функционирующий в Интернет-коммуникации. На основании критерия эмоциональной насыщенности художественно-когнитивные образы разделены на позитивно и негативно окрашенные.

In this article nickname is examined as an art and cognitive image, which functions in Internet-communication. On the basis of criterion of emotional filling, art and cognitive images are divided in positive and negative.

Ключевые слова: концепт, образность, метафора, образные ассоциации, сравнивать, долг, моральная норма.

Key Words: nickname, art and cognitive image, Internet-communication, positive art and cognitive image, negative art and cognitive image.

В Интернет-коммуникации общение происходит под специфическими псевдонимами – никами. Мы рассматриваем ник как презентацию художественно-когнитивного образа личности пользователя, как оформленную рефлексию над личностными особенностями и жизненными реалиями. Художественный образ определяют как «категорию эстетики, характеризующую особый ... способ освоения и преобразования действительности. В художест-

*Ассистент кафедры русского языка для иностранных граждан, Курский государственный университет; email <yulcha11@mail.ru>

венном образе неразрывно слиты объективно-познавательное и субъективно-творческое начала» [11]. Данные характеристики справедливы для создаваемого пользователем образа. В нике автор выражает свой индивидуальный опыт освоения окружающей действительности, показывает результат собственного взаимодействия с ней. При создании образа коммуникант реализует познавательное и творческое личностное начало. Познавательный компонент выражается в стремлении спрогнозировать реакцию и отклик на ник в Интернет-коммуникации. Творческое начало проявляется в желании придумать интересный, небанальный, запоминающийся ник, проявив, таким образом, индивидуальность и неповторимость. «Когнитивный образ – это субъективная репрезентация предмета с набором признаков..» [12]. В нашем случае в качестве субъекта выступает автор сообщений, имеющий особый набор признаков личности. Они осознаются коммуникантом, происходит процесс саморефлексии, в результате чего индивид представляет свой когнитивный образ в Интернет-коммуникации, закладывая в него самооценку. Через творимый образ пользователь может представлять разные аспекты своей личности: имеющиеся качества, характер, особенности настроения и поведения, увлечения, жизненные правила. Например, *КаПриЗнаЯ бРюНеТоЧкА*, *rizhik*, *Молчун*, *khrapun*, *нежная*, *tatyana zvezda*, *Kostya Deep*. «Соответствие такого образа реальному прототипу может быть самым непредсказуемым: пользователи «изменяют» пол, возраст, профессию, национальность, характер, а иногда называются неопределенными именами, не позволяющими угадать какие-либо признаки своего хозяина» [6: 65]. По мнению Жичкиной А. Е., Белинской Е. П., самыми яркими проявлениями экспериментирования с идентичностью представляются виртуальная «смена пола» и девиантное поведение в Сети. Эти явления широко распространены в Интернете. Некоторые пользователи Сети выдвигают на первый план одни свои признаки, а другие признаки намеренно скрывают. Другие коммуниканты рассказывают такие «факты» о себе, которые являются скорее желаемыми, чем действительными. Третьи презентуются в Сети просто непосредственно. Четвертые предпочитают, чтобы о них не было известно ничего [4]. При создании образа человек может руководствоваться разными причинами: желанием выделиться, показать свою уникальность и индивидуальность; стремлением позиционировать себя как активиста или последователя определенных взглядов или убеждений, указать на свои страсти и увлечения. Для реализации каких-то из вышеназванных целей автор старается сделать свой ник и стоящий за ним образ наглядным, полным и неповторимым, привлекающим внимание остальных участников общения: *М@ЛыШеЧк@* - *К@Н@пУшЕчК@*,

Paranoia Doll, Задумчивая Леди, scorpiono4ka. «Ник выполняет роль первичного коммуникативного представления о собеседнике. Например, если в общение вступают пользователи под именами Бородатый Эрик, Властелин мира, Джордж Буш, Ежик в тумане и подобные, то у потенциальных собеседников, по ассоциации с этими самоназваниями, складывается определенное представление о кругозоре, интересах, увлечениях, притязаниях, интеллекте данных пользователей, т. е. об их внутреннем мире» [6: 63]. После первичного коммуникативного представления, сложившегося у потенциального реципиента, общение может продолжиться. В процессе взаимодействия образ участника коммуникации развивается во времени, пополняясь с каждой новой записью, раскрываясь, разворачиваясь в непредсказуемом диалоге с другими людьми [7]. Часто ник и выражаемый образ при первом впечатлении кажется абсолютно безобидным, но в процессе общения автор может демонстрировать девиантное поведение, агрессию и даже хамство. Такие повороты в восприятии человека связаны со спонтанностью общения, его непредсказуемостью и возможностью двусмысленных интерпретаций. Ники «определяют линию поведения своих носителей. Например, от человека с ником *ЛьвеНКА* или *заюшка* вряд ли можно ожидать агрессивного коммуникативного поведения. Это ники для нежной юной особы. А какой-нибудь *Кровавый ангел* или *НипоНяТыйСамоубийца* – ники, которые свидетельствуют о преобладающем депрессивном настроении и юношеском максимализме. «*НипоНяТыйСамоубийца*» отражает еще и эпатажное пренебрежение правилами русского языка – тоже явление, распространенное по большей части именно среди молодых людей» [7: 94]. В зависимости от эмоциональной насыщенности и вложенного автором определенного смысла все ники и выражаемые образы можно разделить на позитивно и негативно окрашенные. Позитивно окрашенные образы раскрываются в никах, в которых заложены положительные личностные характеристики, хорошее настроение, прекрасный внешний вид и т. п. Вероятно, такие образы свидетельствуют об общем позитивном эмоциональном состоянии пользователя, его удовлетворенности собственной жизнью и окружающей действительностью. Негативно окрашенные образы проявляются в никах, содержащих указание на отрицательные характеристики личности: качества, характер, недостатки внешности, негативные настроения и т. д. Часто для создания положительного или отрицательного образа автор использует в нике указания на природные явления, животный и растительный мир, общественные события, известных людей, которые имеют общепринятую позитивную или негативную оценку и окраску.

Продemonстрируем сказанное выше на конкретных примерах ников. Мы проведем их анализ, руководствуясь методом словарного моделирования. В словарях как обобщенном коллективном общественном знании предложены основные значения и определения слов. На основе закрепленных в словарях дефиниций мы охарактеризуем и смоделируем созданные пользователями художественно-когнитивные образы.

К позитивно окрашенным образам относятся следующие примеры: *нежная*, *Жемчужина*, *kukolka*, *Солнечный зайчик*, *Свет Надежды*, *Пушистая*.

нежная. В качестве базисной характеристики данного образа коммуникант предлагает особенность своей личности – нежность. Нежный – значит «ласковый, проявляющий любовь. Приятный, не резкий, изящный. Мягкий, тонкий не грубый. Слабый, хилый, хрупкий» [10]. Таким образом, вероятно, этот ник повествует другим участникам коммуникации, что его автору присущи такие качества, как ласковый, приятный, изящный, хрупкий.

Жемчужина. Словарная дефиниция данного ника: «перен. сокровище, лучшая драгоценность (книжн.)» [10]. Словарь синонимов приводит такие аналогии, как «драгоценность, лучший» [8]. Таким образом, предлагая данный образ, автор, вероятно, стремится подчеркнуть важность, значимость своей личности, указывает на то, что он лучший.

kukolka. В данном нике представлен когнитивный образ «хорошенькой, нарядно одетой девочки» [10], красивой милой миниатюрной, похожей на куклу.

Солнечный зайчик. Солнечный зайчик – это «светлое пятно, появляющееся на каком-нибудь предмете от солнечного луча, отраженного блестящей поверхностью (разг.)» [10]. Самопрезентация пользователя наделена такими особенностями, как светлость, мягкость, игривость, солнечность.

Свет Надежды. Свет озаряет темноту, побеждает ее, давая жизнь и уверенность, а надежда, подкрепленная верой, помогает пережить плохое. Вероятно, данный образ выступает, как призыв бороться, не сдаваться и обязательно победить.

Пушистая. По всей вероятности, созданный авторский образ наделен следующими характеристиками: «легкий, очень мягкий, густой» [10].

К негативно окрашенным художественно-когнитивным образам можно отнести такие ники: *BaLBeS*, *Маньяковский*, *Unkind*, *Paranoia Doll*, *Лютая*, *Симпсон*, *дрРнь*, *Alkogolik*.

BaLBeS. В данном образе запечатлены особенности личности пользователя, носящие отрицательную окраску. Ушаков Д. Н. отмечает: «Балбес – это бестолковый, грубоватый и большого роста

(преимущественно молодой) человек» [10]. Слово происходит из тюркского языка...балбес – это рослый и неуклюжий дурень [5]. «Балбес – это болван, повеса, рослый, неуклюжий невежа» [9]. Таким образом, в созданном образе основополагающими выступают следующие характеристики: высокий рост, неловкость, грубость, безграмотность.

Маньяковский. Когнитивный образ в данном случае содержит фамилию и указание в ней на слово маньяк. Маньяк – «человек, одержимый манией, навязчивой идеей, упрямо следующий какой-нибудь мысли, цели» [10]. Маньяк – это «человек, одержимый болезненным односторонним пристрастием, влечением к чему-либо» [2]. Таким образом, вероятно, пользователь принимает на себя обозначенные характеристики, которые несут негативную эмоциональную насыщенность.

Unkind. Ник создан на английском языке, что свидетельствует о желании выделиться и указать на собственное образование и кругозор. В словаре находим следующие значения слова «unkind»: «диал. вредный, пагубный; враждебный, злой, недобрый» [1]. Таким образом, вероятно, автор создает образ недоброго враждебного сурового человека.

Paranoia Doll. Представленный ник состоит из сочетания двух слов. Doll переводится как кукла, «хорошенькая девочка, девушка или женщина (обычно не слишком умная и легкомысленная)» [1]. Данное слово представлено в немецком языке и имеет значение «бешеный, сумасшедший, безумный» [3]. Слово «paranoia» происходит от греческого «умопомешательство» – это «стойкое психическое расстройство, проявляющееся систематизированным бредом....» [2]. Таким образом, данный образ можно расценивать двояко: либо в нем презентуется безумная девушка, страдающая психическим расстройством; либо автор дублирует в нике акцент на безумии, сумасшествии без указания пола. Данное состояние может быть вызвано внешними причинами: непонятостью, жизненной трагедией, несчастной любовью – что привело к возникновению представленного состояния. Данный когнитивный образ создан с помощью приема нанизывания стилистических синонимов и, вероятно, имеет отрицательную эмоциональную наполненность.

Лютая. Даль В. И. трактует слово «лютый» как «свирепый, кровожадный, неукротимый, безмерно мучительный, невыносимый» [9]. Вероятно, коммуникант позиционирует себя в таком образе.

Симпсон – неопрятный эгоистичный равнодушный персонаж всемирно известного мультфильма. Если автор берет себе такой ник, то, возможно, на данный момент времени он ощущает себя именно так, конструирует собственный образ для Интернет-коммуникации подобно этому герою, отождествляет себя с ним.

дрЯнь. Слово «дрянь» толкуется в словарях с разных позиций. «Хлам, негодная вещь (пренебр.). Пустяки, ерунда, гадость (разг.). Низменный, ничтожный человек (пренебр.)» [10]. «Сор, мусор, хлам, грязь, нечистота; все никуда негодное, ветхое, плохое, ничего не стоящее» [9]. По отношению к человеку слово «дрянь» приобретает такие эпитеты: ничтожный, низменный, отвратительный, плохой, мерзкий. Создавая данный когнитивный образ, личность примеряет на себя вышеперечисленные определения и характеристики.

Alkoholik. Данный когнитивный образ имеет негативную окраску. «Алкоголик – страдающий последствиями злоупотребления алкоголем, пьянства» [5]. «Алкоголик – пьяница, пропойца» [8]. Взяв этот ник, автор принимает на себя названные характеристики.

Таким образом, важно отметить, что ники в Интернет-коммуникации выступают как художественно-когнитивные образы личности пользователя – участника общения. В зависимости от индивидуальных особенностей, жизненного мировосприятия, ощущения собственной идентичности, автор может создавать позитивно и негативно окрашенные художественно-когнитивные образы.

Список литературы

1. Англо-русский словарь общей лексики, 2004.
2. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. – М.: Сов. энцикл. 1969–1978.
3. Большой немецко-русский словарь по общей лексике: (в 3 т.) / под общ. рук. О. И. Москальской. – М.: Русский язык-Медиа, 2003.
4. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью, 1999 // <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>
5. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – М., 1890–1907, в современной орфографии.
6. Русакова Е. Б. Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование: дис ... канд. филол. наук. – М.: РГБ, 2007 // <http://diss.rsl.ru/diss/07/0636/070636005.pdf>
7. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. – М.: 1989. – 2006. – 191с.
8. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Абрамов Н. – М.: Рус. словари, 1999.
9. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1-4. – М., 1863-66, в современной орфографии.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935–1940.
11. Эпштейн М. Н. Образ художественный // <http://www.infoliolib.info/philol/tamarchenko/hr1.html>
12. <http://gloss.exitt.ru/3277588.html>

**Детерминанты авторского идиоконцепта «Angst»
(на материале писем и дневников Ф. Кафки)
Determinants of the author's individual concept «Angst»
(with examples from letters and diaries)**

В представленной работе рассматриваются детерминанты индивидуально-авторского концепта «Angst»: чувство ничтожности и вины, отсутствие внутренней свободы, отсутствие веры, боязнь людей, шума, неожиданностей и перемен в жизни, бессонница как следствие страха и вины, выражение эмоционального состояния «Angst» через описание физического состояния.

The present article is devoted to the determinants of the author's individual concept "Angst": the feeling of insignificance and guilt, the absence of inner freedom, the absence of faith, the fear of people, noise, surprise, and change in his life; sleeplessness as consequence of fear and guilt, expression of the emotional state of "Angst" by means of describing physical states.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт, Ф.Кафка, эмоциональный концепт «Angst».

Key Words: the author's individual concept «Angst», Franz Kafka, emotional concept «Angst».

Исследуя средства языковой репрезентации лингвокультурного концепта на материале произведений определенного автора, целесообразным представляется выявить, прежде всего, особенности авторского идиоконцепта. Для определения детерминантов индивидуально-авторского концепта «Angst» у Ф. Кафки следует обратиться к дневникам и переписке автора, а также к воспоминаниям его современников, что в дальнейшем может способствовать выявлению средств импликации данного концепта в его художественных произведениях.

В художественных произведениях, как правило, отражается доминирующий эмоциональный фон авторской личности; если в произведениях преобладают определённые аффекты, то существует вероятность того, что данные аффекты и эмоции присущи человеку и в жизни: «je häufiger gewisse affektive Inhalte in einem Text auftreten, um so stärker ist die jeweilige Emotion. Dadurch, daß ein Sprecher gehäuft über gewisse Themen spricht und sich so spezifische sprachinhaltliche Affektindikatoren innerhalb eines Textes massieren, steigt die

* Преподаватель кафедры иностранных языков; Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <tonik666@rambler.ru>

Wahrscheinlichkeit der Präsenz eines bestimmten affektiven Merkmals seitens der Sprechers». [1: 95].

По мнению кафкаведов, Ф. Кафка, терзаемый противоречиями и различными комплексами, воспринимал мир как конфликт: еврей среди немцев, немецкоязычный среди чехов, поэт, столкнувшийся с волевым отцом – предпринимателем, человек, любивший жизнь и здоровье, но терзаемый болезнями. Исследователи его жизни и творчества дают ему следующую характеристику: Ф. Кафка боялся отца, женщин, Праги, тела, любви, жизни – себя самого, страдал неврозом навязчивых состояний, изводил себя гимнастическими упражнениями, сто раз пережёвывал каждый кусок, почти панически реагировал на телефонные звонки и писал своим друзьям отточенные письма, чтобы держать их от себя подальше. Страх он пытается обуздать лишь в своем творчестве, отражая в произведениях реальный мир: холодно, сюрреально (перевод наш) [10: 1]. Для характеристики произведений Кафки используется прилагательное «kafkaesk»: описываемый мир – запутанный, непонятный, противоречивый, абсурдный, в нем анонимным загадочным силам противостоит слабый одиночка. Ф. Кафка жил изолированно, стремился к анонимности, страдал бессонницей, головными болями, длительными приступами слабости и кошмарными сновидениями. В 1917 г. он заболел неизлечимой болезнью, и в 1924 г. умер от туберкулёза гортани.

Из воспоминаний современников можно заключить, что одним из основных чувств Ф. Кафки было «Gefühl des Kleinseins» – чувство недостойности, ничтожности перед иными могущественными силами: «Ich entdecke in mir nichts als Kleinlichkeit, Entschlußunfähigkeit, Neid und Haß gegen die Kämpfenden ...» [5: 166], которое он метафорически сравнивает с чувством человека в открытом море: «...und doch ist es nichts als gemeine Angst, Todesangst. So wie wenn einer der Verlockung nicht widerstehen kann, in das Meer hinauszuschwimmen, glücklich ist, so getragen zu sein, jetzt bist du ein Mensch, bist ein großer Schwimmer und plötzlich richtet er sich auf, ohne besonders viel Anlass und sieht nur Himmel und Meer und auf den Wellen ist nur sein kleines Köpfchen und er bekommt eine entsetzliche Angst» [3: 185]. Часто встречающееся в произведениях Кафки чувство неуверенности и нерешительности, входящее в состав концептуальных признаков концепта «Angst» и связанное с ним причинно-следственными связями, является отражением эмоций, испытываемых автором в действительности.

Многое в своей жизни и в жизни окружающих Кафка объяснял страхом: «Die meisten von uns sind nur durch den Dreck der Angst an die wackligen Stühle billiger Grundsätze festgeleimt. Das ist die ganze Lebenspraxis. Ich – zum Beispiel – sitze in der Kanzlei, blättere in den

Akten herum und versuche meine Abneigung gegen die ganze Unfall-Versicherungs-Anstalt hinter einer seriösen Miene zu stecken» [3: 67]. Страх – «грязное» чувство, которое овладевает человеком, лишает его свободы и заставляет скрывать отвращение по поводу нелюбимого занятия за маской серьезности.

В письмах и дневниках автор много внимания уделяет себе: внешности, здоровью, ощущениям, бессоннице, отсутствию аппетита, что, как считают психологи, может быть важным действующим фактором развития чувства страха (Angst): «Der Grad der Selbstaufmerksamkeit ist daher eine wichtige Einflußgröße für das Angstgeschehen. Personen, die leicht sich in den Mittelpunkt ihrer Gedanken stellen und dabei ein defizitäres Selbstmodell wahrnehmen, verstärken das Erleben von Selbstwertbedrohung und damit ihre gesamte Angstreaktion» [12: 128]. Если такого человека игнорируют или обращают на него внимание и критикуют, возникает тревожное возбуждение, человек боится потерять свою социальную ценность (Leistungsangst), мучается вопросом о том, хорошее ли он производит впечатление, и всё время пытается смотреть на себя со стороны: «Wird man entweder völlig ignoriert oder von allen Leuten kritisch angeblickt, so entsteht ängstliche Erregung <...> Manche Menschen machen sich ständig Gedanken über sich selbst als ein soziales Objekt. Dabei werden sie von Ungewißheit darüber geplagt, ob sie wirklich einen guten Eindruck machen. Eine überdauernde öffentliche Selbstaufmerksamkeit ist daher oft mit sozialer Ängstlichkeit verbunden» [12: 131–132]. В произведениях Кафки герои много и беспокойно размышляют о своей роли в обществе, болезненно реагируют на слова и действия окружающих, или представляется ситуация потери человеком статуса в обществе (Der Prozess, Amerika).

Кафка и его герои с тревогой наблюдают за собственным телом, его функционированием и его изменениями: «Der eigene Körper, dessen Funktion und Veränderungen, sind ihm Objekt ständiger ängstlicher Beobachtung» [11: 329]. В произведениях Кафки тело для героев часто становится проблемой, оно может внезапно и без явных причин подвести (plötzlich und scheinbar unbegründet versagt) [11: 332]. Исследователи отмечают, что Кафка не описывает психическое состояние привычным языком, а концентрирует своё внимание на физических ощущениях, через которые передает эмоции: «Statt seinen psychischen Zustand auf der Ebene der Verbalsprache zu beschreiben, schildert er körperliche Empfindungen. Er verwendet die ikonischen Zeichen einer Körpersprache statt der konventionellen der Verbalsprache ... Kafka verwendet diese Körpersprache aber nicht im Sinne eines Täuschungsmanövers, sondern sie ist Ausdruck seiner Art, Psychisches zu erleben. Psychische Zustände treten ihm als körperliche ins Bewußtsein, die Gründe dafür aber sind ihm spontan nicht bewußt»

[11: 336]. В письме Милене Кафка говорит о приступе туберкулёза как о сговоре мозга и легкого: «Diese Verhandlungen zwischen Gehirn und Lunge, die ohne mein Wissen vor sich giengen, mögen schrecklich gewesen sein» [9: 7]. В связи со слабым здоровьем Кафка часто испытывал чувство усталости, слабости, уязвимости, которое вызывало различные опасения и страхи: «Der Körper ist ihm kein sicheres Besitz, und deshalb ist Kafka ständig in Angst, den letzten Boden unter den Füßen zu verlieren ... Gefühle erleben Kafka und seine Figuren körperlich in einem für uns kaum verständlichen Maße» [11: 339–340]. Из вышесказанного следует, что эмоциональный концепт «Angst» часто имплицитно используется в произведениях Кафки в физиологических состояниях героя.

Кафка страдал бессонницей, часто видел кошмары, о чем можно заключить из его дневников и писем, а также воспоминаний его друзей. Сон для него был врагом за день установленных ориентиров и взаимосвязей реального мира: «die Zeit vor dem müden Einschlafen ist die eigentliche Zeit der Reinheit von Gespenstern, alle sind vertrieben, erst mit der fortschreitenden Nacht kommen sie wieder heran...» [6: 369]. По словам друга, Кафка связывал свою бессонницу со страхом смерти: «Vielleicht ist meine Schlaflosigkeit nur eine Art von Angst vor dem Besucher, dem ich mein Leben schulde» [3: 119]. Для Кафки трубят трубы бессонных ночей (...bald blasen wieder die Trompeten der schlaflosen Nacht [9: 41]), он подкарауливает сон, а тот приходит ненадолго и тут же исчезает: «Nun liege ich aber hier auf dem Kanapee, ... passe auf den Schlaf auf der nicht kommen will und wenn er kommt mich nur streifen wird...» [4: 203], «Schlechter elender Schlaf, früh marternde Kopfschmerzen...» [6: 100], «ich bin seit etwa 14 Tagen in einer sich immer noch verstärkenden Schlaflosigkeit ... der Schlaf ist das unschuldigste Wesen und der schlaflose Mensch das schuldigste» [9: 11]. Бессонница, исходя из содержания последней цитаты, воспринимается Кафкой как следствие вины, которая являлась частью психологического состояния автора и связана с концептом «Angst» причинно-следственными отношениями. С подобным отношением автора ко сну можно связать и высокую частотность единиц лексико-семантического поля «Schlaf» в его произведениях, например, в его романе «Замок» (Das Schloss).

Признавая страх своим доминирующим состоянием, Кафка не объяснял его принадлежностью к «боязливому иудаизму» (zu jenem ängstlichen Judentum), по его словам, этот страх овладевает не всеми евреями, а единицами, но очень сильно: ... zweitens trifft er nach meiner Erfahrung die meisten Juden nicht und drittens trifft er nur Einzelne, diese aber sehr stark z. B. mich» [9: 26]. В то же время отношение Кафки к вере является одним из детерминантов индивидуального авторского концепта «Angst», он писал о себе:

«Mir fehlt jedes Vertrauen» [8: 349]. Отсутствие доверия и веры приводит человека в состояние безвыходности, неуверенности, нерешительности, бессилия и страха. Но следует говорить не только о страхе неверия, но и о страхе веры «von der Angst des Glaubens» [2: 69]. Так, в одном из писем Кафка говорит следующее: «diese Angst ist doch nicht meine private Angst – sie ist es bloß und fürchterlich – aber es ist ebenso die Angst alles Glaubens seit jeher» [9: 105].

Автор много размышляет о правде, верности и вере. Бог, жизнь и правда для него есть одно и то же (verschiedene Namen einer Tatsache): «Wer das Leben voll begreift, hat keine Angst vor dem Sterben. Todesangst ist nur das Ergebnis eines nichterfüllten Lebens. Es ist eine Äußerung der Untreue» [3: 145]. Кто познал жизнь, правду и Бога, тот не боится смерти. Ф. Кафка относился к смерти противоречиво: с одной стороны, он приветствовал её, как того, кому он может довериться: «Dem Tod also würde ich mich anvertrauen» [6: 234], с другой стороны, свои страхи он объяснял страхом смерти: «Und doch ist es nichts als gemeinste Angst, Todesangst» [7: 290]. Перед правдой автор испытывал страх, как перед пропастью, по дороге к правде нет указателей, и всегда можно сбиться с пути: «Ich schreкке vor der Wahrheit zurück», «Die Wahrheit ist immer ein Abgrund», «Der Weg in die Wahrheit hat keinen Fahrplan. Hier gilt nur das Wagnis der geduldigen Hingabe. Ein Rezept wäre schon ein Zurückweichen, ein Mißtrauen und damit schon der Anfang eines Irrweges. Man muß eben alles geduldig und ohne Angst hinnehmen. Der Mensch ist zum Leben und nicht zum Tode verurteilt» [3: 156–174]. Ложь, по мнению Ф. Кафки, есть проявление страха быть задавленным правдой, стыда за своё ничтожество и грех: «Die Lüge ist oft nur der Ausdruck der Angst, daß man von der Wahrheit erdrückt werden könnte. Es ist die Projektion der eigenen Kleinheit, der Sünde, vor der man sich fürchtet» [3: 187].

Вопрос правды связан с вопросом свободы, которой Кафка не испытывал, так как дом для него был тюрьмой без видимых оков и решеток, из которой нельзя было вырваться (einen speziell für mich installierten Kerker, der um so härter ist, da er einer ganz gewöhnlichen bürgerlichen Wohnung gleicht und von niemandem – außer von mir – als ein Gefängnis erkannt wird), а родители – преследователями: «Ich habe die Eltern immer als Verfolger gefühlt, bis vor einem Jahr vielleicht war ich gegen sie wie vielleicht gegen die ganze Welt gleichgültig wie irgendeine leblose Sache, aber es war nur unterdrückte Angst, Sorge und Traurigkeit, wie ich jetzt sehe» [8: 112]. Не имея внутренней свободы, свободу внешнюю Кафка считал заблуждением, пустыней, где кроме горьких трав страха и отчаяния ничего не растёт: «Die falsche, nur durch äußere Maßnahmen angestrebte Scheinfreiheit ist ein Irrtum, ein Durcheinander, eine Wüste, wo außer den bitteren Gräsern der Angst und Verzweiflung nichts gedeihen kann» [3: 50].

Одним из главных детерминантов авторского концепта «Angst» является боязнь людей и отношений с ними: «Jetzt war A. hier ... Wenn nur diese Besuche aufhören wollten, alle Menschen sind so ewig lebendig ... Ich habe solche Angst vor ihnen. Jeden Wunsch möchte ich ihm von den Augen ablesen vor Angst und aus Dankbarkeit ihm die Füße küssen, wenn er ohne Aufforderung zu einem Gegenbesuch fortgehen wollte. Allein lebe ich noch, kommt aber ein Besuch, tötet er mich förmlich» [9: 233]. «Die Furcht vor Menschen habe ich seit jeher gehabt, nicht eigentlich vor ihnen selbst, aber vor ihrem Eindringen in meine schwache Natur, das Betreten meines Zimmers durch die Befreundeten war mir ein Schrecken, war mir mehr als nur ein Symbol dieser Furcht» [8: 412]. Нежелание принимать посетителей, боязнь самых близких людей и их вторжения в свою слабую личность отразились в творчестве автора: неожиданное появление чужих людей («Der Prozess»), вмешательство родственников в личные дела героев («Amerika», «Die Verwandlung») создают в эмоциональном пространстве текста неприятное, беспокойное напряжение. Любовь вызывает у Кафки страх потерять себя: «Die Angst vor der Verbindung, dem Hinüberfließen. Dann bin ich nie mehr allein» [5: 311], она связана с мучениями: «Liebe ist, daß Du mir das Messer bist, mit dem ich in mir wühle» [9: 225]; сексуальные отношения как составляющая любовных отношений вызывают отвращение: «die Vorstellung einer Hochzeitsreise macht mir Entsetzen, jedes Hochzeitsreisepaar, ob ich mich zu ihm in Beziehung setze oder nicht, ist mir ein widerlicher Anblick, und wenn ich mir Eckel erregen will, brauche ich mir nur vorzustellen, daß ich einer Frau den Arm um die Hüfte lege» [7: 122]. В его произведениях нет счастливых влюблённых, а любовные сцены выглядят грязно, неловко и приводят к печальным последствиям.

Кафка пытался оградить себя от непредсказуемости людей, сюрпризов и неожиданностей, для него не существовало «приятных неожиданностей» (keine angenehme Überraschungen) [7: 104], а письма воспринимались как посланники нового, неизвестного, которое поджидает как за закрытой дверью и внезапно обрушивается на получателя письма независимо от его воли: «Träger und Überbringer von Überraschungen, welche seine Ruhe gefährden könnten. Wie hinter verschlossenen Türen lauert in ankommenden Briefen ungewiß Drohendes, das plötzlich, ohne Rücksicht auf den Empfänger über ihn herfällt» [2: 57].

Кафка был чувствителен к шуму, отмечал, что в мире очень много шума: «so viel Lärm in der Welt» [7: 377]. О граммофонах он писал следующее: «schon daß sie in der Welt sind, empfinde ich als

Drohung» [8: 134]. Ему требовалось много времени, чтобы избавиться от боязни шума и головных болей: «Um die Lärmangst, das niemals erfolglose Lauern auf den Lärm, die Verwirrung im Kopf, die Schmerzen in den Schläfen loszuwerden» [7: 395]. Шум был для Кафки вторжением в его жизнь чужой, подчиняющей себе силы, которая отвлекала от выбранного направления, разрушала порядок и повергала в сомнения и страх. Полная тишина, отсутствие всяческих шумов также вызывает чувство изоляции и страх: «eine Stille, förmlich von allen Seiten ihm zugewendet, ihn behorchend, eine Stille, die sich von ihm nähren will, nur sie hört er. Das ist unheimlich» [6: 257].

Слабая натура Кафки страдала не только от неожиданного вторжения людей и шума, ему по долгу службы приходилось много времени проводить в поездках, связанных с переменами, новыми впечатлениями и людьми: «Ich habe, um es zuerst ganz allgemein zu sagen, Angst vor der Reise ... Aber nicht vor dem Reisen selbst ... Eher ist es Angst vor der Veränderung, Angst davor, die Aufmerksamkeit der Götter durch eine für meine Verhältnisse große Tat auf mich zu lenken» [7: 385]. Из этого высказывания следует также, что страх Кафки неразрывно связан с чувством недостойности и вины перед высшей силой.

На основе дневников и писем Ф. Кафки, а также воспоминаний современников можно выделить следующие детерминанты индивидуально-авторского концепта «Angst»: 1) чувство ничтожности «Gefühl des Kleinseins» и вины перед могущественными силами; 2) чувство внутренней несвободы (der Dreck der Angst) как следствие страха; 3) отсутствие веры как причина страха; 4) боязнь людей и отношений как страх потерять себя; 5) боязнь шума как вторжения чужой разрушительной силы; 6) боязнь неожиданностей и перемен в жизни; 7) бессонница как следствие страха и вины; 8) имплицитное выражение эмоционального состояния «Angst» через описание физического состояния человека.

Список литературы

1. Battacchi M., Suslow T., Renna M. Emotion und Sprache. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1997
2. Honegger J. B. Das Phänomen der Angst bei Franz Kafka. – Berlin, 1975.
3. Janouch G. Gespräche mit Kafka, Aufzeichnungen und Erinnerungen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1981.
4. Kafka F. Tagebücher Bd. 1: 1909–1912. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2008.
5. Kafka F. Tagebücher Bd. 2: 1912–1914. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2008.

6. Kafka F. Tagebücher Bd. 3: 1914–1923. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2008.
7. Kafka F. Briefe 1902–1924, Gesammelte Werke. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1966.
8. Kafka F. Briefe an Felice. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2004.
9. Kafka F. Briefe an Milena. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2004.
10. Kunkel S. «Ich bin Anfang oder Ende». Ein neuer Versuch über den Zwangsneurotiker Franz // Die Welt. – 4 Dez. – 2005.
11. Peyer B. Die Rolle von Körper&Körperlichkeit bei Kafka // Symbolik des menschlichen Leibes, hrsg. von P. Michel, Peter Lang. – Bern, 1995.
12. Schwarzer R. Angst // Emotion und Kognition, München, Wien, Baltimore: Urban und Schwarzenberg, 1983.

УДК 81.1

*И. Н. Щекотихина**

Стереотип: аспекты и перспективы исследования
Stereotype: aspects and perspectives of research

Явление стереотипности многопланово. Оно проявляет себя в различных сферах человеческой деятельности и получает определенную интерпретацию в соответствующих областях знания. В данной статье предпринята попытка систематизации подходов к пониманию сущности стереотипа с целью выявления аспектов и возможностей исследования данного феномена.

The phenomenon of stereotype is very diverse. It manifests itself in different spheres of human activity and receives certain interpretation in corresponding areas of knowledge. The present paper is aimed at giving a systematized picture of the views on the nature of the given phenomenon revealing aspects and perspectives in its research.

Ключевые слова: Стереотип, стереотипность, стереотипизация, структура стереотипа, стереотипный концепт, социальный стереотип, ментальный стереотип, динамический стереотип, речевой стереотип.

Key Words: Stereotype, stereotypization, stereotype structure, stereotyped concept, social stereotype, mental stereotype, dynamic stereotype, speech stereotype.

Термин «стереотип» довольно неоднозначен. В литературе отмечается его неудачность, расплывчатость [22], нетерминологичность [21]. Однако, на наш взгляд, указанные характеристики позволяют использовать данное слово для обозначения всего мас-

*Кандидат филологических наук, Орловский государственный университет, email <schek@orel.ru>

сива определенного рода феноменов, так как «понятие стереотипности – достаточно емкое и многомерное образование» [16: 136].

Стереотип – это метафора, пришедшая из типографского дела, где стереотипом называется монолитная печатная форма, рельефная копия с набора или клише (от греч. – твердый отпечаток). Наличие таких печатных форм делает возможным осуществление массовой печати без повторного набора. В метафорическом смысле стереотип – это прочно сложившийся, постоянный образец чего-либо, стандарт. Основанием для переноса данного термина на наши представления о мире, самих себе и других людях послужило «широкое распространение продуктов стереотипии, ограниченное количество элементов, комбинированных в "наборе", а также их устойчивость» [10: 183].

Феномен стереотипности, в принципе, присущ любой деятельности, поэтому является объектом рассмотрения в дисциплинах различной научной направленности: социологии, политологии, культурологии, этнографии, различных отраслях психологии и физиологии, когнитивистике, лингвистике и т. д. Различные ракурсы рассмотрения объекта накладывают свою специфику на его определение и терминологическое обозначение, в связи с чем понятие стереотипа расщепляется на ряд специализированных понятий, отраженных в следующих терминах: стереотип социальный, политический, ментальный, мыслительный, поведенческий, двигательный, культурный, этнический, этнокультурный, расовый, профессиональный, гендерный, языковой, речевой, коммуникативный и т. д. Данный перечень не представляет собой упорядоченной классификации, поскольку указанные в нем терминологические обозначения различаются генетически и соотносятся с разными аспектами (уровнями) научного анализа. Один и тот же стереотип может быть охарактеризован как феномен социальный, когнитивный, лингвистический и т. д. Например, этнический стереотип как разновидность стереотипа социального, будучи ментальным образованием, может реализовывать себя в нормах поведения и общения, языковых и речевых формах.

Первое наиболее четкое и определенное употребление слова «стереотип» в качестве научного термина связывают с именем американского социолога (политолога) и журналиста У. Липпмана, который ввел понятие стереотипа в сферу социально-политического дискурса, изложив в 1922 г. свою концепцию общественного мнения. Автор концепции [17] назвал стереотипами упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека (образы сознания), которые экономят усилия при восприятии сложных объектов мира и защищают его ценности, позиции и права. Это принятые в исторической общности образцы восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и уз-

навании окружающего мира, основанные на предшествующем социальном опыте.

Работа У. Липпмана оказала огромное влияние на все последующие исследования в области стереотипного, и с тех пор было предложено большое количество определений стереотипа. Однако в первую очередь речь шла об этнических, этнокультурных стереотипах, под которыми понимались устойчивые, обобщенные представления о психологических характеристиках этнических, национальных, культурных сообществ людей. В толкованиях более широкого понятия – социального стереотипа – также подчеркивается его соотнесенность с группой (категорией) людей как объектом стереотипизации, но в качестве группы выступает не только этнос или нация, но и объединение людей по прочим социальным признакам: возрасту, полу, профессии и т. д. Во многих дефинициях социального стереотипа фигурируют и другие социальные объекты (события, явления и т. п.). В целом под социальным стереотипом понимают «стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ, представление о социальном объекте» [36: 538]. Подобная трактовка схожа с определением стереотипа в политической психологии, где в качестве объекта образной схематизации и стандартизации выступает социально-политический объект (процесс, явление) [23: 81].

Н. А. Рождественская [29] разделяет стереотипы по их содержанию на две категории: стереотипы, характеризующие людей как членов определенных национальных, социальных и политических групп, и стереотипы, характеризующие личностные особенности людей по их поведению, физическим качествам, оформлению внешности и т. д.

П. Н. Донец [10] предлагает классификацию стереотипов на основе нескольких асимметричных оппозиций:

- личностные, имеющие отношение к лицам как членам определенных социальных сообществ, и вещественные, событийные и т. д., объектом которых являются вещи, события, страны и т. д.;
- прагматические, связанные с отражением эмоций, оценок и т. п., и когнитивные, отражающие чисто вещественную, рациональную информацию;
- гетеростереотипы, т. е. представления о других, образы «чужого», и автостереотипы, т. е. представления о самом себе как члене некоторого этноса или носителя некоторой культуры, образы «себя»;
- интенциональные (целенаправленные) и спонтанные;
- позитивные и негативные;
- интенсивные и медиальные.

Комбинация последних признаков, по мнению автора, необходима для разграничения между имиджем (позитивная окраска, кон-

струируется интенционально), предрассудком (спонтанный, негативный заряд) и образом врага (интенциональное усиление предрассудка).

По мнению Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой, стереотипы могут быть не только позитивными и негативными, но и нейтральными [7]. Стереотипы имеют много общего с ритуалами, традициями, обычаями, мифами, но стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих» [18].

В исследованиях по социальным стереотипам рассматриваются вопросы адекватности содержания тех или иных стереотипов, их функций в обществе, источников их формирования, факторов их устойчивости и динамики.

Объекты внимания социологического подхода к сущности стереотипа отличаются от сферы интересов психологического подхода, несмотря на то, что в социологических (политологических, культурологических) дефинициях стереотипа отмечается психологический (когнитивный, ментальный) характер данного образования. По мнению В. С. Агеева, «нерасчлененное представление о социальных и психологических функциях социального стереотипа, обусловленное смешением уровней научного анализа, приводит к однозначно негативной оценке социальных стереотипов как явления не только социального, но и психологического» [1: 96]. Автор предлагает различать понятия социального стереотипа и стереотипизации. Психологический процесс стереотипизации выступает только как механизм формирования стереотипов, но не обуславливает их содержания, которое образуется факторами социального порядка и может быть оценено в категориях «хорошо» или «плохо».

Психологический процесс стереотипизации следует рассматривать в общем контексте проблем восприятия, концептуализации, категоризации, схематизации, т. е. как процесс когнитивного свойства. Стереотип при таком рассмотрении предстает как концептуальная единица (ментальное образование, когнитивная структура). Поскольку «стереотипы могут формироваться в любой области человеческого знания, <...> стереотип, выступая регулятором социального поведения, является и когнитивным стереотипом» [27: 166].

Когнитивная природа стереотипа зафиксирована в понятиях ментального стереотипа, стереотипа мышления, психологического стереотипа, мыслительного стереотипа, которые отражают обобщенное представление о предметах, явлениях социальной и природной среды [19], об устойчивых, регулярно повторяющихся связях и отношениях [6]. В. А. Пищальникова вводит понятие конвенционального стереотипа, которое трактуется ее школой как «когнитив-

ная структура с фиксированной оценкой представляемого знания, функционирующая в качестве психологического механизма стабилизации социально значимой деятельности» [9, 26, 27, 35].

Отмечается, что стереотип формируется на базе концепта и «способен включать в себя все принципиально выделяемые в структуре концепта компоненты, однако соотношение компонентов в составе стереотипа несколько иное» [27: 164]. В структуре стереотипа выделяют, как правило, два компонента: знание (когнитивно-информационный компонент) и отношение (эмоционально-чувственный и оценочный компонент). В ряде работ стереотип представляется во взаимосвязи трех компонентов: когнитивного (содержание), аффективного (чувственного, эмоционального, выражающего отношение и придающего установке оценочный характер) и поведенческого (конативного, характеризующего готовность человека к определенному поведению (социальную установку) в отношении объекта познания).

Отличительной функциональной особенностью стереотипа по сравнению с концептом В.А. Пищальникова считает деятельность ориентированность (императивность) данного вида знания, в то время как концепт, представляя собой внутренне динамичную содержательную структуру, прежде всего связан с отражением действительности. Структурно-содержательное отличие стереотипа от концепта вызвано тем, что доминантным компонентом структуры стереотипа является эмоция, которая и «определяет деятельностный характер знания в образующейся структуре стереотипа и представляет социально одобренное отношение к данному знанию, что принуждает личность к поведенческим реакциям определенного характера» [27: 164]. Автор также отмечает значимость культурологического компонента в структуре стереотипа и высокую степень стандартизованности содержания языкового компонента (определенному стереотипу соответствует стандартный набор средств – штампов, репрезентирующих его содержание в тексте и направляющих восприятие реципиента). Такие компоненты стереотипа, как референтная соотнесенность, понятийный и ассоциативный компоненты, не имеют, по мнению автора, существенных отличий от структуры базового концепта, хотя характер ассоциативных реакций на стереотип у разных членов социума оказывается более однородным.

По мнению В. В. Красных [15], стереотип отличается от концепта большей конкретностью и «ограниченностью». Концепт, в понимании В. В. Красных, – это единица более высокого уровня абстракции, своего рода «идея», «понятие». Эта единица не имеет

визуального прототипического образа, хотя и допускает наличие визуально-образных ассоциаций, с ней связанных. Стереотип характеризуется образной природой. Концепт проявляется в валентностях, которые могут предопределять «предсказуемые» блоки свободных ассоциаций, в то время как стереотип проявляется в конкретных реализациях, которые могут быть представлены предсказуемыми ассоциациями. Концепт – феномен парадигматического плана. Стереотип функционален, и в этом смысле более «широк», так как проявляется в коммуникативном поведении как таковом. Концепт хранится в форме гештальтов и пропозиций, стереотип – в виде фрейм-структур. Определяя стереотип как образ-представление, В. В. Красных выявляет в нем две ипостаси: стереотип поведения (выполняет прескриптивную функцию, т.е. определяет поведение и действия, которые следует осуществлять), и собственно стереотип-представление (выполняет предикативную функцию, т. е. определяет то, что следует ожидать в той или иной ситуации). Стереотипы-представления, в свою очередь, подразделяются на стереотипы-образы (представления о предметах) и стереотипы-ситуации (представления о ситуациях).

Мы в вопросе разграничения понятий концепта и стереотипа исходим из понимания структуры концепта, представленного в работах С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, М. В. Никитина, И. А. Стернина [4, 5, 12, 20, 33]. Несмотря на специфику представляемых разными учеными моделей структуры концепта, «большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки» [33: 219]. Содержание понятия «дополнительные признаки» в разных концепциях различно, однако многие авторы включают в него оценку, а также знания, фиксирующие опыт материального и/или духовного взаимодействия с референтом, результаты вербализации концепта в литературе, фольклоре и т. п.

В соответствии с изложенными представлениями о структуре концепта и стереотипа мы полагаем, что стереотип формируется на основе образной и оценочной составляющих концепта. Заметим, что образный компонент концепта может быть представлен перцептивными и когнитивными (метафорическими) образами, а оценочный компонент общей (общеаксиологической), сенсорно-чувственной (эмоциональной), этической, эстетической, интеллектуальной, утилитарной оценкой, а также оценкой возможности, необходимости, уверенности, наличия. В процессе стереотипизации происходит обобщение, схематизация доминирующих в том или ином социуме

(группе) образов и оценок, связанных с неким понятием. Полагаем также, что существенную роль играют дополнительные признаки культурологического характера (энциклопедическая, регулятивная, утилитарная, социокультурная, паремиологическая зоны структуры концепта, по И. А. Стернину), которые непосредственно связаны с формированием образов и оценок. Это дает основания определять стереотип как образ-представление, как эмоционально-интегрированную структуру, как деятельность-ориентированное знание и говорить о высокой степени значимости культурологического компонента в его структуре.

В основе стереотипизации может лежать перцептивный образ, когда происходит обобщение, стандартизация определенных признаков референта (предмета, явления, лица/категории лиц, ситуации). В приведенном В. В. Красных примере стереотипа-представления «очередь» таковыми являются признаки «крик», «злоба», «агрессия», «грубость» [15: 178].

Метафорическое осмысление референта также может стать стимулом к образованию стереотипа в том случае, если определенный метафорический (когнитивный) образ становится типизированным, конвенциональным. В этом плане показательным является, например, исследование метафорических образов концепта «Украина», проведенное М. В. Пименовой на материале российских СМИ [25]. Несмотря на то, что предметом указанного исследования являются не стереотипы, а концептуальные метафоры, материал данного исследования может служить, на наш взгляд, иллюстрацией пути формирования стереотипного образа страны (государства) на базе метафор, тем более что данная работа входит в цикл работ, объединенных общей темой «страна глазами жителей другой страны» и выявляющих, как правило, стереотипы восприятия одного народа другим.

В процессе стереотипизации оценочные признаки вплетаются в структуру образа и формируют определенное отношение к референту. Полагаем, что доминирующий признак определяет и характер стереотипа (прескриптивный/императивный или предикативный) или, точнее, степень выраженности (соотношения) данных параметров в структуре стереотипа, если исходить из того, что стереотип характеризуется наличием обоих параметров (приписывает референту набор признаков и предписывает нормы поведения и отношения к нему).

Таким образом, стереотипизация концепта связана с «гипертрофией» определенных концептуальных признаков, их обобщением и стандартизацией в сознании представителей определенного сообщества. Концепт, подвергшийся таким когнитивным операциям, становится стереотипом, или стереотипным концептом (данный термин встречается, в частности, в работах Н. Л. Дмитриевой [9], Т. М. Пермяковой [24]).

Формирование стереотипов имеет объективные психофизиологические основания, связанные с особенностями функционирования мозговых структур. Физиологический фундамент в понимании рассматриваемого феномена был заложен учением И. П. Павлова о динамической стереотипии, А. А. Ухтомского о доминанте, теорией функциональных систем П. К. Анохина, понятием нервной модели стимула Е. Н. Соколова, исследованиями Н. П. Бехтеревой и ее учеников. В основу представлений русской физиологической школы о стереотипе легла способность мозга фиксировать однотипные изменения среды и соответственно реагировать на эти изменения, а именно интегрировать под влиянием доминирующего параметра частные структуры, механизмы, процессы в комплексную организацию, действующую циклически и динамически. Феномен динамического стереотипа является отражением ведущего принципа работы мозга – принципа системности, согласно которому на сложные комплексные воздействия мозг реагирует не как на ряд отдельных изолированных раздражителей, а как на систему. Стимулом для активизации всего образующего стереотип комплекса может стать любой компонент из группы прежних раздражителей.

Отличие динамического стереотипа от условного и безусловного рефлекса состоит в способности цепи нервных следов от прежнего раздражителя срабатывать в отсутствие внешнего стимула [34], т. е. роль стимула могут выполнять компоненты сформированной функциональной системы.

Динамические стереотипы повышают эффективность работы нервной системы, так как после каждой реакции происходит автоматическая подготовка к последующей реакции, развивается способность к прогнозированию результата. Автоматизация повторяющейся деятельности формирует соответствующие матрицы памяти (по Н. П. Бехтеревой), поддерживающие приобретенные автоматы и полуавтоматы. Решение мозгом одинаковых задач происходит по принципу так называемых «меченых линий», т. е. «путем минималь-

ного использования территорий, когда все остальное поле предназначено для мышления» [3: 89].

Важной характеристикой стереотипа является то, что он начинает действовать до «включения» сознания. У человека без участия фокусированного внимания на «бессознательном уровне» можно выработать временные связи, которые фокусируются в долгосрочной памяти. Определяющую роль в сохранении временных связей играют эмоциональное состояние и мотивация [14].

Стереотип подвержен динамике в изменяющихся условиях среды, но в результате многократного функционирования он все более и более закрепляется и становится трудноизменяемым.

Динамические стереотипы могут формироваться на разных уровнях: метаболическом, гомеостатическом, поведенческом, психическом, социальном и, соответственно, речевом.

Понятие речевого/языкового стереотипа обычно ассоциируется с готовыми, воспроизводимыми выражениями, получившими устойчивый характер, как правило, клише и штампами. В задачи лингвистики входит описание структурно-семантических особенностей этих единиц и их классификация. Однако сложность такой работы заключается в том, что «при традиционном методе исследования, основой которого является изучение языковых единиц в отрыве от контекста функционирования, сочетания исследуемого типа обнаруживают внутренне противоречивую природу, демонстрируя, с одной стороны, свойства свободных словосочетаний, с другой – свойства фразеологизмов» [8]. Как утверждают исследователи последних лет «категория речевых стереотипов является скорее функционально-прагматической, чем морфосинтаксической» [11]. В связи с этим вопрос типологии проявлений стереотипного в речи остается открытым.

Анализ литературы по исследованиям в области речевой/языковой стереотипности выявляет разнообразие и самих объектов данной категории, и их терминологического обозначения: штампы, клише, языковые стереотипы, речевые стереотипы, речевые формулы, формулы речевого этикета, стандартные реплики, коммуникативные клише (стереотипы), частотные сочетания, «связанные» синтаксические конструкции, стилеобразующие единицы, жанрово-композиционные каноны (рамки), формообразующие схемы, фразеологизмы, групповые шаблоны, деловые стандарты, излюбленные обороты, крылатые слова, цитаты, афоризмы, лозунги, максимы, обрядовые формулы, стереотипные суждения, «баналь-

ные цитаты», стереотипные попытки завязать знакомство, стереотипизированное остроумие, термины и т. п. Как отмечается в литературе, «стереотипизированными могут быть большое количество лексических единиц – от отдельной вербальной единицы до текста» [31: 21]. Таким образом, лингвистическое понятие стереотипа охватывает довольно широкий круг явлений.

Следует заметить, что влияние прагматики, теории коммуникации, психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии значительно расширило объем и содержание понятия речевой/языковой стереотипности, которое трактуется как явление многоплановое [13], формируемое из различных составляющих и под воздействием ряда факторов социального, психологического и лингвистического свойства. В определение стереотипа вводятся когнитивные, коммуникативные, социокультурные признаки [31, 28, 32, 22, 15, 30, 2 и др.]. Это открывает перспективы полиаспектного анализа явления с учетом указанных характеристик.

В целом, приведенный выше обзор выявляет следующее состояние рассматриваемой проблемы. Различные трактовки стереотипа отражают разные стороны одного явления: физиологический базис, социальную и психологическую обусловленность, поведенческую и вербальную реализацию. Для того чтобы привести все это многообразие в некую систему, требуется комплексное, многопараметрическое описание категории стереотипности, выявляющее наиболее полный ее состав, характер отношений между ее объектами, их интегративные и дистинктивные свойства. Категория стереотипности в речевой деятельности проявляет себя во всех указанных ипостасях и также нуждается в подобной систематизации. Вопросы, связанные с механизмами и факторами стереотипизации, в том числе и на уровне речи, также требуют более глубокого и системного изучения.

Список литературы

1. Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // *Вопр. психологии.* – 1986. - № 1. – С. 95-101.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005.
3. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.: АСТ, Сова, 2007.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // *Изв. РАН. Сер. лит-ры и языка.* – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47–58.
5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004.
6. Горбачева Е. И. Предметная ориентация мышления и понимание // *Вопр. психологии.* – 1994. – № 5. – С. 78–86.

7. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Академия, 2007.
8. Дельская Т. Ф. Речевой стереотип как функциональная единица // Значение и смысл слова. – М., 1987. – С. 109 – 117.
9. Дмитриева Н. Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: автореф. дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 1996.
10. Донец П. Н. К типологии стереотипов // Социальная власть языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 183-188.
11. Загидулина Р.Г. Основные семантические группы речевых стереотипов // Романский коллегийум: Материалы междисциплинарных науч. чт. Вып. 1. – СПб., 2004. – С. 16–22.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
13. Котюрова М. П. Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотипность и творчество. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1998. – С. 5 – 30.
14. Костандов Э. А. Роль бессознательного в процедуре принятия решения // Интуиция. Логика. Творчество. – М.: Наука, 1987. – С. 64–77.
15. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002.
16. Крижановская Е. М. О стереотипности компонентов коммуникативно-прагматической структуры научного текста // Текст: стереотипность и творчество. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1998. – С. 136 – 140.
17. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под. ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.
18. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
19. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2005.
20. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 53–64.
21. Никитина С. Е. Стереотипные суждения и речевые клише как культурные барьеры // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 81–83.
22. Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 112–131.
23. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая кн., 2001.
24. Пермякова Т.М. Стереотипизация в публицистическом тексте // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 2002. – С. 317–328.
25. Пименова М. В. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). – Екатеринбург, 2007. – С. 52–60.
26. Пищальникова В. А., Дмитриева Н. Л. Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование // Изв. АГУ, 1997. – № 2 (4). – С. 80–84.

27. Пищальникова В.А. Психопоэтика. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999.
28. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку. – М.: Педагогика-Пресс, 1996.
29. Рождественская Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком // Вопр. психологии. – 1986. – № 4. – С. 69–76.
30. Ростова А. Н. Язык в восприятии человека: стереотипы, индивидуальность, аномалии // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Вып. 4. – Кемерово, 2002. – С. 113–118.
31. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985. – С. 15–21.
32. Сорокин Ю. А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – М., 1978. – С. 133 – 138.
33. Стернин И.А. Структура концепта // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспект. Вып. 10. – Барнаул, 2006. – С. 218–229.
34. Судаков К. В. Динамические стереотипы, или Информационные отпечатки действительности. – М.: ПЕР СЭ, 2002.
35. Федотова С.В. Библейский миф как конвенциональный стереотип: экспериментальное исследование: автореф. дис. канд. филол. наук. – Барнаул, 2000.
36. Шихирев П.Н. Социальные стереотипы // Рос. социологич. энцикл. / под ред. Г. В. Осипова. – М.: Норма-Инфра-М, 1998. – С. 538.

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЯЗЫКОВЫЕ СТИЛИ

УДК 801.001

В. Ю. Андреева^{*}

Вербальные средства выражения коммуникативного саботажа The verbal means of communicative sabotage

В данной статье рассматриваются вербальные средства выражения коммуникативного саботажа на лексическом и синтаксическом уровнях в разных типах дискурса. Использование коммуникативного саботажа в бытовом дискурсе говорит о неподготовленности речи, спонтанности реакции, тогда как в политическом дискурсе саботирование часто включает использование стандартных, клишированных выражений, а также уклонение от темы и оперирование уже известными коммуниканту данными.

The verbal means of communicative sabotage in political and everyday life discourse are described in the article. The usage of the communicative sabotage in everyday life discourse is characterized by spontaneous speech reactions while political discourse demonstrates a more frequent usage of hackneyed phrases or initially known information.

Ключевые слова: коммуникация, политический дискурс, бытовой дискурс, речевое воздействие, коммуникативный саботаж, статистические методы, частеречная характеристика.

Key words: Communication, political discourse, everyday life discourse, linguistic manipulation, communicative sabotage, statistics methods, parts of speech.

Большое количество исследований по речевому воздействию в настоящее время объясняется существующим социальным заказом, о чем говорят многочисленные руководства по коммуникации и речевому воздействию на собеседника (Д. Карнеги, Э. Шостром, Э. Берн, Р. Чалдини и др.). Социальная обусловленность исследований приводит к тому, что в качестве основной выделяется проблема оптимизации речевого воздействия. Как отмечал Р. М. Блакар, выразиться «нейтрально» невозможно, поскольку даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти», т. е. воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [1: 91]. С другой стороны, «всегда есть разные способы

^{*}Аспирантка кафедры иностранных языков, Курский государственный университет; email <lyneque@mail.ru>

сказать об одном и том же, и этот выбор никогда не бывает случайным» [3: 4].

Нетактичное поведение собеседника, отсутствие желания участвовать в беседе или продолжать ее в данном русле приводят к использованию приема коммуникативного саботажа, который выражается в уклонении от беседы, смене темы или отказе от коммуникации.

Вербальные средства выражения коммуникативного саботажа зависят от целей саботирования и, соответственно, типа дискурса, в котором был использован прием коммуникативного саботажа. Нам представляется интересным рассмотреть его функционирование в бытовом и политическом дискурсе как сферах, наиболее насыщенных данным речевым явлением. Анализу подверглись 250 речевых единиц (ситуаций саботирования) из интервью с политиками и 102 единицы из бытового дискурса.

Следует отметить следующие отличительные черты коммуникативного саботажа в бытовом дискурсе. Прежде всего, самому бытовому дискурсу присуща быстрая смена ролей в диалоге, отсутствие объемных монологических высказываний. Соответственно, процесс саботирования представляет собой одну реплику, чаще всего нераспространенное или эллиптическое предложение. Связано это с тем, что основными целями использования КС являются как можно более быстрое прекращение коммуникации как таковой или общения на данную тему в частности. С синтаксической точки зрения это выражается в краткости фраз, наличии неполных и нераспространенных предложений. Преобладают вопросительные предложения – 65 %, гораздо меньше утвердительных – 19,7 %, побудительных – 8,3 % и восклицательных – 7 %. Используемые вопросительные предложения представляют собой переспрос, т. е. встречный вопрос, задаваемый вместо того, чтобы дать требуемый ответ. Побудительные предложения чаще всего носят агрессивный характер:

– На себя посмотри!– Отвали, слышишь?

– Не задавай глупых вопросов.

Средняя длина предложения (включая предлоги) – пять слов, средняя длина реплик саботирующего – 5, 6 слов. В основном, саботирование осуществляется в рамках одного предложения. Большинство предложений простые – 94,4 % и неполные – 56,9 %. Данные, полученные в результате статистического анализа синтаксического уровня коммуникативного саботажа в бытовом дискурсе, отражены в табл. 1.

Синтаксические типы предложений КС в бытовом дискурсе

Средняя длина предложения	5 слов
Средняя длина реплик саботирующего	5, 6 слов
Общее среднее количество предложений в одном высказывании	1,1
Типы предложений, %	
Повествовательные	19,7
Вопросительные	65
Восклицательные	7
Побудительные	8,3
Отрицательные	23,6
Сложные	5,6
Простые	94,4
Полные	43,1
Неполные	56,9

На лексическом уровне следует отметить присутствие эмоционально-оценочной лексики: прилагательных, глаголов, частиц (*глупые* вопросы, *элементарные* вещи, кофта *валяется*, *отвали*, *расшвыриваешь*,). Часто используются частицы «что», «а»:

- *А вам-то что?*
- *А что, она, в отпуск, что ли, не имеет права уйти?*
- *А у нас что, бесплатная телефонная станция?*

Достаточно большое количество предложений, содержащих формальное отрицание, выраженное через отрицательные частицы «не», «нет», наречие «никак», местоимения «ничего», «ничего» – всего 25 %. Например:

- *Вы что, объявления не читаете?*
- *У вас что, глаз нет?*
- *Никак.*

Многие вопросы начинаются местоимениями «какой», «какая», «какое»:

- *А тебе какая разница?*
- *А тебе какое до этого дело?*
- *Какое твое дело?*

Мы произвели анализ частеречного состава реплик саботирования. Результаты анализа представлены в табл. 2

Частеречная характеристика коммуникативного саботажа в бытовом дискурсе

Показатель части речи	Процентное соотношение от общего количества слов
Субстантивность	12,4
Адъективность	3,4
Адвербиальность	6,7
Глагольность	20
Местоименность	27
Числительные	0
Частицы	20,2
Союзы	1,7

Данные, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что преобладающими вербальными средствами саботирования в бытовом дискурсе являются местоимения, частицы и глаголы (27 %, 20,2 % и 20 % соответственно), с *большим отрывом идут существительные* – 12,4 %, еще меньше наречий – 6,7 % и прилагательных – 3,4 %.

Как отмечает в своем исследовании Дж. Гринберг, высокие показатели субстантивности и адъективности свидетельствуют о подготовленности речи говорящего, в то время как высокая степень употребления местоимений в речи характерна для устной речи. Это положение подтверждается и частеречным анализом реплик КС в бытовом дискурсе: местоимения употребляются наиболее часто. Большое количество глаголов объясняется тем фактом, что предложения изначально строятся на основе действий, которые обычно выражаются глаголами. Следует также отметить высокий процент частиц. Нам представляется возможным объяснить данный показатель как усиление эмоциональности и оценочности реплик. О том же свидетельствует и употребление эмоционально-оценочных прилагательных.

Несколько иначе КС выражен в политическом дискурсе в рамках интервью. Интервьюируемый находится в ситуации, которая предполагает его кооперативное поведение, выражающееся в развернутых ответах на вопросы. В связи с этим КС в политическом дискурсе близок по своей сущности к языковой демагогии. Ответы интервьюируемых политиков объемны (по количеству предложений), предложения преимущественно полные, распространенные. Общий объем реплик саботирования составляет 40,4 слова. Общее количество предложений в одном высказывании саботирующего – 10,9. Следует также отметить, что языковая демагогия не является един-

ственным выражением КС. Во многих случаях политики, как и в бытовом дискурсе, выражают свое внутреннее сопротивление в рамках 1–2 предложений. Это объясняется устным характером интервью, неподготовленностью и спонтанностью реакций интервьюируемого. В то же время демагогические рассуждения зачастую наполнены цифровыми и фактическими данными, что свидетельствует об определенной подготовленности речи политика. При таком КС происходит отклонение от темы беседы, и политик, пользуясь подобной тактикой, переводит русло диалога в ту сферу, где он обладает определенными знаниями. В связи с этим его ответ становится развернутым, насыщенным фактическим и цифровым материалом. Таким образом, саботирующий старается произвести впечатление знающего, компетентного человека и не испортить свой имидж.

Из синтаксических типов предложений преобладают повествовательные – 87,8 %, гораздо меньше вопросительных – 10 % и незначительное количество восклицательных и побудительных – по 1,1 %. Данные показатели объясняются меньшей экспрессивностью речи интервьюируемых в политическом дискурсе. Здесь преобладает ответ не вопросом на вопрос, как в бытовом дискурсе, а более развернутое монологическое высказывание. При ответе используется достаточно большое количество сложных предложений – 47,7 %, полные употребляются чаще, чем неполные – 65 % и 35 % соответственно. Вопросительные предложения чаще всего представляют собой риторические вопросы:

– Что это – профессиональное лобби? Нет, конечно.

– Возможно ли государству защищать свои интересы, интересы абсолютного большинства граждан? Перед любой коммерческой структурой, банковской структурой, мафиозной структурой, зарубежными государствами? Если государство является самым плохим хозяином, который хуже всех кормит свою собаку? Знаете, как говорят? Если вы не платите должностным лицам, включая высших, более или менее прилично, вы вообще не можете рассчитывать на то, что это государство — законодательная власть, исполнительная, судебная – будет работать на вас. В принципе.

– Какие деньги? Москва живет за счет своего труда.

Реже вопросительное предложение – это переспрос. Отличительным от переспроса в бытовом дискурсе является то, что политик, собравшись с мыслями, все же отвечает на свой вопрос. Но при ответе не предоставляет требуемой информации, а дает формальный ответ, на самом деле уклоняясь от линии разговора.

– Какие еще «трудности»? Помешать депутату в данном случае может только он сам.

– А как я к ним отношусь? Нормальный обмен информацией.

– А кто вам сказал, что мне нужна политика? Я уже тысячу раз объяснял, что мое дело — это экономика, хозяйство, промышленность. Я же сам промышленник в прошлой, как говорится, жизни.

Иногда в ответе политик использует прямую речь, цитирование:

– Я у чеченских друзей спрашивал: «Кто мог бы быть президентом Чеченской республики?» Ответ был такой: «Задайте этот вопрос любому человеку на улице, ответ будет один и тот же: «Я». У нас много людей в России, кто мог бы возглавить страну.

– Они меня отговаривали от создания НКК; «Нам не нужен сильный, государственный конкурент, давай все разделим. И все будет нормально. Поддержи нас». Я сказал: «Нет».

В повествовательных сложных предложениях частотны конструкции «если...то»:

– Если будут деньги, то будут нефтепродукты, которых в России много.

– Если человек постоянно сидит в кабинете в шерстяном кителе, это, конечно, неправильно.

– Если в российской правовой системе пока нет отдельного закона о борьбе с коррупцией, то это не значит, что с коррупцией никто не борется.

Наличие таких предложений говорит о логике рассуждения, о тяготении высказывания интервьюируемого к научному, логическому стилю изложения.

Синтаксические характеристики коммуникативного саботажа в политическом дискурсе представлены в табл. 3.

Таблица 3

Синтаксические типы предложений КС в политическом дискурсе

Средняя длина предложения	10, 9 слов
Средняя длина реплик саботирующего	40, 4 слова
Общее среднее количество предложений в одном высказывании	3, 7
Типы предложений	
Повествовательные	87,8
Вопросительные	10
Восклицательные	1,1
Побудительные	1,1
Отрицательные	22,3
Сложные	47,7
Простые	52,3
Полные	65
Неполные	35

Рассмотрим своеобразие вербальных средств выражения коммуникативного саботажа на лексическом уровне. Основой лексического состава является нейтральная лексика. К оценочной лексике относятся следующие единицы: *раскошелятся, с перепугу, загонять всех, шантрапа, жулики, пьянь, рвань подзаборная, крайне удручает, отговаривали, поработает, насилует человека, кучка нуворишей, прозябание миллионов, мальчишки, бросились объединяться, дряхлел, ветшал*; жаргонизм: *найти стрелочника*.

Отдельно следует отметить используемые в ответах саботирующих прилагательные – это оценочные единицы; прилагательные, обозначающие национальность; прилагательные, входящие в состав терминов и названия учреждений и организаций, или устойчивых словосочетаний (клише):

1) оценочные прилагательные:

– *огромный потенциал, колоссальный опыт, корыстный премьер, нормальная основа для работы, расхожие представления, рвань подзаборная, плохая ситуация, сплошной набор левацких лозунгов, хорошая форма, качественный объект, нормальная лактация, сильная сторона шефа, хороший аргумент, острая ситуация, антиконституционные действия, вызывающая роскошь, сильные университеты, слабенькие университеты, амбициозные негосударственные учебные заведения, сложные задачи, неминуемый и неуправляемый катастрофический развал, вождистского типа, в значительной степени, аморальный, громкие обещания. Важный этап, примитивная карьерная лестница, особое место;*

2) прилагательные, обозначающие принадлежность к определенной национальности:

– *исламская культура, кавказские трагедии, еврейский вопрос, русский народ, чеченские друзья, российский кинематограф;*

3) клише:

– *большие неприятности, локальные символы, пожизненный приговор, политические симпатии, в прошлой жизни, исторические реалии, эстетическое чувство, хлебная должность, рыночные основа, конструктивное сотрудничество, искать общий язык, информационные ресурсы, должностные лица, знаковая идея, кадровые вопросы, чиновники высокого ранга, проникла в массовую психологию, ответственные и реальные предложения, моральный кодекс, Северная столица, это огромная честь, губернаторский корпус, принятая норма во всех демократических государствах, на достойном уровне, мировое сообщество, экономическая провинция, иностранные инвестиции, болевые точки;*

4) термины и названия событий, учреждений и организаций:

– *законодательная, исполнительная, судебная власть, правоохранительные органы, медицинская академия, финансовый институт, двусторонняя встреча, бюджетный кризис,*

государственный флаг, национальный консенсус, внутренняя и внешняя цена, внутреннее субсидирование, экономическая интеграция, центристремительные движения, паритетный характер, инфраструктурные и имиджевые нужды города, независимый суд, покупательная способность, учебные заведения, контрактная служба, энергетические ресурсы, минеральные удобрения, гражданское законодательство, Уголовный кодекс, избирательный бюллетень, попечительский совет, федеральный центр, Советский союз, Российская Федерация, Чеченская республика, Верховный совет, Счетная палата, Куликовская битва, Бородинское сражение.

Кроме перечисленных выше, в ответах саботирующих встречаются следующие клише:

– защищать интересы, ряд приговоров, жить на свои, брать на себя ответственность, учитывать возможные обстоятельства, быть готовым к конструктивному сотрудничеству, искать общий язык, понимание колоссальной ответственности, выражать благодарность, борьба с коррупцией, шкала ценностей, это огромная честь, выкладываться на все сто, запустить маховик, определить болевые точки, отработать механизмы и пути решения, получить колоссальный опыт, восстанавливать справедливость.

Также следует отметить использование фразеологизмов и слов, употребленных в переносном смысле.

Фразеологизмы:

– про то сидельцы не сказывают, богат душой, пальцем о палец не ударю, летят к черту, через колено ломать не следует;
слова, использованные в переносном смысле:

– нечистоплотность чиновников высокого ранга, получить по «упрощенной схеме» водительские права, мелкие «диванные партии»; Какие еще «трудности»? Наоборот, этот самый закон так «охарактеризуют»...

Все перечисленные средства являются проявлением экспрессивной составляющей речи. В то же время коммуникативный саботаж в политическом дискурсе отличается наличием цифровых данных, терминов, аббревиатур, служащих для создания эффекта компетентности, осведомленности, принадлежности к научным кругам.

К терминам относятся единицы, представленные выше, а также следующие: *кавказофобия, русофобия, инструментарий, технология менеджмента, девальвация, экспортировать, экономическая интеграция субъектов Федерации, выделять деньги по смете, диспаритет, паритетный характер, двух-, трех-, четырехпартийная система, интегрировать независимый суд.*

Аббревиатуры: РСФСР, НК, ЮКОС, ЛУКОЙЛ, РАО ЕЭС, РАН, СНГ, СПС, СМИ.

Цифровые данные: *восемнадцатый (1918) год, 203 тысячи предпринимательских структур, 30 %, девяносто третий (1993) год, 1905, 1914, 1941, 1937, 25–30 лет, за 15 лет, 500 миллиардов рублей, 2006 год, 2007 год, за 10 лет, 2004 год, 114 %, в 2 раза выше, 30 %, третий срок.*

Кроме того, нами был произведен частеречный анализ коммуникативного саботажа в политическом дискурсе. Наиболее частотное использование существительных, показатель субстантивности составляет 26,3 %. Нам представляется возможным объяснить это, с одной стороны, определенной подготовленностью речи, с другой – использованием большого количества терминов, названий и устойчивых оборотов, содержащих существительные. На втором и третьем местах находятся глаголы и местоимения – 15,2 % и 13,9 % соответственно. Высокий процент местоимений говорит, согласно Дж. Гринбергу, о неподготовленности речи. Таким образом, речь интервьюируемого состоит как из подготовленной части, так и из спонтанных элементов. Несколько меньше показатели прилагательных и наречий – 8,9 % и 6 %. Достаточно большое количество союзов – 7,6 %, что связано с активным использованием сложных предложений. Показатель частиц составляет 5,6 %, числительных – 1,3 %. Полученные результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

Частеречная характеристика коммуникативного саботажа в политическом дискурсе

Показатель части речи	Процентное соотношение от общего количества слов
Субстантивность	26,3
Адъективность	8,9
Адвербиальность	6
Глагольность	15,2
Местоименность	13,9
Числительные	1,3
Частицы	5,6
Союзы	7,6

Таким образом, коммуникативный саботаж политического интервью отличается, с одной стороны, тяготением к разговорной речи, богатой эмоционально-экспрессивными средствами, а также местоимениями – с точки зрения преобладания частей речи. С другой стороны, коммуникативный саботаж политического дискурса более близок к научному стилю повествования. Об этом свидетельствует и частеречная характеристика – абсолютное преобладание существительных.

Нам также представляется интересным произвести сопоставительный анализ количественных характеристик коммуникативного саботажа в бытовом и политическом дискурсе.

Синтаксис коммуникативного саботажа в политическом дискурсе более сложен. Прежде всего, ответ саботирующего объемнее, это в среднем 40,4 слова против 5,6 слова в бытовом дискурсе. Соответственно, среднее количество предложений в одном высказывании составляет 3,7 для политического дискурса и 1,1 для бытового. Средняя длина предложения – 10,9 слов в политическом дискурсе и 5 слов в бытовом. Кроме того, в политическом дискурсе гораздо больше сложных предложений – 47,7 % против 5,6 %, полные преобладают над неполными – 65 % и 35 % в политическом дискурсе, 56,9 % и 43,1 % в бытовом. Количество отрицательных предложений примерно одинаково: 22,3 % для политического и 23,6 % для бытового дискурса. Интересно отметить соотношение повествовательных, вопросительных, восклицательных и побудительных предложений. Если в бытовом дискурсе преобладают вопросительные – 65 %, то в политическом – повествовательные предложения – 87,8 %. Количество повествовательных предложений в бытовом дискурсе составляет 19,7 %, а вопросительных в политическом дискурсе – 10 %. Это свидетельствует о большей синтаксической экспрессивности бытового дискурса, о чем также говорит и большее по сравнению с политическим дискурсом использование восклицательных и побудительных предложений: 7 % и 8,3 % против 1,1 % и 1,1 %. Результаты нашего анализа представлены в табл. 5.

Таблица 5

Сравнение синтаксических количественных характеристик коммуникативного саботажа в бытовом и политическом дискурсе

Синтаксические характеристики	Бытовой дискурс	Политический дискурс
Средняя длина предложения	5 слов	10, 9 слов
Средняя длина реплик саботирующего	5, 6 слов	40, 4 слова
Общее среднее количество предложений в одном высказывании	1,1	3,7
Типы предложений, %		
Повествовательные	19,7	87,8
Вопросительные	65	10
Восклицательные	7	1,1
Побудительные	8,3	1,1
Отрицательные	23,6	22,3
Сложные	5,6	47,7
Простые	94,4	52,3
Полные	43,1	65
Неполные	56,9	35

Сравним частеречные показатели коммуникативного саботажа в обоих типах дискурса. Как мы уже отмечали, в политическом дискурсе используется намного больше существительных и прилагательных – 26,3 % против 12,4 % и 8,9 % против 3,4 %. Эти показатели свидетельствуют о большей подготовленности речи саботирующих в рамках политического интервью. Напротив, о неподготовленности и спонтанности высказываний говорит более высокий показатель местоимений – 27 % в бытовом против 13,9 % в политическом дискурсе. Эмоционально-экспрессивный аспект лексического состава коммуникативного саботажа проявляется в обильном употреблении в речи частиц. Для бытового дискурса этот показатель составляет 20,2 %, для политического – всего лишь 5,6 %. Напротив, близость к научному стилю изложения осуществляется посредством использования числительных: это 0 % в бытовом и 1,3 % в политическом дискурсе. Больше количество союзов в политическом дискурсе – 7,6 % против 1,7 % объясняется, как мы уже говорили, наличием большого количества сложных предложений. В табл. 6 представлены все обсужденные количественные данные.

Таблица 6

Сравнение частеречных характеристик коммуникативного саботажа в бытовом и политическом дискурсе, %

Показатель части речи	Бытовой дискурс	Политический дискурс
Субстантивность	12,4	26,3
Адъективность	3,4	8,9
Адвербиальность	6,7	6
Глагольность	20	15,2
Местоименность	27	13,9
Частицы	20,2	5,6
Союзы	1,7	7,6
Числительные	0	1,3

Таким образом, вербальное выражение коммуникативного саботажа варьируется в зависимости от типа дискурса. Стратегический характер высказываний остается одинаковым – уклонение от ответа, отказ от коммуникации, смена темы, а языковые средства меняются. Для бытового дискурса характерен простой синтаксис: преобладание простых, неполных предложений; большое количество вопросительных конструкций, а также эмоционально-экспрессивный компонент: восклицательные и побудительные предложения, на уровне лексики: эмоционально-оценочные единицы, большое количество частиц. Политический дискурс характери-

зуется более сложной организацией речи, объемными высказываниями, сложным синтаксисом. Преимущественно используются полные предложения, большой процент употребления сложных предложений. Среди типов предложений, выделяемых по цели высказывания, преобладают повествовательные. Эмоционально-экспрессивный компонент выражен на уровне синтаксиса слабее. Одинаковым для обоих типов дискурса является соотношение использования отрицательных конструкций, они составляют примерно четвертую часть общего количества предложений.

На лексическом уровне коммуникативный саботаж в бытовом дискурсе отличается большей экспрессивностью, в то время как политический дискурс совмещает в себе черты разговорного и научного стиля и включает как эмоционально-оценочную лексику, разнообразные клише печатной речи, так и термины, аббревиатуры, характеризующие научный стиль. В целом саботирование в бытовом дискурсе более эмоциональное, иногда агрессивное, представляет собой небольшую реплику, являющуюся непосредственной реакцией человека. Коммуникативный саботаж в политическом дискурсе более близок к демагогии, пространному рассуждению, менее эмоционален, характеризуется использованием уже знакомой информации, соскальзыванием на знакомые темы, в рамках которых человек чувствует себя более свободно.

Приведенные результаты еще раз подтверждают то, что вербальные средства выражения мыслей человека, реализующих его цели, намерения и желания, зависят от ситуации говорения, социального и коммуникативного статуса собеседника. Использование коммуникативного саботажа в бытовом дискурсе говорит о неподготовленности речи, спонтанности реакции, тогда как в политическом дискурсе саботирование часто включает использование стандартных, клишированных выражений, а также уклонение от темы и оперирование уже известными коммуниканту данными.

Список литературы

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125.
2. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. – М., 1963. – С. 60–94.
3. Скобликова В. Ю. Краткий обзор теоретических работ, освещающих явление коммуникативного саботажа // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы Междунар. науч.-практич. конф. – СПб., 2008. – С. 128–132.
4. Reagan and Public Discourse in America. The University of Alabama Press, 1992.

**Эмоциональная стратегия и приемы ее реализации
в туристической рекламе**
**Emotional Strategy and the Ways of its Realization
in Tourist Advertisement**

В данной статье рассматриваются приемы воздействия, характерные для рекламы туристических услуг, где при раскрытии положительных свойств рекламируемого объекта доминирует эмоциональная стратегия.

Широкое использование тропов и экспрессивных синтаксических конструкций не только привлекает аудиторию, но и создает эмоциональный настрой, который во многом обуславливает эффективность воздействия.

In this article the ways of influence typical for tourist service advertisement, where by discovering positive characteristics of advertising object emotional strategy dominates, are examined.

Wide use of tropes and expressive synthetic constructions not only attracts the audience, but creates emotional mood that mostly stimulates the efficiency of influence.

Ключевые слова: воздействие, прагматика, прием, реклама, стратегия, туристический, эмоции.

Key words: influence, pragmatism, way (method), advertisement, strategy, tourist, emotions.

На протяжении нескольких десятилетий рекламная деятельность вызывает большой интерес лингвистов и, в первую очередь, тех, кто занимается проблемами стилистики и прагматики текстов, относящихся к массовой коммуникации. Повышенное внимание к прагматическому аспекту рекламы обусловлено ее целеустановкой, которая заключается не столько в информировании аудитории, сколько в оказании эффективного воздействия на поведение потенциальных покупателей. Не случайно рекламу называют «увещательной коммуникацией» [1: 59], ибо она, главным образом, направлена на убеждение, уговаривание и внушение, причем эти задачи нередко решаются путем манипулирования.

Высокий суггестивный эффект, органично присущий рекламным текстам, формирует покупательский спрос, обеспечивающий продвижение товара на рынке, и таким образом устанавливается непо-

*Аспирантка кафедры общего языкознания, Адыгейский государственный университет, e-mail: <Lyapun_sv@inbox.ru>

средственная связь между прагматикой рекламы и ее маркетинговой природой, выдвигающей на первый план экономическую функцию. «Основная цель рекламного текста – привлечь внимание, вызвать интерес и стимулировать сбыт. Для достижения этой цели составители рекламных текстов обращаются к использованию различных лингвистических и психологических приемов» [2: 337]. Анализ стратегии, приемов и средств воздействия, а также предпосылок, играющих немаловажную роль в достижении необходимого результата, занимает центральное место в прагматическом аспекте изучения рекламы.

Следует заметить, что данное направление – одно из самых перспективных, ибо в процессе познания рекламы как особого лингвопрагматического типа творческой деятельности перед учеными открываются новые горизонты исследований. Во-первых, сама прагматика, ориентированная на изучение языка как инструмента воздействия, является междисциплинарной областью знаний, где объединяются усилия представителей смежных лингвистических дисциплин: стилистики, риторики, психолингвистики, этнолингвистики и т. д. Во-вторых, современная реклама многогранна, она выступает в различных видах и жанровых формах, и поэтому ее феномен требует внимания не только к общим особенностям, но и специфическим, присущим определенному виду рекламной деятельности.

Объектом нашего научного интереса служит туристическая реклама, которая постоянно присутствует на страницах газет и журналов. Выбор объекта исследования во многом определяется его актуальностью: в настоящее время большинство работ строится на материале коммерческой рекламы в целом, в то время как ее разновидности остаются малоизученными, хотя каждый вид рекламы имеет отличительные черты, которые могут проявляться на разных уровнях текста.

В данной статье язык и стиль туристической рекламы рассматривается сквозь призму рекламной стратегии, которая реализуется через приемы воздействия. Такой подход позволяет выявить, с одной стороны, прагматическую направленность рекламы, а с другой – ее характерные лингвостилистические особенности, на основании которых можно судить о специфике рекламной деятельности в сфере туризма.

Рекламная стратегия, иначе говоря, концепция рекламирования, призванная выделить рекламируемый объект и представить его в выгодном свете, лежит в основе любого рекламного текста. В зависимости от того, на какие свойства товара (или услуги) необходимо сделать акцент – утилитарные или же психологически значимые, используется соответствующий тип стратегии – рационалистический или эмоциональный (проекторный). Рационалистическая стратегия

оказывает интеллектуальное воздействие, поскольку логические аргументы, свидетельствующие в пользу товара или услуги, направлены на разум. Эмоциональная стратегия оказывает воздействие на чувства, побуждая к действию путем создания образов и ассоциаций. Кроме того, выделяется и смешанный тип концепции рекламирования, который, следует заметить, является наиболее распространенным, поскольку реклама считается удачной, если интеллектуальное воздействие сопровождается эмоциональным. Несмотря на то, что вышеназванные типы стратегий на практике обычно взаимодействуют, дополняя друг друга, наш материал все же предоставляет возможность сосредоточить внимание на одном из них.

Наблюдения показывают, что в рекламе туризма и отдыха заметное преимущество имеет эмоциональная стратегия, что, по всей видимости, обусловлено сущностью рекламируемого объекта. Главная особенность рекламы, предлагающей какую-либо туристическую услугу, – ее нематериальный характер: «потребитель не может увидеть, попробовать или как-то иначе оценить ее до тех пор, пока не купит путевку и не ощутит на себе все прелести приобретенного» [3:114]. Специфика рекламируемого объекта определяет содержание и стилистический облик текстов, где вербальная информация, как правило, усиливается невербальными средствами – графическими и иллюстративными. Важно заметить, что реклама, основывающаяся на эмоциональной стратегии, не столько предлагает, напоминает и убеждает, сколько *заинтересовывает, удивляет, заинтриговывает, заманивает*.

Известно, что психологические эффекты играют не менее значимую роль, чем фактические знания о товаре или услуге, ибо яркий рекламный образ обуславливает положительный эмоциональный фон. Туристическая поездка с целью отдыха или изучения культуры позиционируется как *праздник, во время которого сбываются все мечты*, а место отдыха или экскурсий представляется как *рай на земле*:

Спроси у хорватов, чем их родина привлекает туристов, и услышишь: «Кто откажется от рая?» Чтобы пожить среди этой красоты, люди отказываются от власти и трона, как король Эдуард VIII, сбежавший сюда со своей возлюбленной (Лиза. № 17. 2007).

Обещая сделать путешествие незабываемым, авторы рекламных текстов обращаются к приему контраста, который подчеркивает разницу между реальной жизнью и «райской»:

*Путешествие в рай
Куда приводят мечты...*

...У нас опять зима. Это значит хронический тонзиллит, серое месиво под ногами и «низкое небо над головой». А ведь есть на свете далекие континенты и острова сказочной красоты, где в синем небе светит круглое желтое солнце и в теплом океане плещутся рыбы – разноцветные, как диснеевские мультики (Лиза. № 49. 2002).

Стараясь увести аудиторию от повседневных проблем, рекламисты предлагают совершить путешествие в сказку, апеллируя к переживаниям детского возраста, которому свойственна вера в героев любимых произведений:

Лапландия. Сказка для взрослых

В детстве Лапландия казалась мне настоящей сказочной страной – я искренне верила, что именно туда, к вечным снегам, перебирается на лето Снежная Королева. И вот сказка материализовалась, обретя реальные очертания Северного района Финляндии (Cosmopolitan. Декабрь. 2002).

Выбирая экспрессивно-образные определения для рекламы туристических поездок, авторы учитывают как психологические предпосылки, так и когнитивные, основанные на том, что в модели мира уже сложился определенный образ некоторых стран или городов.

Зимняя сказка в Париже

Париж всегда манил туристов со всего света. Почему именно этот город в представлении многих связан со сказкой, волшебством, романтикой, понимаешь, приехав во французскую столицу зимой (Отдохни. № 50. 2007).

Будучи тонкими психологами, рекламисты нередко эксплуатируют различного рода стереотипы, играя на чувстве доверия аудитории к уже сложившемуся образу. Вот почему среди лексических приемов воздействия преобладают устойчивые сравнения: например, называя места отдыха в России Швейцарией, авторы тем самым повышают их «статус» в сознании россиян, поскольку Швейцария – это удивительно живописный пейзаж, дарящий умиротворение.

Покровское

Уютный уголок подмосковной Швейцарии (Лиза. № 28. 2003);

Осенние краски Волжской Швейцарии (Лиза. № 43. 2003).

В рекламе туризма и отдыха с целью эмоционального воздействия широко используются образные перифразы, которые, выделяя отличительные признаки предмета, выполняют эстетическую функцию, присущую поэтическим средствам:

Марокко Королевство пряностей и апельсинов (Лиза. № 32. 2003);

Королевство тюльпанов. Каждую весну в Нидерландах случается чудо. С первыми лучами солнца, торопя талый снег, сквозь землю пробиваются ростки тюльпанов (Отдохни. № 55. 2008).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что туристическая реклама по своим стилистическим особенностям в некотором плане сближается с художественной речью. Тексты, относящиеся к этой разновидности рекламной деятельности, изобилуют метафорическими единицами, характерными для художественно-образного описания. Здесь нередко употребляются эпитеты, которые выполняют изобразительную роль:

Конные прогулки по изумрудному острову

Ирландия – это изумрудный остров, окруженный свинцовым океаном, где неразделимо соседствуют вымысел и реальность <...> (Конный мир. № 6. 2006).

Основная задача эмоциональной стратегии заключается в том, чтобы рекламируемый объект сразу понравился аудитории. «Такая реклама не убеждает (как рационалистическая), а соблазняет потребителя» [4:16]. Отсюда широкое употребление лексики, семантика которой содержит эмоционально-экспрессивную оценку: *божественное солнце, потрясающе красивые пляжи, величественные горы, завораживающий пейзаж, волшебный край, великолепная природа, изысканный ужин и т. п.*

Характерной особенностью туристической рекламы является то, что эффект воздействия здесь обеспечивают лексические единицы, переносное значение которых указывает на высокую степень ценности:

Жемчужина в сердце Карибского моря

Ямайка: наслаждайся каждым глотком! (Лиза. № 10. 2004).

Для того чтобы образ был более привлекательным, в заглавиях рекламных материалов обыгрывается многозначная лексика, в результате чего создается типичная для рекламы гиперболическая оценка:

Кипр. Чистейшее море удовольствий! (Отдохни. № 11. 08).

Авторы текстов, посвященных туризму и отдыху, стремятся к тому, чтобы реклама затрагивала в душе человека какие-либо струны. Аудиторию призывают «забыть» о повседневной суете и погрузиться в приятную атмосферу беспечного отдыха:

Кипр. Средиземноморская бухта безмятежности

Кипр – гавань беззаботности и тишины для каждого гостя, рай для гурманов с самым изысканным вкусом. Здесь вы чувствуете себя так спокойно и безмятежно, что вам остается только наслаждаться отдыхом (Отдохни. № 46. 2007).

Необходимо заметить, что рекламодатели заботятся о том, чтобы их предложение выглядело заманчивым и одновременно дорогостоящим, отвечая запросам самых требовательных клиентов. И поэтому не случайно в рекламе различных туристических услуг так

часто встречается слово *роскошь*, которое ассоциируется с сервисом высокого уровня:

Тунис. Оазис Средиземноморья

Всего в четырех часах от вас. Ласковое средиземное солнце, роскошь песчаных пляжей, волшебство талассотерапии, очарование древних храмов, безмятежная красота Сахары и сервис европейского класса (7 Дней. № 18. 2007).

Эта лексическая единица включается в кольцевой повтор, что свидетельствует о том, на какой именно социальный слой рассчитана реклама отнюдь не дешевого отдыха:

Кипр. Роскошные курорты и гостиницы.

Если вы ищете роскошь, мы приглашаем вас в одну из всемирно известных курортных гостиниц Кипра <...>

Для того, чтобы начать отдых в роскоши, посетите www.visitcyprus.com (Отдохни. № 19. 2007).

Интенции, присущие туристической рекламе, реализуются и с помощью синтаксических приемов. Судя по данному материалу исследования, большую прагматическую нагрузку несут приемы экспрессивного синтаксиса, которые также подталкивают к действию и в то же время делают рекламное предложение весьма заманчивым. К примеру, интрига, содержащаяся в стилистически сильных элементах текста, позиция которых способствует привлечению внимания, выражается в заглавиях, оканчивающихся многоточием, что стимулирует работу воображения. И хотя информативность таких заглавий является невысокой, тем не менее они выступают в качестве прагматических интенсификаторов рекламного текста, вызывая интерес аудитории:

Пусть тебе приснится... (Лиза. № 36. 06).

Многоточие здесь означает эмоциональную паузу, во время которой, вероятно, возникают романтические образы или ассоциации. Исходя из того, что заглавие представляет собой усеченную песенную цитату («Пусть тебе приснится Пальма-де-Майорка»), можно предположить, о чем подумает читатель, увидев знакомую фразу.

Действительно, обращаясь к чувствам адресата, реклама призывает совершить путешествие на остров Майорка, но этот призыв выражен в мягкой форме, исподволь оказывающей психологическое давление:

Своим климатом и пейзажами Майорка манит всех – олигархов, спортсменов, звезд Голливуда...

Как видим, данный стилистический прием встречается не только в названии, но и самом тексте, преднамеренная незаконченность которого становится психологической предпосылкой для осуществления мечты побывать там, где отдыхают звезды и олигархи.

Вообще авторы рекламных текстов, предлагающих туристические услуги, активно стимулируют желание быть причастным к «миру избранных» – богатых и знаменитых. Для этого широко используются эмоциональные аргументы, в частности, ссылки на авторитет, историческое событие или факт, причем эта информация обычно предваряет основное содержание рекламного текста:

Отличный отдых в любое время года

Красная поляна. Здесь охотился царь Николай II, катался на горных лыжах президент Путин и снимал «Кавказскую пленницу» режиссер Гайдай (Лиза. № 12. 2002).

Во многих случаях лингвистические приемы воздействия тесно взаимодействуют с психологическими. Например, реклама, опубликованная на страницах журналов, часто сопровождается врезкой, состоящей из фотографии какого-либо известного лица и небольшого текста, где главным является обращение, адресованное каждому читателю:

А вы там были?

Очевидно, что если форма изъявительного наклонения используется вместо повелительного, то воздействие, с одной стороны, становится несколько завуалированным, а с другой – более действенным, поскольку категоричное побуждение к действию может вызвать и обратную реакцию. И поэтому особой популярностью пользуются такие приемы, которые большей частью связаны с имплицитным воздействием. Например, положительному восприятию рекламы обычно способствует риторический вопрос. Так, предложение отдохнуть на Кипре заключается в необычную эмоционально-экспрессивную форму, которая привлекает и удерживает внимание:

Где еще можно почувствовать себя богиней, как не в месте рождения богини любви? (Отдохни. № 19. 2007).

В силу ассиметрии формы и содержания риторические вопросы обладают большим прагматическим потенциалом: они устанавливают контакт с читателем, вызывают его интерес и оживляют изложение, апеллируя не только к чувствам, но и фоновым знаниям.

Утвердительный ответ на риторический вопрос, содержащийся в рекламных текстах, очевиден, и, наверное, поэтому после него часто следует либо прямое побуждение к действию, либо приветствие, которым обычно встречают гостей:

Первый эпитет, который приходит на ум при слове Греция, – древняя. Да, мы все изучали в школе потрясающую историю этой страны. А не хотите ли побывать в тех местах, что упомянуты в учебниках?

Добро пожаловать в центр мира! (Отдохни. № 19. 2007).

Употребление вопросительных предложений в заглавии или зачине во многом вызвано тем, что они несут эмоциональный заряд, придавая речи выразительность и непринужденность. Широкое распространение этих синтаксических конструкций создает диалогич-

ность – важное свойство, благодаря которому реклама становится более эффективной. Стремление к диалогичности обуславливает популярность и такого приема, как нанизывание вопросительных предложений, способствующее усилению эмоционального воздействия:

Хотите увидеть новые страны, посмотреть, как живут другие народы, почувствовать себя настоящим ковбоем или пожить в старинном замке? Или желаете встретить рассвет, мчась галопом по песчаному пляжу под шум прибоя?

Сегодня туристические агентства предлагают многообразные конные туры (Конный мир. № 3. 2005).

Прагматическую направленность может иметь и повествовательная манера изложения. Например, если выстраивается цепочка номинативных предложений, то в таком случае возникает также высокий воздействующий эффект: динамичность синтаксического строя обуславливает быстрое восприятие информации, а краткость помогает ее лучше запомнить. С помощью данного приема автор как бы составляет «визитную карточку» рекламного предложения, которое адресовано широкой аудитории с разными потребностями:

Маленькие чистые пляжи и солнце круглый год. Роскошные гостиницы и рестораны, изысканные блюда любой кухни мира. Магазины мирового уровня. Золотой рынок и рынок специй. Пленяющее очарование Аравии, которое рождается во время путешествий в пустыню и при знакомстве с памятниками прошлого.

Одним словом, в Дубае есть все для отдыха и развлечений всей Вашей семьи (Домашний очаг. Ноябрь. 2007).

Итак, прагматическая направленность туристической рекламы состоит в том, чтобы не только привлечь аудиторию, но и заинтересовать ее, создать оптимистическое настроение, вызвать предвкушение ярких, незабываемых впечатлений. Лингвистическая специфика рекламы этого типа нацелена на возникновение положительных эмоций, создаваемых с помощью лексических и синтаксических приемов воздействия. Высокая степень экспрессии наряду с открыто выраженной эмоциональной оценкой – важная стилистическая особенность рекламы в туристической сфере.

Список литературы

1. Клушина Н.И. «Увещательная коммуникация» в СМИ // Русская речь. – 2002. – № 6. – С. 59–61.
2. Ксензенко О. А. Прагматические особенности рекламных текстов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: МГУ, 2003. – С. 334 – 353.
3. Реклама: язык, речь, общение / под ред. О. Я. Гойхмана, В. М. Лейчика. – М.: ИНФРА – М, 2008. – 288 с.
4. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с.

**Толерантный дискурс в региональной прессе
(на примере СМИ Мурманской области)
Tolerant discourse in regional press
(example of mass-media in the Murmansk region)**

Статья посвящена анализу толерантного дискурса в региональной прессе, представлен новый метод описания концептуальной схемы журналистского произведения, состоящий из выделения понятий, определения их индикаторов, характеристики набора ключевых слов и оценочных суждений, впервые проанализирован смысловой блок публикаций, посвященный саами.

The article is devoted to the analysis of tolerant discourse in the regional press. The article contains a new method of the journalistic work conceptual scheme description consisting of concepts finding out, definition of their indicators, characteristics of keywords set and evaluating judgements. The semantic block of publications devoted to saami is analyzed for the first time.

Ключевые слова: толерантный дискурс, региональная журналистика, концептуальная схема, оценочные суждения

Key Words: Tolerant discourse, regional journalism, conceptual scheme, evaluating judgements

Цель статьи – дать анализ толерантного дискурса в современной региональной прессе (на примере печатных СМИ Мурманской области). В работе выдвинута гипотеза о том, что региональная пресса имеет большее значение в формировании толерантного отношения к жителям области – представителям иной культуры в силу близости к читателю и может служить фактором межэтнической интеграции. В связи с этим важно изучить средства толерантного дискурса в региональной прессе, являющейся частью тех формирующихся качественных изданий в России, которые будут «медиаторами толерантности как нормы и ценности культуры» [3: 51]. Дискурс в настоящей работе рассматривается как речевая реализация типа социальной практики, а дискурсивный анализ – как выявление способа осмысления реальности пишущим на основе анализа языковой формы [4: 9, 12]).

Методами выборки и контент-анализа была проанализирована региональная пресса Мурманской области по теме «Национально-культурные автономии» из архива Мурманской государственной об-

^{*} Доктор филологических наук, Мурманский государственный педагогический университет, email <olgaivolga@mail.ru>

ластной универсальной научной библиотеки и сайта b-port.com за семь лет с 2002 по 2008 гг. Из общего объема материала, из которого произведена выборка (около 1 000 экземпляров), был выделен 71 журналистский материал.

Из 71 материала 26 посвящены деятельности Центра национальных культур и вопросам национальной региональной политики и дружбы народов (36,6 %), 16 – проблемам саамов (22,5 %), 9 – вопросам самоопределения белорусов (12,8 %), 6 – украинцев (8,4 %), 4 – поморов (5,6 %), по 3 материала – посвящены жизни чувашей и немцев (4,2 %), по одному журналистскому материалу – татарам, коми-ижемцам, осетинам и литовцам (1,4 %).

В исследованных текстах выделены следующие понятия, составляющие основу концептов: *праздник* (14 % общего числа текстов), *дружба* (4 %), *традиция* (4 %), *дом* (3 %), *общество* (1,5 %), *терпимость* (1,5 %), *культура* (1,5 %), *хлеб* (1,5 %). Анализ индикаторов выявил ассоциативные, родовидовые и сочетаемостные связи данных понятий.

Рассмотрение понятий, составляющих концептуальную схему исследования, и их индикаторов – слов и словосочетаний, систематизированных по признакам *сочетаемостные, ассоциативные и родовидовые связи*, а также выстроенных авторами *сопоставительных и противопоставленных рядов*, позволил выявить не только установку журналистских текстов на *формирование чувства терпимости к иной культуре, но и проявление единства при многообразии форм*.

Органичным элементом такого воспитания читателя является появление на страницах региональной прессы концептуального элемента *культура*. Понятие *культура* в исследовательских рамках данной работы реализовано в сочетаемостных связях (с определениями *традиционная, народная*), в синонимических отношениях (*культура – творчество*) и родовидовых отношениях (*комитет по культуре и искусству – музеи – выставки – фестивали – концерты – Дом народного творчества – творческие коллективы*). Мозаичность понятия, многообразие форм проявления народной культуры не сводит ее восприятие к ощущению раздробленности элементов, а наоборот, актуализирует семантический компонент «*единство в многообразии*».

Идея многообразия форм «жизни» на Кольской земле реализуется и в текстах, в которых представлен концептуальный элемент *терпимость*. В таких текстах понятие *терпимость* также реализуется в сопоставимых (*дружба диаспор – Мурманск как образцовый город*) и противопоставленных рядах (*национальная неприязнь – дружба*), в ассоциативных связях (*легко уживаются – исторически тесно соседствовали – стараемся дружить – поддерживаем хо-*

рошие связи). Некий нравоучительный характер таких текстов, представленный глагольными формами *стараемся, поддерживаем*, воспитывает чувство толерантности у читателя, необходимости воспринимать чужую культуру как данное, заставлять себя сдерживаться в проявлении негативных чувств, контролировать свое поведение. Темы и подтемы проанализированных публикаций можно объединить в следующие группы: *деятельность Центра национальных культур при Доме офицеров г. Мурманска и национально-культурных автономий* (история создания Центра, роль руководителя О. Н. Бабушкиной, мероприятия Центра, цели Центра; создание национально-культурных автономий, их деятельность и истории людей); *проведение мероприятий*, посвященных национальным праздникам (описание праздника, цель и идея мероприятия, восприятие зрителей); *сотрудничество национально-культурных автономий и органов власти* Мурманской области (цель встречи, пожелания руководству области, роль национально-культурных мероприятий в проведении национальной региональной политики). Освещение жизни национально-культурных автономий Мурманской области сводится в региональной прессе к описанию определенных достаточно *ограниченных* сторон. Это связано с особенностями прессы Мурманской области как типичной региональной: по наблюдениям исследователей, в списке самых надежных для установления контакта с читателем набор тем *городские новости* в региональных газетах находятся на первом месте [1: 230]. Такие новости и отражены в тематическом разнообразии исследуемого журналистского материала. Этим тенденциям соответствуют и жанры публикаций – информационные. Аналитических материалов в проанализированном контенте не обнаружено.

Особое место в анализируемом материале занимают публикации о проблемах саами — коренного населения Кольского полуострова. Если в журналистских материалах о деятельности других национально-культурных автономий актуализируется семантический компонент *единение, общий язык, взаимопонимание*, то в публикациях о деятельности национальных саамских обществ вербализируется компонент *непонимание, конфликты*, когда речь идет об отношениях этих обществ друг к другу или к официальным органам.

Публикации позволяют детально представить политическую жизнь саамских организаций, их борьбу за права коренных малочисленных народов Кольского полуострова (и не только за права саами!), устройство их нелегкого быта и маленькие радости национальных праздников. Проблемное освещение материала – характерный признак статей, посвященных деятельности саамских организаций. Для своих заголовков авторы публикаций выбирают

форму вопросительных предложений, чаще всего это вопросы риторические, напр.: *Водопровод не для саамов?; И чем не понравились кольские оленеводы?; Центр коренных народов стал яблоком раздора?* Название рубрик соответствует общей тенденции представления в мурманской прессе «саамского вопроса»: *Экология; Не мелочи жизни; В комитетах Областной Думы; Праздник; На земле предков; Большой совет.*

В целом анализ заголовков журналистских материалов по проблемам региональной национальной политики показал их стилистическое разнообразие – от откровенно агитационных и пропагандистских (*В интересах братских народов; Консолидация на благо региона*) до туманно метафорических (*Слеза, завернутая в душу; Не только «хомо», но и «сапиенс»; Водопровод не для саамов?*) и разнообразие функций: номинативная (10 % общего числа заголовков), напр.: *39 организаций; Заполярные сябры; Дом дружбы – мечта мурманчан; Заполярный Сабантуй;* информативная (11 %), напр.: *Грузины в Мурманске запели наш гимн; Литовцы спели немцам; Помогут землякам советом;* воздействующе-убеждающая (11 %), напр.: *Аборигены всех стран, объединяйтесь!; Мы разные, но все же мы едины!;* рекламная (заглавия рекламного типа участвуют в создании читательского ожидания, ожидания-прогноза) (68 %), напр.: *И чем не понравились кольские оленеводы?; Кто-то пишет, а кто-то строит.*

Как известно, заголовок современных газетных текстов ориентирован на усиление смысловой напряженности. Он становится оценочным, экспрессивным, рекламным; информирует, прогнозируя и настраивая на определенное восприятие газетного материала. Это в полной степени проявилось при исследовании заголовков региональных журналистских материалов по теме. Авторы стараются привлечь внимание своих земляков, подчас удивляя и даже озадачивая читателей, используя иноязычные вкрапления (*«Ты у менэ едина, тильки ты, повирь...»;* *Шалом, сябры; Как живется в куаксе?; Гуртом, но не батьку бить; Козацькому роду – нема переводу*) и языковую игру, в частности использование прецедентных текстов (*В слове «мы» – сто тысяч «я»;* *Возьмемся за руки, друзья*). Позицию журналистов демонстрируют заголовки статей, содержащие основную идею национальной региональной политики – единство всех национальностей на мурманской земле (*Национальность – мурманчане; Все мы – северяне; Близкая далекая Осетия; Дружба согрела сердца*). Несколько навязчивое обозначение политики Правительства Мурманской области в таких заголовочных текстах зависит от уровня журналистского мастерства, но их степень влияния на формирование установки толерантного отношения, чувства единения безусловна. Для газетного публицистического стиля, за-

дачей которого является воздействие на массовое сознание, такая «прямота» необходима.

Анализ единиц контекста и единиц счета в рамках данного исследования региональных медиатекстов показал, что в целом тематическое разнообразие ограничено описанием фактов официальных встреч и традиционных фестивалей культур. Общий фон, на котором описывается жизнь этнических меньшинств области, в целом позитивен: представители разных культур *«считают мурманский край родным»* (О. Бабушкина), *«гостеприимным северным краем»* (С. Суровцев), на свете, по их мнению, *«нет другого такого уголка, где люди так дружелюбно уживались бы друг с другом, как здесь»* (Э. Билевская). Критика в адрес официальных органов единична: *«Этот год, кстати, объявлен годом Украины в России. Вот только большого внимания к себе автономный центр не ощутил. Лишь в последнее время (в 2002 г. – О. И.), по признанию Натальи Орловой (руководителя Украинского автономного культурного центра в Мурманске. – О. И.), власти повернулись к нему лицом. Лицом этим оказалась начальник отдела по связям с общественными и религиозными объединениями правительства области Светлана Паршкова»* (отрывок из статьи Г. Дворецкой «Козацькому роду – нема переводу»). Чаще всего журналисты пересказывают слова представителей национально-культурных автономий, где отмечается уникальность Мурманска как места встречи разных культур. Ср.: *«Вообще в адрес Мурманска, который радушно и гостеприимно приветствует все нации, было сказано в этот день немало теплых слов. И даже по-восточному цветастых. Так, исполнительный директор местной религиозной организации "Союз армян России" Овсеп Какосян признал, что Мурманск в этом отношении – райское место, за что честь и хвала всем северянам. И губернаторам других областей он бы посоветовал брать пример с Мурманской»* (Г. Дворецкая «В слове «мы» – сто тысяч «я»).

В отличие от других этнических меньшинств, для саами Кольская земля – земля предков, родина. Акцентирование противопоставленных в публикациях семантических компонентов *государство – коренные народы* углубляет восприятие читателем тематического пласта *«жизнь, культура, история коренных народов»*, показывает необходимость особого понимания проблем политики, экономики и экологии Кольской земли.

Анализ оценочной позиции регионального журналиста как социально значимой позиции проводился в настоящем исследовании с помощью изучения параметров ключевых слов и оценочных суждений.

В анализируемых текстах ключевые слова группируются по принципу родовидовых отношений: гипероним *дружба* имеет в ре-

гиональных медиаматериалах следующие гипонимы: *единение, взаимопонимание, уважение, толерантность*. Значение гиперонима формируется в анализируемых медиатекстах и включает в себя базовые семантические компоненты гипонимов.

Слово *дружба* представлено в толковом словаре русского языка двумя значениями: 1) *отношения, основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т. п.*; 2) *отношения между народами, странами, государствами, основанные на доверии, взаимопонимании и невмешательстве во внутренние дела друг друга* [2: 285]. В региональных медиатекстах оба семантических компонента слова (межличностные и межгосударственные отношения) слились в одно целое: *дружба народов* обозначает в контексте материалов мурманских журналистов *объединение представителей разных народов, жизнь на Кольской земле, в едином доме, в большой интернациональной семье*. Дружить, согласно позиции региональных журналистов, значит встречаться, сидеть за общим столом, собираться под общей крышей – крышей областного национального Центра культур при Доме офицеров.

Ключевое слово *дружба* расширяет в анализируемых журналистских материалах свои сочетаемостные возможности: в статьях отмечен окказиональный вариант *Мурманская дружба* (название гимна Центра национальных культур, сочиненного членами национально-культурной автономии «Белорусы Мурманской области» И. Грецкой и Л. Рыжиковой).

Центральным семантическим компонентом ключевого слова *дружба* является актуализированный в региональных медиатекстах элемент *единение*. Ср.: *Нас все же объединяют одни истоки культур и языков* (Г. Дворецкая. Нам не жить друг без друга), *Пусть не возникают границы хотя бы в душах* (З. Боровая. Делиться хлебом и песнями). Воплощением такого единения журналисты видят *Дом дружбы, фестивали дружбы, праздник мира, спорта и дружбы народов, смешанные семьи*. Заголовки статей свидетельствуют о текстообразующих свойствах этого элемента и о его значимости в семантической структуре ключевого слова (*Татары и чувашаи сплотили мурманчан; Хорошо бы всем объединиться; В слове «мы» – сто тысяч «я»; Нам не жить друг без друга; Возьмемся за руки, друзья; Консолидация на благо региона*). Значимость семантического компонента *единение* настолько велика, что в анализируемом материале встретились две статьи с одинаковым названием *«Мы разные, но все же мы едины»*, написанные разными журналистами (Г. Дворецкая и З. Аристова) и опубликованные в разных газетах («Мурманский вестник» и «Вечерний Мурманск»).

Периферийными семантическими компонентами ключевого слова *дружба* являются актуализированные в этих же текстах эле-

менты *взаимопонимание, уважение, толерантность*. Они эксплицируются в сочетаемостных возможностях слов (*атмосфера дружбы и понимания, атмосфера дружбы и любви, праздник добра и взаимопонимания, уважение к культуре*), реализуют свой грамматический потенциал в словообразовательной активности (*Мурманск – удивительный город с толерантными устоями; И участники относятся очень уважительно друг к другу; Но сначала надо, чтобы дело сдвинулось и люди поверили, что они что-то могут, находят понимание; Здесь живут люди 120 национальностей, и взаимопонимание гораздо лучше, чем в других регионах*).

Ключевые слова содержат в себе огромный положительный оценочный потенциал. Кроме этого, способами создания требуемой оценки высказывания в анализируемых материалах явилось прямое употребление слова-символа оценки – *хорошо* или его синонима – *неплохо*: *Нас много – разных, так это же хорошо! Сила в многообразии, в единстве этого многообразия; По своей службе я объехал много мест, но нигде мне не было так хорошо, как в Мурманске; У меня русская жена, но за годы нашего брака она так прониклась чувашскими традициями, что даже выучила язык и на бытовом уровне вполне неплохо может общаться*. Применение оценки *плохо* в анализируемых текстах единично.

Анализ дискурса показал, что региональная пресса в целом создает положительный образ Мурманской области как толерантного региона. Эта оценка эксплицирована в концептуальной схеме журналистского текста, основанной на идее единства при многообразии форм.

Список литературы

1. Абрамова Т. Аборигены всех стран, объединяйтесь! // Мурман. вестн. – 2008. – 15 марта. – С. 4.
2. Алексеева А. 39 организаций // Полярная правда – 2006. – 10 марта. – С. 2.
3. Андреев С. Грузины в Мурманске запели наш гимн // Комсомольская правда (Мурманск). – 2006. – 24 окт. – С. 7.
4. Аристова З. Мы разные, но все же мы едины! // Вечерний Мурманск. – 2006. – 14 ноября. – С. 3.
5. Бабушкина О. Литовцы спели немцам // Мурман. вестн. – 2003. – 25 апр. – С. 3.
6. Белорусы Мурманска // Вечерний Мурманск. – 2003. – 28 марта. – С. 1.
7. Билевская Э. Дружба народов как лекарство против экстремизма // Наша версия на Мурмане – № 3. – 2007. – 25–31 янв. – С. 6.
8. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: анализ журналистских текстов. 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
9. Большечев П. Водопровод не для саамов? // Мурман. вестн. – 2006. – 27 янв. – С. 1–2.

10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
11. Борисов Ю. «Ты у менэ едина, тильки ты, повирь...» // Мончегорский рабочий. – 2007. – 3 февр. – С.13.
12. Боровая З. «Берегите друзей» // Мурман. вестн. – 2004. – 13 апр. – С. 2.
13. Боровая З. Где вы, братья и сестры? // Мурман. вестн. – 2000. – 7 сент. – С. 3.
14. Боровая З. Делиться хлебом и песнями // Мурман. вестн. – 2002. – 29 янв. – С. 3.
15. Боровая З. Шире круг, друзья // Мурман. вестн. – 2000. – 2 нояб. – С. 3.
16. Бравинова Н. Помогут землякам советом // Мурман. вестн. – 2005. – 24 сент. – С. 1.
17. Буткова Л. Татары и чувашаи сплотили мурманчан // Полярная правда. – 2007. – 3 июля. – С. 2.
18. Буткова Л. Шалом, сябры // Полярная правда. – 2007. – 23 янв. – b-port.com
19. Вечкис А. Хорошо бы всем объединиться // Вечерний Мурманск. – 2005. – 26 мая b-port.com
20. Голенищев И. Не только «хомо», но и «сапиенс» // Мурман. вестн. – 2005. – 16 февр. – С. 2.
21. Гречина Н. Вслед за оленями – по звездам // Мурман. вестн. – 2004. – 28 февр. – С. 1, 3.
22. Гречина Н. Новоселье в «чуме» // Мурман. вестн. 2003. – 19 июня. – С. 1–2.
23. Гудкова Е. Заполярные сябры // Североморские вести. – 2008. – 4 апр. – b-port.com
24. Дворецкая Г. В слове «мы» – сто тысяч «я» // Мурман. вестн. – 2005. – 3 ноября. – С. 2.
25. Дворецкая Г. Возьмемся за руки, друзья // Мурман. вестник. – 2007. – 14 июля. – b-port.com
26. Дворецкая Г. Дом дружбы – мечта мурманчан // Мурман. вестн. – 2008. – 1 марта. – b-port.com
27. Дворецкая Г. И пляшет, и поет, и пироги печет // Мурман. вестн. – 2005. – 1. окт. – С. 4.
28. Дворецкая Г. Козацькому роду – нема переводу // Мурман. вестн. – 2002. – 27 ноября. – С. 1–2.
29. Дворецкая Г. Мы разные, но все же мы едины // Мурман. вестн. – 2006. – 26 янв. – b-port.com
30. Дворецкая Г. Нам не жить друг без друга // Мурман. вестн. – 2002. – 9 ноября. – С. 3.
31. Дворецкая Г. Подарки от святого Николауса // Мурман. вестн. – 2003. – 27 дек. – С. 4.
32. Дворецкая Г. Пятнадцать раз – здравствуйте! // Мурман. вестн. – 2007. – 23 янв. – С. 1–2.
33. Дворецкая Г. Соло на пиле в сопровождении наковальни // Мурман. вестн. – 2004. – 2 ноября. – С. 1.
34. Ермоленко А. Украинская хата всегда рада гостям // Вечерний Мурманск. – 2007. – 30 янв. – С. 2.

35. Зайцева О. Центр коренных народов стал яблоком раздора? // Полярная правда. – 2005. – 4 февр. – С. 1.
36. Ильина Е. И чем не понравились кольские оленеводы? // Полярная правда. – 2005. – 6 июня. – С. 2.
37. Ильина Е. Коренные народности и «пристяжные» проблемы // Полярная правда. – 2005. – 5 июля. – С. 1.
38. Ильина Е. Саамская республика грядет? Два взгляда на будущее коренных народов Севера // Полярная правда. – 2005. – 13 июля. – b-port.com
39. Ильина Е. Слеза, завернутая в душу // Согласие и партнерство. – 2004. – № 3. – С. 1–3.
40. Козлова А. Саамский костер // Полярная правда. – 2007. – 13 февр. – С. 1.
41. Кондратьев В. Будут все при деле, краше станет елле // Мурман. вестн. – 2004. – 10 февр. – С. 1–2.
42. Кондратьев В. Идем на встречу с чистыми ручьями // Мурман. вестн. – 2004. – 25 авг. – С. 1–2.
43. Кондратьев В. К лицу Наде коми сарафан // Мурман. вестн. – 2003. – 2 авг. – С. 2.
44. Крупадёров А. В интересах братских народов // Мурман. вестн. – 2006. – 1 апр. – С. 2.
45. Крупадёров А. Земля нашей любви. Интервью с председателем совета национально-культурной автономии (НКА) «Белорусы Мурмана» // Вечерний Мурманск. – 2004. – 3 июля. – С. 5.
46. Крупадёров А. Консолидация на благо региона // Единая Россия на Мурмане. № 3 (март). – 2006. – С. 1.
47. Крупадёров А. Мы обречены жить одной семьей // Московский комсомолец – Заполярье. – 2006. – 29 марта. – b-port.com
48. Кушков Н. Доброго пути, поморы! // Терский берег. – 2006. – 6 янв. – С. 3.
49. Лысакова И. П. Язык современной русской прессы: социолингвистический аспект // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007. – С. 40–53.
50. Национальность — мурманчане // Единая Россия на Мурмане. № 4 (апрель). – 2006. – С. 4.
51. Никитенко Э. Гульжихан – цветок мира // Согласие и партнерство. – 2004. – № 3. – С. 2.
52. Нуреев Р. «Чумовая» суббота в Ловозере // Вечерний Мурманск. – 2003. – 18 июня. – С. 6.
53. Олигер В. Все мы – северяне // Полярная правда. – 2006. – 24 мая. – b-port.com
54. Олигер В. Зачем делить? Давайте делиться! // Полярная правда. – 2006. – 6 окт. – С. 2.
55. Попова И. Начнут с устава автономии // Мурман. вестник. – 2004. – 10 февр. – С. – 2.
56. Правозерова Е. Близкая далекая Осетия // Мончегорский рабочий. – 2006. – 4 ноября. – С. 3.
57. Рязанова Т. Решили поморы себя осознать... // Мурман. вестн. – 2007. – 9 февр. – С. 2.

58. Свиридов Е. Заполярный Сабантуй // Полярная правда. – 2004. – 21 июля. – С. 1.
59. Соколова Ж. Как живется в куаксе? // Полярная правда. – 2005. – 8 февр. – С. 1.
60. Соколова Ж. Праздник хлеба любви просит // Мурман. Вестн. – 2006. – 22 ноября. – b-port.com
61. Суровцев С. Дружба согрела сердца // АиФ на Мурмане. – 2007. – № 4 (январь). – С. 16.
62. Суровцев С. Что беспокоит саамов? // АиФ на Мурмане. – 2007. – 21 февр. – b-port.com
63. Татур В. «Радима» – значит Родина // Вечерний Мурманск. – 2003. – 3 апр. – С. 5.
64. Татур В. Мурманский юбилей Харькова // Вечерний Мурманск. – 2003. – 24 дек. – С. 4.
65. Татур В. Праздник хлеба и добра // Вечерний Мурманск. – 2004. – 11 февр. – С. 4.
66. Темченко Н. Гуртом, но не батьку бить // Мурман. вестн. – 2006. – 4 апр. – С. 1–2.
67. Традиции Чувашии // Вечерний Мурманск. – 2004. – 4 марта. – С. 1.
68. Турлова Н. Как сохранить народную культуру? // Вечерний Мурманск. – 2007. – 19 апр. – С. 3.
69. Турлова Н. Почему в музее под запретом кинжалы? // Вечерний Мурманск. 29.10.2005. С. 3
70. Феофанова О. Песни и пляски – ярмарки краски // Мурман. вестн. – 2002. – 19 апр. – С. 1.
71. Феофанова О. Вкус родного каравая // Мурман. вестн. – 2004. – 14 февр. – С. 4.
72. Черепанова Л. Л. Дискурс региональных СМИ [Электронный ресурс]: психолингвистический аспект: автореф. дис. – Пермь: РГБ, 2007.
73. Чечёткина Н. Кто-то пишет, а кто-то строит // Полярная правда. – 2008. – 4 марта. – С. 2.
74. Чечёткина Н. Сабантуй да Акатуй // Полярная правда. – 2007. – 28 июня. – b-port.com
75. Шубин В. Меньшинства оказались в большинстве // Полярная правда. – 2008. – 1 апр. – С. 1, 3.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

УДК 801.73:81'42

*А. Н. Гребенев**

Через интерпретацию к пониманию в рамках герменевтического круга From interpretation to understanding within the bound of hermeneutic circle

В герменевтике, связывающей теорию и практику толкования письменных текстов, центральное место занимает проблема интерпретации и понимания. У разных исследователей термины «интерпретация» и «понимание» получали различные трактовки, в которых по-разному расценивалось значение каждого термина как по отношению друг к другу, так и по отношению к занимаемому ими месту в герменевтической концепции. В настоящий момент существует множество теорий, рассматривающих данные термины с различных позиций, что позволяет говорить об их неоднозначности и представляет интерес для дальнейшего их изучения.

The key problem in hermeneutic as theory and practice of interpretation is the problem of interpretation and understanding. These terms revealed their meaning for each other and for the place they fulfill in hermeneutics differently by numerous researchers. Nowadays we may consider these terms to be unclear, causing their future investigation.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, понимание, смысловой инвариант.

Key words: hermeneutics, interpretation, understanding, sense invariant.

Если мы рассматриваем впервые встретившееся нам произведение словесного искусства в письменном фиксированном виде, то нашим первым шагом будет непременно допущение его равенства самому себе. Это мы называем предпониманием того, что содержащийся в нем смысл равен выражающей его форме, т. е. его целое равно сумме составляющих его частей.

Идеальный случай того понимания, которое автоматически нами берется как уже понятое и не требующее интерпретации, тот, при котором одна предметная сущность выражена одним единственно возможным словесным выражением. В противоположность

*Ассистент кафедры иностранных языков; Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <dwith@eandex.ru>

этому сложно «структурированный смысл» (определение поэтического произведения по Ю. Л. Лотману) [5: 38] имеет сложно конструированную форму выражения, и тем самым изначально допущение о равенстве данного объекта самому себе улавливается нами лишь интуитивно и принимается в качестве исходной посылки, требующей дальнейшей проверки, а это значит, что в таком случае изначально в нашем смысловом построении объект не тождественен себе, а равен чему-то иному. Возникает ситуация непонимания, которая, по Гадамеру, служит точкой отправления для осуществления интерпретации.

Если мы, согласно Хайдеггеру, обращаем наше внимание на само отношение предшествующего и последующего, то перед нами встает задача конкретизации и толкования того, что мы понимаем под термином «отношение». В первую очередь, это уже вышеуказанная нами позиция, со стороны которой отношение представляет собой модус несения смыслового инварианта.

«Схваченный» нами в фазе предпонимания инвариантный смысл предшествующего в виде выдвигаемой гипотезы о существовании такого именно инварианта должен быть подтвержден путем соотнесения с индивидуальным и практическим опытом в целях установления окончательного понимания. «Герменевтика полагает, что, переходя от части – обозначим ее символом "а" – к целому – "в" – мы возвращаемся не в "а". Мы возвращаемся в некое "не-а". Мы уходим из пункта "а" в пункт "в", затем возвращаемся в пункт "а", но невероятным образом оказываемся совсем в другом месте. Что же произошло с нами во время этого путешествия? Как происходит превращение "а" в "не-а"?» [6: 160].

Тем самым А представляется в нашем рассмотрении фазой схватывания в предпонимании априорного смысла, равенство как отношение в модусе несения от чего-то к чему-то есть интерпретация и В как имя окончательной процедуры понимания, за счет которого и возможно отношение $A=B$. Таким образом, В является тем, как нами в нашей субъективности понят первоначально схваченный объект суждения А. На этом же основании мы усматриваем и возможность такого рода тождественного отношения как $A=C$, $A=D$, $A=E$ и, соответственно, $B=C$, $C=D$, $D=E$, $B=E$ и т. д. Таким образом, мы можем видеть что проблема множественности интерпретаций есть проблема множественных способов понимания, которые тем не менее входят в изначально заданное поле эйдетической сущности А. Проблема понимания, таким образом, есть проблема соотнесения множества понимаемых концепций, имеющих в своем начале начальный инвариант А. Эта проблема не есть, таким образом, проблема, это следствие, что подвигает нас обратиться к первоначально иницирующему ее объекту – к интерпретации.

Именно на этом уровне, на уровне несения инварианта от А к В и в дальнейшем к бесконечно множественно порождаемым концепциям понимания происходит ключевое формирование такого рода бесконечности. А понято нами как В и поэтому А для нас есть всегда В, С, D, E..., но никак не А. Возможен ли тогда случай, при котором $A=A$?

Если мы допускаем возможность такового, то получим, что изначально схваченный в фазе предпонимания смысловой инвариант А переносится на себя самого. В действительности никакого перехода не происходит совсем, тем самым ликвидируется момент интерпретации как избыточный, так как смысловой инвариант не получает модуса как понятого в виде В.

Можно сделать вывод, что само условие осуществления интерпретации как модуса несения смыслового инварианта возможен лишь в случае конкретного адресата как формирующего модус понимания. Целью интерпретации является понимание, которое есть всегда отличное принятие для себя изначально инварианта смысла, в противном случае оно будет представлять собой изначально понятое и по этой причине не требующее интерпретации.

Тем самым мы видим, что В в выражении $A=V$ есть понимание первичное, А есть данное в предпонимании интуитивное и неявное схваченное единство, которое нами интерпретируется и результатом которого есть первичное понимание, и именно в нем осуществляется усмотрение инварианта и выявление противоречий, что позволит нам выдвинуть предположение об истинности или ложности нашего первичного понимания.

Под предпониманием мы будем полагать «гипотезу о смысле всего текста, которая позволяет интерпретировать его части и одновременно подвергается в процессе интерпретации проверке» [3: 98], т. е. «истолкование есть свободное полагание смысла текста, который, с точки зрения герменевтики, лежит в тексте и даже предположен ему» [3: 5]. Это есть первичное безотчетное (до-рефлексивное) понимание, как его видел М. Хайдеггер, который вместе с ним усматривал и вторичное понимание, возникающее на рефлексивном уровне в виде философской или филологической интерпретации. Вторичная интерпретация коренится в первичном предпонимании, т. е. всякое истолкование, способствующее пониманию, уже обладает пониманием истолковываемого. «Формирование понимания мы именуем толкованием. Толкование – непринятие понятого к сведению, но разработка набросанных в понимании возможностей» [8: 151].

Под этим мы понимаем следующее: предварительное (первичное) чтение художественного произведения дает нам основание полагать о наличии в его основе определенного смыслового инварианта содержания, который, во-первых, является основанием

для своего выражения в виде исследуемого текста, т. е. в виде структурно организованного и графически оформленного единства, во-вторых, это есть причинность образования именно данной структуры своего выражения в законченном виде (иначе нам пришлось бы говорить об ином инварианте содержания).

Данный инвариант интуитивно и схематично схватывается нами и представляет собой предварительно выдвигаемую гипотезу о его наличии в тексте, как предваряющий его строение смысл, явленный нам в нечетко фиксируемом виде. Вообще, всякое «интерпретирование связано с выдвижением гипотез. Даже сам результат интерпретации – более или менее правдоподобная гипотеза, предпочтительная на фоне остальных предположений. В рамках процедуры интерпретации каждый промежуточный шаг связан с выдвижением или опровержением гипотез: так, читать текст – значит модифицировать, шаг за шагом, "исходный индекс", приписываемый интерпретатором с самого начала последовательности "текстовых действий"» [4: 46].

Этот этап есть этап предпонимания и одновременно «пробрасывания» дальнейшего смысла всего произведения, «и понимание того, что "стоит" на бумаге, заключается, собственно говоря, в том, чтобы разрабатывать такую предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости от того, что получается при дальнейшем вникании в смысл» [2 75].

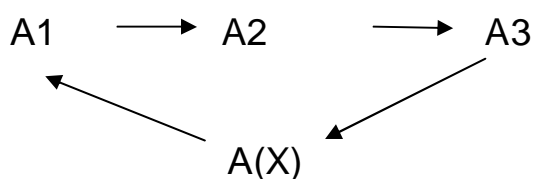
«Проекция смысла, получаемая в результате ментальной операции пробрасывания, есть схематично схваченное целое смысла всего художественного произведения, что ведет к своего рода образованию пустых мест в смысловом поле текста и их локализации в различных его частях. Процесс интерпретации может быть представлен как смена трех видов операций: конструирование, реконструкция и заполнение пропусков» [4: 44].

Наличие пустых мест и ведет к указанной выше ситуации непонимания (первоначальное не-установление связующего смыслового инварианта), что служит первопричиной для возникновения интерпретации - постепенного приведения к соответствию смыслового инварианта с его графической словесной фиксацией, и тем самым осуществляется окончательное понимание произведения, и таким образом мы стремимся к достижению основной цели интерпретации, которая заключается «в восстановлении утраченной и/или в поддержании имеющейся гармонии внутреннего мира интерпретатора а в частности, в получении целостного объекта (результата интерпретации)» [4: 39].

Предварительное схематизирование представляет собой уяснение и принятие допущения о существовании определенного смыслового инварианта. На основе этого следует разделить общий

текст на условные смысловые блоки, которые будут являться описанием по своей сути одного и того же инварианта с различных позиций. Затем происходит поэтапный анализ и сопоставление всех блоков по отдельности и совместно для выявления желаемого смыслового инварианта.

Следует подчеркнуть, что действительно каждая часть произведения есть описание одного и того же инвариантного содержания, тем самым мы приводим наше схематическое первичное видение к следующему виду: $A1(X) + A2(X) + A3(X) = A(X)$, где $A1, A2, A3$ есть графически зафиксированное в знаках естественного языка описание в разных частях поэтического текста смыслового инварианта, A – есть окончательное единство все частей произведения, т. е. само произведение, X есть смысловой инвариант.

«... "язык" истолкования есть абстрагированное представление базовой семантической структуры, инвариантной для некоторого множества выражений, объединенных именно по признаку того, что они так или иначе выражают эту структуру» [7: 1].

Необходимо в данной схеме уточнить смысл вводимого нами понятия «описание». Оно представляет собой саму авторскую интерпретацию единого смыслового инварианта, средством знаковой системы которой является язык. Данный инвариант получает временно пространственные характеристики в виде и за счет словесной репрезентации и тем самым определяет границы своего описания, делая доступным различные стадии своего явления для констатации и дальнейшей интерпретации.

Отметим, что «понимание не равно интерпретации: понимание – переплетение актов интерпретации» [4: 118]. Тем самым интерпретация является в нашем рассмотрении тем способом, по которому смысловой инвариант делает себя доступным к обращению с ним. Об этом говорит К. Войшило, рассуждая о механизме образования представления у А. Черча: «Когда мы имеем дело, например, с конкретным примером или явлением объективной действительности, превращение его в объект мысли осуществляется посредством различных его состояний, ступеней развития (принцип отождествления) путем выделения каких-то тождественных (инвариантных), сохраняющихся в различных состояниях сторон предмета и отвлечения от всех различий в этих состояниях» [1: 11].

Следует подчеркнуть характер осуществления этой доступности, а именно – характер несения. Несение есть свойство исключительно словесного выражения формы, а не самого смыслового инварианта, поскольку обладает временной характеристикой движения.

Несение есть движение от изначального дающего к последующему получающему, и в этой связи смысловой инвариант становится именно объектом несения, а его смысловое содержание есть, таким образом, способ его перемещения, тем самым мы делаем вывод о том, что язык является носителем времени.

С точки зрения автора, текст художественного произведения есть поэтапное описание смыслового инварианта, который, в свою очередь, был явлен ему в его интерпретирующей художественной деятельности, т. е. на интуитивном конгениальном уровне предвосхищения им было уловлено единое инвариантное целое, сводящее воедино разнообразные явления повседневной окружающей его жизни. Происходит словесная фиксация опыта толкования действительности в виде описания пути к пониманию (интерпретация) причин обращения именно к данным фрагментам этой действительности.

С точки зрения интерпретатора процесс толкования есть процесс интерпретации пути, пройденного автором к пониманию причин движения по данному пути. Мы тем самым выстраиваем свой собственный путь следования по той области смысла, которую явил нам автор, лишь намеками указывающий правильный путь следования мыслей, тем самым и фиксация пройденного пути у каждого интерпретатора будет своя собственная, отличная от других.

Таким образом, «интерпретируя данный текст, мы вырабатываем новый текст, в котором смысл предыдущего текста делается более ясным и при этом остается неизменным» [9: 119].

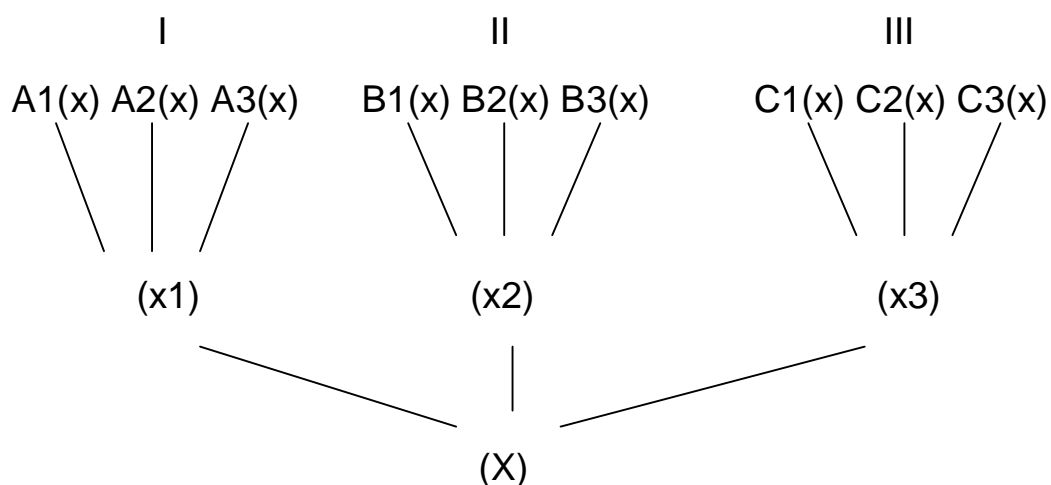
Осознанно мы принимаем подобное положение, поскольку для нас наш путь будет всегда истинным, если даже мы и идем по иному пути, но при этом четко осознаём, по каким критериям можно определить окончание нашего движения, а это и будет пониманием.

Рассмотрим данные положения на основе анализа стихотворения У. Одена «The Songs of Master and Boatswain».

Общий, буквальный смысл данного текста можно выразить следующим образом: одинокий пожилой человек возвращается домой из питейного заведения и грустит о проходящей несчастливой жизни.

Схематично, т. е. на уровне предпонимания (образования «пустых мест» для их дальнейшего заполнения), исследуемый поэтический текст можно представить в виде трех основных смысловых

блоков (согласно ритмической организации AABV CCDD EEFF) и входящих в них компонентов смыслового содержания:

Соответственно, под А, В, С понимаются отрезки текста, под х – компоненты смыслового содержания, под х₁, х₂, х₃ – смысловый инвариант каждого из блоков, под Х – общий смысловый инвариант всего текста.

I

A1: At Dirty Dick's and Sloppy Joe's
We drank our liquor straight.

Употребление (drank) крепких спиртных напитков (straight в данном сочетании означает неразбавленный) свидетельствует о наличии у пьющих проблемы или ряда проблем, от которых они стремятся уйти или забыть путем достижения состояния опьянения (см. syn. – to drink away, to drink oneself sleepy, to drink oneself to death). Следует также обратить внимание на аллегорическое соотнесение опьянения с «выходом в открытое море». Аллегория заложена в заголовке ('The Songs of Master and Boatswain' – 'Песни Штурмана и Боцмана'), а также в многозначности слова the drink (американский разговорный вариант означает водный простор, море).

Компонент смыслового содержания: отплытие (sailing off)

A2: Some went upstairs with Margery,
And some, alas, with Kate.

Компания пьяных людей отравилась продолжать веселье в компании женщин (went upstairs with Margery and Kate). Следовательно, их иносказательное плавание есть стремление уйти, «уплыть» от проблемы одиночества к обретению любви женщины. Отметим наличие подобной интенции и у рассказчика (но его место занял другой -alas).

Компонент смыслового содержания: обретение дома (finding home)

A3: And two by two like cat and mouse,
The homeless played at keeping house.

Желание обрести дом, семейное счастье (homeless), которое для них есть стремление к образу женщины, толкает их в объятия первых встречных, вместо этого они получает лишь имитацию желаемого (play) – это всегда отношение охотника и жертвы (like cat and mouse).

Компонент смыслового содержания: обманчивое желание (illu-sory desire), смысловой инвариант: путешествие моряка (sailor's voyage).

II

B1: There Wealthy Meg, the Sailor's Friend,
And Marion, cow-eyed.

Marion cow-eyed – указание на волоокую богиню Геру, которая символизирует мать, домашний очаг и материнство, тем самым автор дает выход на рассмотрение всего повествования относительно проведения параллелей с греческой мифологией.

Компонент смыслового содержания: Одиссей (Odysseus)

B2: Opened their arms to me, but I
Refused to step inside.

Осознание рассказчиком того, что стоящая перед ним перспектива оказаться в объятиях гулящей женщины (Opened their arms to me), является иллюзией обретения семейного счастья и служит причиной для отказа от подобного предприятия (refused to).

Компонент смыслового содержания: опасность на пути (there is a danger on the way).

B3: I was not looking for a cage
In which to mope in my old age.

Стремление к ложному обретению семейного счастья посредством сиюминутного желания означает окончание плавания. Поддавшись искушению, моряк, таким образом, становится пленником клетки (cage) самообмана, в которую его так настойчиво зазывают. Указание на возраст рассказчика (in my old age) роднит его с образом Одиссея, знание опасностей, стоящих на пути плавания, свидетельствует об опыте и долгом времени самого плавания (I was not looking for a cage In which to mope in my old age). Для него ясно то, что женщины, столь настойчиво предлагающие свою любовь, на

самом деле есть Сирены, обитающие на морских скалах и своим сладкоголосым пением завлекающие мореплавателей в гибельные места.

Компонент смыслового содержания: зов Сирен (Siren's Call).

Смысловой инвариант: Одиссей встречается с Сиренами (Odysseus meets Sirens)

III

C1: The nightingales are sobbing in
The orchards of our mothers.

Образ семейного счастья связан с образом матери и родного дома (The orchards of our mothers), но расставание с ним много лет назад привело к его запустению (The nightingales are sobbing). И для путешественника, и для цели его путешествия губительно длительное существование порознь, они стремятся к единству.

Компонент смыслового содержания: Итака в отсутствии Одиссея (Ithaca without Odysseus).

C2: And hearts that we broke long ago
Have long been breaking others.

За совершенное преступление в прошлом (hearts that we broke long ago) наказание преследует виновного вплоть до полного искупления (Have long been breaking others). Еще одна ассоциация, возникающая в данном компоненте – библейская притча о блудном сыне, который ослушался своего отца, ушел из дома и был наказан за это Богом долгими скитаниями, которые закончились только с его возвращением домой.

Компонент смыслового содержания: блудный сын (prodigal son).

C3: Tears are round, the sea is deep:
Roll them overboard and sleep.

Слезы (Tears are round) старого моряка (рассказчика – Одиссея), оплакивающего свое одиночество, есть всего лишь продолжение тех слёз (the sea is deep), которые он ронял в течение своего долгого пути. Единственное, что остается ему в его стремлении преодолеть все препятствия и достичь желаемой цели – это его воля. Все свои слабости он отбрасывает (Roll them overboard) и продолжает свое плавание (sleep).

Компонент смыслового содержания: преодоление воли Богов (Sailing against Gods decree), смысловой инвариант: возвращение на Итаку (Sailing back to Ithaca)

Общий смысловой инвариант: возвращение домой (Coming back home)

Итак, цель интерпретации – понимание, которое всегда отличается от принятого для интерпретатора изначального инварианта смысла, в противном случае оно будет представлять собой изначально понятое и по этой причине не требующее интерпретации. При этом интерпретация понимается как процедура соотнесения смыслового инварианта с его словесным выражением, а понимание – как окончательное формирование единства между ними.

Список литературы

1. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
2. Гадамер Г. О герменевтическом круге. Актуальность прекрасного / пер. с нем. – М.: Искусство, 1991.
3. Герменевтика и Деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. – СПб., 1999.
4. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. – Л.: Просвещение, 1972.
6. Морозов С. М. От герменевтического круга – к герменевтической спирали: через смысловой хронотоп. Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. – М., Смысл, 2006. – С. 156–165.
7. Основные концепции философской герменевтики Х.-Г. Гадамера. – <http://www.ruthenia.ru/annalystxt/Germenevt.htm>
8. Хайдеггер М. Бытие и Время. – М.: Наука, 2006.
9. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. – М., 2002.

УДК 81.23

Е. Н. Заботина*

Парадоксы в текстах Стивена Фрайя Paradoxes in the texts by Stephen Fry

В статье «Парадоксы в текстах Стивена Фрайя» рассматриваются существенные характеристики парадокса как элемента языковой игры, которая служит средством выражения авторской модальности. В статье прослеживается механизм возникновения парадоксов и обосновывается необходимость когнитивного анализа парадоксов. Анализ языкового материала представлен в виде классификации парадоксальных выражений Стивена Фрайя.

The article «Paradoxes in the texts by Stephen Fry» deals with the essential characteristics of paradox as the element of the language game that serves to express the author's modality. The author of the article researches the mechanism of appearance of paradoxes and gives their classification using the paradoxical expressions taken from the texts written by Stephen Fry.

*Ассистент кафедры иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <e.vakulenko@gmail.ru>

Ключевые слова: парадокс, языковая игра, модальность, авторские аномалии, алогические образования, концептуализация противоречия, Стивен Фрай, мышление.

Key Words: paradox, language game, modality, abnormal expressions, illogical phrases, conceptualization, contradictions, Stephen Fry.

В современной когнитивной лингвистике представляется актуальным и перспективным изучение языковой игры как способа выражения авторской модальности, при этом языковая игра рассматривается как феномен, онтологически связанный с личностью и языком, отражающий взаимообусловленность мышления и особенностей языковой реализации. В центре внимания оказывается языковая личность автора, психологический и когнитивный аспекты анализа которой не менее важные, чем лингвистический, поскольку созданный автором текст отражает его индивидуальные психические и когнитивные особенности. Как отмечает Т.А. Букирева, «языковая игра – это сложная система, отражающая отношение автора к жизни и искусству... Мышление автора зачастую порождает аномальную игровую систему смыслов. Смысл в таком понимании, будучи творением речевого мышления, является авторизованной формой отражения мира, где переплетаются субъективные и объективные оценки реальности. Языковая игра становится единственно возможным способом выражения авторской модальности» [1: 3]. Анализ языка произведений позволяет говорить об индивидуальных чертах языковой личности автора, которые находят отражение в концептуализации и образе мыслей писателя и выражаются в стиле его письма и выборе языковых средств для характеристики действительности.

Языковая игра, являясь способом вербального поведения, проявляется как каламбур, острота, шутка, парадокс, который «часто используется в качестве инструмента для воплощения в тексте свойств сознания определенной "игровой" ментальности» [1: 13].

Отношение к проблеме парадокса в современной лингвистике крайне неоднозначно. Т. А. Букирева рассматривает понятие «языковая игра» (и в частности, парадокс) как особую разновидность намеренных авторских аномалий. А. А. Дживанян смысловую аномальность считает отличительным свойством алогических образований. Приводя их классификацию, автор относит парадокс к «неопределимым металингвистическим алогическим образованиям» [3: 13]. Н. Т. Федоренко относит парадоксы к жанру афористики, отмечая, что традиционной чертой английского афоризма является склонность его к парадоксальности [6: 6]. Б. Т. Ганеев утверждает, что в языке противоречий не существует, а есть противоречия на уровне речи, поэтому следует использовать термин «логико-

речевые» парадоксы. «...в языке нет противоречий, а есть только противопоставления, иначе говоря, оппозиции. Это решает проблему приемлемости парадоксов... Логика и прагматика, каждая по своему, исследует противоречия ментального и речевого миров, в то время как семантика изучает только оппозиции, лишённые противоречий» [2: 81-83]. Внешний мир в целом представляет собой гармоничную тотальность, где все элементы взаимосвязаны и взаимодействуют бесконфликтно. Противоречие является чисто человеческим деянием, т. е. оно появляется только там, где задействуется человеческое мышление. Мы не можем утверждать, есть ли во внешнем мире противоречия или нет, поскольку судим о нем через призму нашего мышления, используя или не используя язык. Внутренний же мир человека полон противоречий, которые позволяют ему гибко реагировать на изменения при восприятии окружающей его действительности.

Понятие противоречия играет важную роль в характеристике парадоксального выражения, поскольку в основе любого парадокса лежит парадоксальное высказывание, особенностью которого является противоречие. Исследуя взаимоотношения высказывания и противоречия, Б. Т. Ганеев отмечает, что «противоречие как явление в логике и языке – это не простое отрицание противоположности, а средство познания мира... экзистенциальная суть противоречия заключается в появлении нового в старом» [2: 76]. При всем разнообразии характеристик и определений, даваемых парадоксу, мнения исследователей сходятся в том, что главное в природе парадокса – это противоречие, неожиданность, несоответствие ожиданиям, смысловой сбой, ошибка понятий.

До недавнего времени парадокс рассматривался как характерная примета творческой манеры писателей так называемой новой волны (конец 50-х годов XX века) – Б. Биена, Г. Пинтера, Н.Ф. Симпсона. Однако, как отмечает Т.П. Сазонова, вкус к парадоксу является неотъемлемой чертой английской литературной традиции в целом, а с точки зрения Г.-К. Честертона, и «нормой национального поведения» [4: 1]. Парадокс служит средством раскрытия противоречий «антропологического» универсума в произведениях В. Шекспира, Дж. Свифта, Б. Шоу, О. Уайльда и других английских писателей.

Современный английский писатель Стивен Фрай, вступая в литературу в конце XX в. и опубликовавший к настоящему моменту восемь романов, продолжает в своем творчестве традиции, заложенные его литературными предшественниками. Его тексты изобилуют приемами языковой игры, и в частности, парадоксальными высказываниями, что обусловлено не только национальной традицией, но и отражает мироощущение самого автора.

Рассмотрим некоторые типы парадоксов С. Фрайя. Самая многочисленная группа логических и семантических парадоксов (по классификации Б. Т. Ганеева), построенных на логическом или семантическом противоречии, представлена следующими парадоксами:

«It starts with a dream. This story, which can start everywhere and nowhere like a circle, starts, for me – and it is after all, my story and no one else's, never could be anyone else's but mine...» [7: 3].

«Все начинается со сна. Эта история, которая может, подобно окружности, начаться *везде и нигде*, начинается для меня – как-никак это моя история и больше ничья, да и быть никогда не могла ничьей, только моей...» [5: 9].

«I have always found uncoordinated women, nearsighted women, long, gawky, awkward women, powerfully attractive» [7: 5].

«Женщины с плохой координацией, близорукие женщины, долговязые, неповоротливые, неловкие женщины всегда казались мне чудовищно привлекательными» [5: 11].

«I am not entirely sure that I am telling this story the right way round. I have said that it is like a circle, approachable from any point. It is also, like a circle, unapproachable from any point» [7: 5].

«Я как-то неуверен, что рассказываю эту историю правильно. Я уже говорил, что она подобна окружности, в которую *можно войти в любой ее точке*. Она подобна также окружности, в которую *нельзя войти в любой ее точке*» [5: 11-12].

Используя многозначность слов, автор вводит противоречие на уровне грамматики. *«History is my business. What a way to start... history isn't my business at all»* [7: 5].

«Мой бизнес – история [мое дело – З.Е.]. Ну-ну, нашел начало... История для меня *никакой не бизнес*» [5: 12].

К подгруппе семантических антиномий относится следующий парадокс: *«The puzzle that besets me is best expressed by the following statements:*

None of what follows ever happened.

All of what follows is entirely true» [7: 8].

«Загадка, которая меня донимает, лучше всего формулируется посредством следующих утверждений.

Ничего из нижеследующего никогда не происходило.

Все нижеследующее – чистой воды правда» [5: 15].

«Get your head round that one. It means that it is my job to tell you the true story of what never happened. Perhaps that's a definition of fiction» [7: 8].

«Вот и вертись тут. Получается, что моя задача – рассказать вам *историю, которая никогда не происходила*. Возможно, это и есть определение художественной литературы» [5: 15–16].

«*He was a very witty man, you know – it's a side of him not many people are aware of*» [8: 6].

«Он был остроумным человеком – та его сторона, о которой знали немногие» [пер. наш].

Группу афоризмов, которые, по классификации Б. Т. Ганеева, относятся к социокультурным сферам функционирования парадокса, можно представить следующими афористическим высказыванием: «*A historian is a prophet looking backwards*» [7: 8].

«Историк – это пророк, обращенный в прошлое» [5: 15].

Группа прагматических парадоксов, которые отражают явления и ситуации, противоречащие убедительным предпосылкам в разных сферах живого и неживого мира, может быть представлена следующим примером, относящимся к сфере «Экономика и технология»: «*Safeway Colombian Coffee, Fine Ground For Filters: Naturally Decaffeinated...*» [7: 10].

«Колумбийский кофе "Надежный путь", тонкий помол для фильтров: *обескофеинен органическим способом...*» [5: 17].

Оксюморон, по Б. Т. Ганееву относящийся к лингвистическим сферам функционирования парадокса, у Стивена Фрайя представлен следующей фразой: «*Its preciousness and privilege notwithstanding, the smugness of those present aside, the awful luxury of the whole event discounted, this is a fine place to be*» [8: 14].

«Несмотря на изысканность и привилегированность, держа в стороне чопорность присутствующих, не принимая в расчет чудовищную роскошь всего события, это приятное место для нахождения» [пер. наш].

К группе слов-слитков (телескопических слов), которые создаются искусственно для создания эффекта семантической противоречивости в одном слове, можно отнести: «*Jane&Michael have ceased to be and now there is Jane and there is Michael*» [7: 13].

«Союз Джейн и Майкла распался, Джейн теперь сама по себе, а Майкл сам по себе...» [5: 22].

Интерес представляет и этимологический парадокс С. Фрайя, который выявляется при обращении к происхождению того или иного слова: «*Violence, I need hardly remind a wireless audience, derives from the Latin word vis and its cognates, meaning strength. Violence I was briefed to hunt down, however, was a horse of a very different kidney*» [8: 4].

«Насилие, едва ли мне стоит напоминать радиослушателям, происходит от латинского «vis» и его однокоренных слов, означая силу. Насилие, за которым мне поручено было охотиться, было совершенно другого рода» [пер. наш].

Парадоксальность может быть представлена на уровне парадоксальных сюжетов.

Персонаж Дональд Трефьюзис, участвуя в радиопередаче, сначала высказывает свою точку зрения по обсуждаемой проблеме и затем, закончив свое выступление, приветствует радиослушателей вместо того, чтобы попрощаться с ними. Этот прием подобен приему обманутого ожидания: *«My brief, to inspect the rediffusion of violence in the BBC's television programming, was on the one hand appalling to an inveterate lover of the wireless, and on the other appealing to an avid student and chronicler of modern society, and on the other flattering to one who is – oh dear, I seem to have three hands here, never mind, suffice it to say that I approached the task with a glad, if palpitating, heart... But the violence, the violence that attacks our young in the monstrous shapes I have already tried to describe, that I shall spare no effort to uproot, extirpate, decimate, annihilate and destroy. Good morning»* [8: 3–5].

«Дело, порученное мне, – проинспектировать распространение насилия на телевизионных каналах ВВС – было, с одной стороны, отталкивающим для закоренелого любителя радио и, с другой стороны, привлекательным для увлекающегося студента и летописца современного общества и, с другой стороны, лестным для того, кто – о, боже, кажется у меня три стороны из двух возможных, ну, не важно, достаточно сказать, что я приступил к заданию со всей, если не животрепещущей, душой... Но насилие, насилие, которое атакует нашу молодежь в чудовищных формах, которые я уже попытался описать, и для искоренения, истребления, уничтожения, отмены и разрушения которых я приложу все усилия. *Доброе утро*» [пер. наш].

Отличительной характеристикой парадоксальных загадок является то, что ожидаемые в русле здравого смысла, общепринятого мнения отгадки оказываются ложными, а правильными являются самые неожиданные, но единственно верные. Примерами таких загадок могут служить следующие.

«What, please, have the following words in common: almost, biopsy, chintz?.. almost, biopsy and chintz are the only six-lettered words in the language whose letters occur without repetition in alphabetical order» [8: 9–11].

«Что общего имеют следующие слова: *almost* (почти), *biopsy* (биопсия), *chintz* (ситец)?.. *almost, biopsy, chintz* – это единственные слова из шести букв в языке [английском], буквы которых, не повторяясь, следуют в алфавитном порядке» [пер. наш].

«What have Poles and Staples to do with Shrimps and Wardrobes?.. L.P. Hartley wrote of course The Shrimp and the Anemone and his middle name was Poles, while Clive Staples Lewis was the author of The Lion, the Witch and the Wardrobe» [8: 9-11].

«Что полюсы и скобы имеют общего с креветками и платяными шкафами?.. Л. П. Хартли написал, конечно, «Креветка и ветреница», и его имя было Поулз, в то время как Клайв Стейплз Льюис был автором книги «Лев, колдунья и платяной шкаф» [пер. наш].

Таким образом, приведенные примеры показывают, насколько оригинально и эффективно Стивен Фрай использует в своих текстах парадокс, который является не только основополагающим принципом существования художественной формы, но и средством концептуализации парадоксальности. Его мышление начинается с отрицания, противоречия, так как человек изначально противопоставляет свое «Я» миру, который для него «Не-Я», и только после этого делит мир на остальные его составляющие. Внутренний, ментальный мир автора, так же как и речевой, полон противоречий, что приводит к появлению все новых и новых парадоксов. Оригинальность парадоксов и парадоксов С. Фрая «ломает» привычную структуру сознания, способствует его очищению, его изменению, выходу на глубинные уровни психики за пределы житейской, обыденной логики. Обладая нелинейной структурой, парадокс требует нескольких циклов осмысления. Понимание парадокса приводит к пониманию основ бытия, к познанию истины, поскольку парадокс – это вызов существующим нормам, который стимулирует поиск смысла жизни, зачастую подрывая устоявшиеся мировоззренческие позиции. Через парадоксальную концептуализацию отражаются противоречия современной культуры постмодернизма. Перспективное исследование парадокса в современной когнитивной лингвистике – это изучение прежде всего когнитивных структур парадокса и парадоксальности человеческого сознания и мышления.

Список литературы

1. Букирева Т. А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук – Краснодар, 2000.
2. Ганеев Б.Т. Парадокс: парадоксальные высказывания. – Уфа: БГПУ, 2001. ISBN 5-89978-137-2
3. Дживанян А. А. Лингвистические и логико-когнитивные параметры алогических образований в художественном тексте. // автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – М., 1991.
4. Сазанова Т. П. Парадокс в творчестве Ивлиной В. Романы 20–30-х годов: автореф. дис. на соиск. спец. – М., 1997.
5. Стивен Фрай. Как творить историю / пер. с англ. С. Ильина. – М., 2005.
6. Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда: дис. – СПб., 2004.
7. Stephen Fry. Making History. Arrow Books, 2004.
8. Stephen Fry. Paperweight. Arrow Books, 2004.

**Медицинская метафора как результат культурной фиксации
в медицинской терминологии**
**The Medical Metaphor as a Result of Cultural Fixing
in Medical Terminology**

В статье рассматривается медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии. Отмечается, что медицинские метафоры-термины создают образность и экспрессию за счет рефразеологизации прецедентных текстов, используя для этой цели элементы уже существующей знаковой системы, являющейся частью общего культурно-исторического наследия.

In this article the medical metaphor as a result of cultural fixing in medical terminology is considered. It is emphasized, that medical metaphors - terms create figurativeness and vivid expression at the expense of precedent texts rephraseologization, using for this purpose the elements of already existing sign system being a part of the common cultural - historical heritage.

Ключевые слова: медицинская метафора, научный дискурс, прецедентные тексты.

Key words: medical metaphor, scientific discourse, precedent texts.

Важнейшей областью приложения метафор является наука. Известно, что продолжительное время многие ученые, следуя традиции, заложенной еще Т. Гоббсом и Дж. Локком, говорили о несовместимости научных теорий и определений с метафорой. Однако в 50–60 годах XX в. вместе с общим изменением отношения к метафоре и пересмотром традиционного образа науки, связанным с принципами антропоцентризма, изменилась и оценка роли метафор в научной сфере. «Выяснилось, что достижение искомого идеала точности и однозначности терминов и выражений влечет в конечном итоге омертвление научного языка, резкое снижение его гносеологических и эвристических возможностей» [9: 241]. В связи с этим в научном дискурсе, по замечанию автора, одной из важнейших функций метафоры является объяснительная, поскольку без вмешательства метафоры бывает крайне трудно понять смысл какого-либо явления. Нередко метафора является единственным средством, способным прояснить сложную исследовательскую ситуацию. Необходимо заметить также, что метафора позволяет кратко оха-

*Кандидат филологических наук; Региональный открытый социальный институт, Курск, email <olgaz4@rambler.ru>

рактизовать различные научные явления, которые при ином способе выражения было бы проблематично описать. Без метафоры происходило бы неоправданное расширение научного языка, и часто именно этот стилистический троп является наиболее емким и компактным способом выражения научной мысли. И. В. Полозова отмечает, что главная функция научной метафоры состоит в расширении с ее помощью горизонтов человеческого мышления и познания, так как только через метафору в науку способны проникнуть новые смыслы [9: 325].

Современные исследования в когнитивной лингвистике, когнитивной психологии, психолингвистике подчеркивают значение метафоры для расширения научного лексикона, постепенно формирующего и индивидуальные представления о мире. Расширение научных теорий осуществляется посредством экстраполяции коллективного знания (KZ_2) (KZ_2 – «зарегистрированная» в продуктах деятельности человека часть коллективного знания / переживания как достояния лингвокультурной общности» [6: 23]) из одной научной парадигмы в другую, давая возможность присоединять дополнительные аксиомы, гипотезы, принципы, постулаты. Инверсность научного дискурса базируется на перманентной инкорпорации терминов и понятий из наивного, художественного и других видов дискурса. При этом термины и понятия, употребляемые в новых для себя контекстах, становятся метафорической основой для образования специальных терминов, обеспечивая перестройку понятийного фонда конкретной научной области знаний. Этот процесс сопровождается установлением новых ассоциативных связей между объектами и явлениями, обуславливающих позитивное развитие терминологического аппарата данной научной парадигмы.

Метафоризация как особая метапроцедура выполняет важную роль культурной фиксации новых научных результатов [3: 164–165]. Научные понятия, которые обычно вводятся их авторами в оборот как смелые метафоры, постепенно приобретают привычные, фиксированные в лексиконе языка и концептуальных структурах формы. Отвечая способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными понятиями и классами объектов, метафора является весьма продуктивным понятием для науки. Модель процесса метафоризации в научном дискурсе, по мнению автора, состоит из сущностей и отношений между ними, понимаемой как отношение, устанавливаемое субъектом метафоризации между сущностями, точнее — их признаками и ассоциативными комплексами, и нацеленное на синтез релевантных для метафорического замысла признаков и ассоциаций [3: 165]. С позиции психолингвистики результатом процесса метафоризации, по нашему мнению, является вербальное оформление индивидом нового знания о мире

и о себе. С помощью метафоры устанавливается новое смысловое содержание знаний индивида, представляющих собой результат работы сознания в системе деятельности человека, и свойства того или иного вида знания должны «выводиться не из догматических стандартов рациональности, а из свойств познающего субъекта и практических контекстов его деятельности и общений» [6: 36].

В этой связи достаточно показателен рассматриваемый нами медицинский дискурс, понимаемый как вербально-опосредованная деятельность индивида в сфере медицинской коммуникации: при диагностике заболевания, уточнении диагноза, позитивного эмоционального воздействия на пациента, принятия и обоснования выбранной методики лечения в условиях множественности точек зрения в медицинском сообществе и выработки коллегиального консенсуса. Несмотря на то, что медицинский дискурс – разновидность научного дискурса, он является прагматически ориентированным способом вербализации профессионального знания и, исходя из трактовки слова как средства доступа к единой информационной базе человека [4, 5], характеризуется актуализацией не только энциклопедических знаний, но и продуктов психического отражения действительности в сознании/подсознании индивида. Метафоры – неотъемлемая часть медицинского дискурса и представляют собой некое направление движения бессознательной творческой активности медика, участвуя в создании «инвариантного профессионального образа мира» (термин А. А. Леонтьева). В соответствии с принципом активности психического отражения, сформулированного в общепсихологической теории деятельности, продуцирование и восприятие любого слова (в том числе и метафоры) в речемыслительной деятельности происходит под влиянием психических образов, дискретных элементов знания, сформированных у коммуникантов в процессе деятельности и определяющихся целями, установками, потребностями, эмоциями индивида. Речь идет, прежде всего, о метафорах, функционирующих в языке на уровне терминологии. Например: *кровеносные сосуды, сердечный клапан, грудная клетка, привратник желудка*.

Наблюдения над научным медицинским дискурсом свидетельствуют о том, что почти вся современная терминология теоретической и, прежде всего, практической психологии и психиатрии – это чистая метафора: слова с конкретным значением обозначают явления психологического порядка. Когда психолог обнаруживает, что некоторые представления взаимодействуют между собой, он говорит, что они ассоциируются, т. е. ведут себя подобно тому, как люди ведут себя в социуме. Каждая терапия имеет свой набор метафор (в виде словаря), предоставляющий возможность медикам выражать некоторую часть профессионального опыта и знаний о мире. На-

пример: *«Болезнь кьясанурского леса – острая инфекционная природно-очаговая болезнь из группы геморрагических лихорадок, вызываемая арбовирусом группы В, передающаяся клещами рода Naemaphysalis; характеризуется внезапной лихорадкой, длящейся 7–14 дней, явлениями общей интоксикации, умеренным геморрагическим синдромом; встречается в Южной Индии, сходна с омикской геморрагической лихорадкой»* [13: 149].

Поскольку профессиональная деятельность врача заключается в моделировании будущей реальности (картины выздоровления пациента) в специально организованном пространстве в специально отведенное время, то при этом происходит актуализация такого способа отражения реалий окружающего мира в сознании медицинского работника, при котором врач, действующий в ситуации «здесь и сейчас», наполняет собственным смыслом устойчивые (выработанные данным лингвокультурным сообществом) образы и представления, накладываемые на профессиональные знания. Например, метафорой в психотерапии, по словам медиков, может быть анекдот, притча, легенда, аллегория, история из жизни в случае их использования в качестве терапевтического приема на любой из стадий терапии. В данном случае медицинская метафора есть не что иное, как развернутая аллегория с более или менее эксплицитно выраженной моралью. Естественно, что поверхностное, «наивное» прочтение подобных текстов (например, когда речь идет о пациентах, не имеющих медицинского образования) было бы некорректным. Буквальный текст недвусмысленно указывает на другой, более глубинный, аллегорический текст, который заложен в первом, имплицитно вытекает из него и представляет основную коммуникативно-прагматическую и терапевтическую ценность, поскольку в метафоре так же, как и в аллегории, закодирован и сохраняется специфический и общечеловеческий опыт, передаваемый из поколения в поколение. Аналогия возникает, с одной стороны, в контексте, а с другой – на основании предшествующих лингвокультурных знаний, которые активируются в процессе коммуникации. Оба эти фактора – контекст и предшествующие знания – взаимодействуют и в конечном счете конституируют метафорический смысл высказывания. Используемая в подобных текстах метафора в высшей степени интерактивна, она намеренно поощряет творчески-инновативное участие пациента в интерпретации текста, стимулирует его воображение, основываясь на прецедентных феноменах данного лингвокультурного сообщества. Научное открытие, по словам А. Кёстлера, и заключается как раз в том, чтобы увидеть аналогию там, где ее никто не смог разглядеть до этого [12: 115]. Приводя в соприкосновение концепты, находившиеся до этого на расстоянии друг от друга, мы тем самым ломаем установившуюся концептуаль-

ную систему, которая сковывает наше мышление, воображение и наш язык. Следовательно, метафора в психотерапии представляет собой некий образ, иносказательно называющий какое-либо явление и служащий в дальнейшем для номинации схожих ситуаций, явлений или объектов [12: 115].

Как показал проведенный нами анализ теоретической литературы, анамнезов пациентов, выписных эпикризов, тенденция к абстрактности и специализации содержания научного дискурса, в том числе и медицинского, не лишает его образности, проявляющейся в реализации таких функций метафоры, как функции концептуализации, категоризации и контаминации. Например: *устье мочевого пузыря, механическая желтуха, бассейн лимфоотока, ворсинчатый рак*. По наблюдению исследователей [12], подобное явление характерно для целого ряда языков, в том числе неродственных, и носит ярко выраженный национально-исторический колорит. Например: *Blutgefass, Bvustkorb, Wirhelsaule, Kmescheibe, Blinddarm, Fettpolster, Zahnfleisch, Tranensack, Augapfel, Adamsapfel, Magenpfortner, Trommelfell, Wimrinde* [12: 189]. Во французском языке нами также были выявлены подобные феномены. А именно: *syndrome de Chevalier, syndrome d'Alexandre* [11], *symptôme du Barbe-Bleue* [14], *symptôme du Chaperon rouge* [15]. Как правило, это совершенно самостоятельные в семантическом отношении слова и словосочетания, достигшие терминальной стадии лексикализации, лишенные эмоциональной оценочности и автономно фиксируемые в лексикографических источниках. Необходимо отметить, что медицинские метафоры-термины создают образность и экспрессию за счет рефразеологизации прецедентных текстов, поскольку не конструируются *ex nihilo*, а используют для этой цели элементы уже существующей знаковой системы, являющейся частью общего культурно-исторического наследия.

В результате анализа полученного материала нами были выявлены следующие прецедентные тексты: имена литературных и мифологических персонажей, пословицы, названия произведений, имена собственные исторических личностей. Например: «*синдром Шалтай-Болтая*» [10: 477], «*синдром Розенталя*» [1: 262], «*синдром Ромео и Джульетты*» [10: 209]. Являясь составной частью языка, медицинская метафора-термин сохраняет свой уникальный статус и представляет своеобразную вербальную проекцию спрессованного социально-культурного опыта. Они многоплановы, и их функциональный аспект преобладает над чисто семантическим. Суть метафоры данного вида – уподобление патологических состояний здоровья человека образам персонажей художественной литературы с целью более точного раскрытия сути и причин заболевания. Этот семантико-функциональный тип аналогий и ассоциа-

ций человека и его организма с художественным миром основан на базовой для языкового сознания «образной» модели представления человека в его сходных чертах с художественным персонажем, что имеет глубокие исторические корни в эволюции любого национального восприятия мира. Существенное свойство всех прецедентных текстов в том, что они выступают как целостный знак, отсылающий к тексту-источнику и представляющий его по принципу «часть вместо целого». «Свернутый (или прецедентный) текст – единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти» [8: 119]. Иными словами, герои и тексты, хорошо известные широкому окружению данной личности, значимые для того или иного индивида в познавательном и эмоциональном отношении, позволяют языковым личностям при общении легко понимать друг друга и соотносить с определенными текстами одинаковые образы и представления. Например: *«симптом Ван Гога заключается в том, что больные либо сами себя оперируют, либо требуют, чтобы врачи произвели им те или иные операции. Может наблюдаться при параноидной и ипохондрической формах шизофрении, в клинике психопатий. Иногда включается в рамки синдрома дисморфофобий»* [1: 88].

При употреблении медицинской метафоры-термина коммуниканты соединяют характерные признаки данных имен с национально-детерминированными представлениями, которые стоят за ними. Процесс метафоризации связывает терминопорождение с миром действительности, заимствуя в «готовом» виде в медицинскую терминосистему лексемы из наивного, литературного и других видов дискурса со смещением значения или без него. Метафора в медицинском дискурсе представляет собой систему, при взаимодействии абстрактного и конкретного компонентов которой возникает новое значение, представляющее собой способ познания действительности. Например: *«болезнь любителей птиц – разновидность аллергического альвеолита, встречающаяся у лиц, контактирующих с птицами, и обусловленная отложением в легких преципитата, состоящего из IgG-антител и попавшего в организм аллергена (из сыворотки крови или помета птиц)»* [13: 149].

Значительную часть научного языка и языка медицины, в частности, составляют лексемы наивного дискурса, получившие специальный смысл в составе медицинских метафор-терминов. Напомним, что под медицинской метафорой-термином нами понимается рожденное в профессиональном дискурсе индивидуально созданное и закрепленное словарной статьей словосочетание, состоящее из слова из классического языка и лексемы литературного дискурса, являющейся частью культурного тезауруса. Вследствие интеракции двух элементов в медицинской метафоре-термине

эмергентно продуцируется новое значение. Медицинская метафора-термин фиксирует познавательную деятельность врача и относится к профессиональному сленгу. Следует особо подчеркнуть, что медицинская метафора-термин ограничена рамками профессионального общения [7: 79]. Например: *тело и хвост поджелудочной железы, перстневидный рак, слепая кишка, кивательная мышца, природные киллеры, Т – хелперы, футлярная анестезия* [2: 56, 63].

По справедливому замечанию В.А. Лукина, несмотря на то, что прецедентные тексты активно используются всеми носителями данного языка и данной культуры, но далеко не все из них достаточно точно и адекватно представляют себе место и роль цитируемого фрагмента в тексте-источнике (так же, например, как употребление в русской речи латинских крылатых выражений и афоризмов не свидетельствует о знании говорящим латинского языка). Непосредственное цитирование происходит не из текста-донора, а из «культурного тезауруса» языковой личности, приобретшей опыт обращения с прецедентным текстом не только по причине знакомства с его исконной текстовой средой, но в результате собственной коммуникативной практики [8: 119]. Например, согласно результатам проведенного нами анкетирования тридцати врачей-психиатров, психотерапевтов и медицинских психологов лишь один процент опрошенных мог вспомнить название произведения, послужившее текстом-донором для медицинской метафоры-термина «Пиквикский синдром». Однако симптоматика заболевания была верно названа всеми. Согласно «Эпонимическим терминам в психиатрии, психотерапии и медицинской психологии» В. М. Блейхера, *«Пиквикский синдром – это расстройства сознания, непроизвольные приступы сонливости с мышечными подергиваниями и ускоренным или поверхностным дыханием, возникающие в связи с гиповентиляцией при ожирении, некоторых заболеваниях легких. Имеются предположения о наследственном (аутосомно-рецессивный тип передачи) происхождении. Название подсказано образом одного из персонажей романа Ч. Диккенса "Записки Пиквикского клуба" – слуги Джо»* [1: 245].

На примере медицинских метафор-терминов вследствие интеграционной работы заимствующего текста хорошо виден процесс превращения общеизвестного в уникальное. Например: *«болезнь легионеров – острая инфекционная болезнь, впервые отмеченная в 1976 г. в США во время съезда членов Американского легиона, вызываемая ранее не описанной граммотрицательной бактерией; характеризуется высокой лихорадкой, миалгией, поражением дыхательных путей, пневмонией, нередко дисфункцией органов желудочно-кишечного тракта, тяжелым течением»* [13: 149].

На основе вышеизложенного можно констатировать, что в прецедентных текстах вербализуется сжатое представление, образ, к которому обращаются с целью формирования на его основе нового знания, вследствие чего медицинская метафора предстает как результат культурной фиксации в медицинской терминологии. Расшифровка подобных метафор предполагает не только знание языка профессии, но и знание мира. Обладая к тому же сильной креативной потенциальностью, медицинские метафоры-термины вносят свой уникальный вклад в более дифференцированное и мультиперспективное понимание окружающего мира, частью которого является любой индивид.

Метафорический способ выражения исследуемого феномена следует, вероятно, отнести к коммуникативным ресурсам, которые облегчают понимание, освобождая врачей от необходимости прибегать к обстоятельным дескриптивным экспликациям подразумеваемого смысла. Актуализируя культурный опыт, закрепленный в сознании индивида, его профессиональные знания, медицинская метафора-термин способствует восприятию новой информации и повышению эффективности лечебных программ. Таким образом, медицинская метафора-термин представляет собой одно из условий достаточно компактной и эффективной профессиональной коммуникации, основанной на вербальной проекции социально-культурного опыта.

Список литературы

1. Блейхер В. М. Эпонимические термины в психиатрии, психотерапии и медицинской психологии. – Киев: Вища шк., 1984.
2. Бондарь Г. В., Яремчук А. Я. Справочник онколога: учеб. пособие. – М.: МЕДпресс-информ, 2003.
3. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 2 – М.: Смысл; Академия, 2006.
4. Залевская А. А. Некоторые особенности естественного семиозиса // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Залевской. Вып. 3. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005.
6. Залевская А.А. Психолингвистика и психолингводидактика // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. Тр. / Под общ. Ред. А. А. Залевской. Вып. 7. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007.
7. Лебедева С. В., Зубкова О. С. Медицинская метафора в современном языке: моногр. – Курск: Изд-во КГУ, 2006.
8. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2005.
9. Полозова И.В. Метафора как средство философского и научного познания. [Электронный ресурс]: дис...д-ра филос. наук. – М.: РГБ, 2003.<http://diss.rsl.ru/diss/03/1076/031076044.pdf>
10. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. The Penguin. Т. 2. – М.: Вече-АСТ, 2001.
11. Рубакин А. Н. Французско-русский медицинский словарь. – М.: Сов. энцикл. 1974.

12. Шувалов В. И. Метафора в лексической системе немецкого языка [Электронный ресурс]: дис...д-ра филол. наук. – М.: РГБ, 2006. <http://diss.rsl.ru/diss/07/0332/070332012.pdf>

13. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: Сов. энцикл. – Т. 1, 1982.

14. Revue de l'infirmière. Paris CEDEX. – 1993. – № 6.

15. Revue de l'infirmière. Paris CEDEX. – 1995. – № 13.

УДК 81'23 – 81'44

С. А. Чугунова*

**О роли движения в понимании времени:
язык и образное мышление
«On the role of motion in comprehension of time:
language and image cognition»**

Практически в любом языке мира темпоральность может выражаться метафорически в терминах пространства и движения. Это объясняется тем, что движение, перемещение играет для человека первостепенную роль. Представление времени зависит от своеобразия категориального кластера глагола. Статья фокусируется на том, что сопоставление семантики глаголов движения в языках из разных типологических классов, а также непосредственное общение с носителями этих языков позволяют исследователям говорить о различиях в образных репрезентациях, навязанных различиями в глагольной семантике.

Practically in any language of the world temporality can be expressed metaphorically in terms of space and motion. It is explained by the crucial role of (lo-co)motion in human life. Conceiving of time depends on the specificity of the categorial cluster of the verb. The article considers that comparison of meaning of motion verbs in languages belonging to typologically distinct classes, as well as direct communication with native speakers of such languages, makes the researchers speak of differences in image representations, determined by differences in verb meaning.

Ключевые слова: движение, концептуализация времени, образная репрезентация, глагольная семантика, типологические классы языков, когнитивная метафора, языковая относительность.

Key words: Motion, conceptualization of time, image representation, verb meaning, typological classes of languages, cognitive metaphor, language relativity.

Представление о времени является ключевым в категориальной сетке мышления и в модели мира, выстраиваемой каждой культурой [3]. Специалисты в области теории когнитивной метафоры заявляют, что человек пришел к осознанию времени через наблю-

*Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка, Тверской государственный университет; email <chugunovasveta1@rambler.ru>

дение за движением, последовательностью сменяющих друг друга событий [13; 16]. Отсюда практически в любом языке мира темпоральность может выражаться метафорически в терминах пространства и движения: ср.: рус. яз. *время идет* (летит, ползет); англ. яз. *time flows on forever, time flies*; фр. яз. *le temps file, le temps passe vite*; нем. яз. *die Zeit fliegt, für alte Menschen vergeht die Zeit scheinbar schneller*; эстон. яз. *aeg lendab* 'время летит', *aeg möödub* 'время идет'; бурят. яз. *эхи захагуй* 'время тянется', *углоо удэрынь болобо* 'наступил следующий день'; яз. Chindali (банту) *liingá yaakwáana náyini* 'when the ninth month comes'; турец. яз. *Zaman akıp gitti* 'Time flew and went', *Zaman çok hızlı akıyor* 'Time flows very rapidly', *Gelecek elimden kaçiverdi* 'The future escaped suddenly from my hands' (Примеры взяты из: [1; 4; 5; 7; 18]).

С позиций теории когнитивной метафоры время – результат вторичной концептуализации, в результате чего темпоральные концепты копируют структуру концептов пространства и движения вместе с языковыми выражениями последних. Сторонники этой теории ищут поддержку в положениях экологии зрительного восприятия [10; 11], по которым время – иллюзия, если не поддается непосредственному наблюдению. По результатам своих экспериментов Дж. Гибсон заключает, что все, что мы воспринимаем, это текстурные поверхности и их изменения (события) в среде, которая ригидна и неизменна. Феноменологический взгляд на природу темпоральности не отрицает значения внешней среды, но настаивает на том, что темпоральный опыт нельзя рассматривать как результат концептуализации продуктов внешнего сенсомоторного опыта. Темпоральный опыт, внутренний, субъективный, предшествует концептуализации так же, как и внешний, сенсомоторный. Другое дело, что нейронно-физиологический механизм (*перцептуальный момент*), позволяющий связывать разномодальную информацию о стимуле в целостный перцепт и далее связывать текущий и предшествующий, а также прогнозируемый перцепты в единый континуум восприятия, возник как отклик, реакция организма на взаимодействие с опасной и полной неожиданностей внешней средой. Вот почему когнитивные модели темпоральности структурируют в себе продукты сенсомоторного опыта индивида. Однако такое допущение не идет вразрез с внутренним происхождением темпоральности. Психологи много пишут о том, что человек способен прямо и буквально ощущать длительность (*duration*) и одновременность (*simultaneity*), причем независимо от восприятия внешних изменений, т. е. движения, благодаря чему формируется концепт времени. Эти ощущения тесно связаны с физиологическими процессами в визуальном отделе коры головного мозга (*visual cortex*) и других его участках. Когнитивная метафора не объясняет, откуда берутся эти ощущения [9].

Споры между учеными продолжаются, но одно не подлежит сомнению. Движение, перемещение играет для человека первосте-

пенную роль, от способности воспринимать движущийся объект зависит его выживание. Есть также данные о том, что с самого рождения младенец воспринимает мир вокруг себя как бы в потоке еще до того, как научается самостоятельно передвигаться в пространстве. Таково устройство нашего зрительного аппарата (*the optic array*), которое не зависит от культурных и географических различий [10; 11].

Если перефразировать В. И. Карасика [2], темпоральность – это та смысловая область, которая, с одной стороны, подвержена универсализации (причем практически каждое предложение в большинстве языков мира располагает грамматическими и/или лексическими средствами, указывающими на временахождение описываемого события; пространственный и причинный аспекты ситуации такого обязательного языкового статуса не имеют) [20], а с другой стороны, проявляет самобытность. Так, специалисты сходятся на том, что представление времени в конкретном языке (и в мышлении), кроме прочего, зависит от своеобразия категориального кластера глагола [2: 184].

В английском языке движение времени (длительность) манифестируется с помощью большого разнообразия глаголов с признаком способа движения. Лексический темпоральный концепт «длительность» лексемы *time*, учитывающий субъективное ощущение затянутой длительности (*protracted duration*), выражается с помощью таких глаголов, как *move slowly, drag, crawl (time seemed to be dragging)*. Ощущение статичности времени передается с помощью таких глаголов, как *stand still, stop, freeze: time stood still*, ощущение ускоренной длительности (*temporal compression*) – *move fast, fly, whizz, zoom (time sneaked by)*, или *disappear, vanish, has gone (time has passed)*. В последнем случае темпоральный концепт перерабатывается в терминах движения, которое больше не воспринимается. Но не только лексический концепт «длительности» манифестируется в языке в терминах движения. Время как «темпоральная матрица» находит выражение с помощью глаголов неограниченного движения *flow, run, pass, move on, go on (time flow on forever)*. Время, представляемое как «темпоральный момент» или «темпоральное событие», перерабатывается в соответствующие лексические концепты и передается глаголами дейктического движения *come, arrive, approach, get closer, move up on (the time for action has arrived; the young woman's time (=childbirth) approached)* [9].

Сопоставляя глаголы движения, используемые в метафорических значениях на материале английского и турецкого языков, автор статьи [18] выдвигает предположение, что носители английского языка опираются на более сложную и детализированную репрезентацию времени в метафоре TIME AS A MOVING ENTITY в своем сознании, чем носители турецкого языка. Концептуальная составляющая первых оказывается насыщенной бóльшими нюансами темпорального опыта: *time creeps / crawls / drags* и т. д. Исследова-

тель основывает свой вывод на фактах языка, собранных им из литературы и непосредственных опросов взрослых и детей. В отличие от английского, турецкий язык не демонстрирует большого разнообразия в оттенках способа движения. При этом автор опирается на типологию языков Л. Талми [26; 27], впервые опубликованную в [25].

Л. Талми, признавая в качестве доминантного признака события его направленность (*path of motion*), предложил разделить все языки на две группы. В первой группе языков (*verb-framed languages*) этот признак передает, как правило, только семантика глаголов (*exit, ascend, enter*), во второй группе (*satellite-framed languages*) его могут передавать частицы и/или префиксы: *go out, go up, go in*. К первой группе языков, кроме тюркских, были отнесены семитские, романские, хинди, японский, корейский, баскский, современный греческий языки, а также язык глухонемых американцев и голландцев. Во вторую группу, кроме германских, вошли славянские, финно-угорские и китайский языки [19; 21; 23]. Сразу заметим, что типология Л. Талми, основанная на выделенных признаках движения, вероятно, не является исчерпывающей. Д. Слобин [24] предлагает еще одну группу языков: *equipollently framed languages*, которую он разделяет на *serial-verb languages* (Niger-Congo, Hmong-Mien, Sino-Tibetan, Tai-Kadai, Mon-Khmer и австронезийские) и *bipartite-verb languages* (Algonquian, Athabaskan, Hokan, Klamath-Takelman, Jaminjungan).

Далее, кроме направления движения, т. е. признака, который обязательно выражается в языке (*he went into / entered the room*), возможна передача еще одного признака – способа движения (*manner of motion*): *he crawled into the room*. В этом случае ведущим семантическим признаком глаголов в таких языках, как английский и, например, русский (*S-languages*), становится именно способ действия, а направление движения выражается частицей/предлогом и/или префиксом: *он вполз в дом*. Такие языки, как турецкий (*V-languages*), при необходимости выразить признак способа движения вынуждены использовать придаточные отглагольные конструкции, поскольку основной глагол выражает только направление движения, а это осложняет синтаксическую структуру. В результате информация о способе движения в речи зачастую опускается. Например, вместо того, чтобы сказать нечто вроде *he entered the house by running* (*eve koşarak girdi*), носитель турецкого языка скажет просто *he entered the house* (*eve girdi*) [18]. Точно так же в работе [24] демонстрируется англоязычный пример с переводом на испанский язык: *I ran out the kitchen door, Sali por la puerta de la cocina* ('I exited the kitchen door') / *past the animal pens, pasé por los corrales* ('passed by the animal pens') / *towards Jason's house. y me dirigí a casa de Jasón*. ('and directed myself to Jason's house.'). Для испанского переводчика возникает дилемма: или он будет всякий раз переводить глагол *to run* (*corriendo*), для чего всякий раз потребуются осложнение придаточным, ибо если употребить его только в первом придаточном, это

будет означать, что в последующих сценах способ движения уже другой, или он не будет уточнять способ движения лица вообще, как мы и наблюдаем в приведенном примере. Поэтому в языках этой типологической группы (*verb-framed languages*) способ движения уточняется только в том случае, если это важно для контекста, когда грозит недопонимание, и он редко уточняется, когда конкретное движение распространяется на последовательность сцен (*grounds of motion*).

Отсюда неудивительно, что в языках группы *S (sattelite-framed languages)* обнаруживается богатая парадигма глаголов движения, выражающих нюансы способа движения. Для сравнения в статье [18: 240-241] приводятся списки глаголов, семантизирующих признак способа движения, полученные в результате выборки из художественной литературы и прессы турецкого и английского языков (ср.: англ. 145 vs. турецк. 41), а также непосредственного общения с их носителями (ср.: англ. 95 vs. турецк. 34). Такая же картина наблюдается и в других языках. Например, французский глагол *bondir* может переводиться такими английскими глаголами, как *jump, leap, bound, spring, skip, gambol*, испанский *escabullirse* как *creep, glide, slide, slither*. Французскому глаголу *courir* и турецкому *koşmak* могут соответствовать английские глаголы *run, scramble, scuttle* и сербохорватские *trčati, leteti, kaskati*, французскому *grimper* и турецкому *tirmanmak* – английские *climb, clamber, swarm* и сербохорватские *penrtati, peti se, koprčati* [24: 316].

Все сказанное распространяется и на выражение в турецком языке времени, ассоциируемого с движущимся объектом [18]. Информация, полученная нами от информанта из Турции (мы просили перевести несколько метафорических выражений с русского на турецкий), это также подтверждает. Приведем некоторые примеры: *Время идет (zaman gidiyor)*, *время бежит (zaman *koşuyor* – по-турецки так не говорят, как не говорят *время летит (zaman *uçuyor)*, но можно сказать *zaman su gibi akıp gidiyor* ‘время течет, как вода’). Последний пример хорошо иллюстрирует тот факт, что признак образа движения (*течет*) передается другими языковыми средствами, а именно словоформой *akıp*, включающей глагол *ak* (‘течь’), а основной глагол не изменяется: *gidiyor* (‘идет’).

Как было сказано выше, автор статьи [Op. cit.] выдвигает предположение о различиях в содержании образов движущегося времени в сознании носителей таких разных языков, как английский и турецкий, обусловленных различиями в структурах языков. В представлениях туркоговорящих такой признак, как способ движения времени, оказывается куда более размытым, периферийным, чем в представлениях носителей английского языка.

Если говорить о мысленных образах в сознании носителей языков, принадлежащих двум языковым типам, нельзя не сослаться на изыскания Д. Слобина [24]. Автор и его исследовательская группа просили носителей испанского и английского языков описать в вербальной письменной форме образы, инициированные в их сознании чтением художественной литературы. Так, например, носители испанского языка читали отрывок из романа Изабель Альенде “*La casa de los espíritus*” (‘The House of the Spirits’). Носители английского языка читали буквальный перевод, в котором, как и в оригинале, не было глаголов с семантикой способа движения, но было достаточно информации относительно сцены и внутреннего состояния протагониста, способной помочь читателю делать выводы относительно признака способа движения. Ср. оригинал и перевод: *Tomó sus maletas y echó a andar por el barrial y las piedras de un sendero que conducía al pueblo. Caminó más de diez minutos, agradecido de que no lloviera, porque a duras penas podía avanzar con sus pesadas maletas por ese camino y comprendió que la lluvia lo habría convertido en pocos segundos en un lodazal intransitable.* ‘He picked up his bags and started to walk through the mud and stones of a path that led to the town. He walked for more than ten minutes, grateful that it was not raining, because it was only with difficulty that he was able to advance along the path with his heavy suitcases, and he realized that the rain would have converted it in a few seconds into an impassable mudhole’ [Op. cit.: 317].

В результате в описаниях образов практически всех англоговорящих фигурируют глаголы, характеризующие способ движения главного героя (*stagger, stumble, trudge*), а также еще более детализированные описания (*he dodges occasional hazards in the trail; he rocks from side to side; slowly edges his way down the trail*). Напротив, только самая незначительная доля испаноговорящих из Мексики, Чили и Испании представила подобные описания. Записи подавляющего большинства содержали очень мало или совсем не содержали глаголов данной семантики. Их описания образов наполнены деталями относительно сцены (например, *грязный, каменистый путь*). Носители испанского языка часто уточняют, что представляли череду статичных образов, похожих на неподвижные кадры или фотографии. Любопытно, что билингвы в обоих языках показывают, что их образы по части особенностей интересующих нас признаков зависят от языка чтения [Op. cit.: 318]. На наш взгляд, ситуация с билингвами сходна с той, что описывается в исследованиях Л. Бородинки [6], и, скорее, опровергает сильную версию теории лингвистической относительности, которую, как известно, прежде всего связывают с именем Бенджамина Ли Уорфа [28].

Корейский психолингвист К. Он [17] демонстрировал носителям корейского и английского языков серию видеоклипов, в которых индивид выполнял различные действия, включая такие движения, как неспешный выход из здания (*strolling out of the building*), усталая

ходьба по тропинке (*trudging along a path*) и т. д. Напомним, что корейский язык принадлежит типологической группе V, английский – S. Испытуемые были монолингвами и тестировались у себя дома. Позднее им задавались неожиданные вопросы о деталях просмотренных когда-то клипов. Корейцы и американцы не продемонстрировали различий в запоминании относительно направления движения или признаков, не связанных с движением, например, одежды или предметов в руках персонажей клипов. Однако американцы продемонстрировали значительно лучшую память относительно нюансов способа движения: ширины шага, размаха рук, скорости движения. Эти признаки не закодированы эксплицитно в семантике глаголов *stroll* и *trudge*, но они составляют сенсомоторный образ данных способов движения. Автор исследования предполагает, что англоговорящие, усваивая соответствующие лексические единицы, обращают особое внимание в том числе и на эти компоненты того или иного способа движения. Таким образом, внимание субъекта оказывается детерминированным особенностями языковой структуры. Исследования, проводившиеся на невербальном материале с англо- и испаноязычными, также показывают, что носители английского демонстрируют лучшие способности к категоризации движения по его способу. Авторы [12] склонны считать, что за этим стоит языковая обусловленность.

На основании собственных исследований, а также результатов, полученных другими специалистами, Д. Слобин [24] делает вывод относительно различий в иконической составляющей ментального содержания, отображающего одно и то же событие у носителей испанского и английского языков. Если, например, тот и другой воспринимают вбегающего в дом человека, то в центре внимания англоязычного реципиента оказывается именно способ проникновения в дом (*running in*), в то время как испаноязычный реципиент сосредотачивает внимание на изменении состояния: сначала человек оказывается в одном месте (вне дома), потом – в другом (внутри дома). То, каким образом это случилось (он вполз, вошел, вбежал и т. д.), не имеет большого значения. Автор схематизирует образы события в сознании носителей обоих языков как *The man ran into the house / El hombre entró a la casa corriendo*: ср. англ. *He ran in* vs. исп. *entró* '[he] entered'. В подтверждение своих предположений Д. Слобин [24: 320] приводит интроспективные наблюдения носителей языков, принадлежащих типологической группе V (испанский, иврит, японский), в которых они признаются, что, например, бег и перемещение никогда не слиты в их сознании в один сенсомоторный образ, как это может быть у англоязычного субъекта. Скорее, это будут уже два отдельных образа, два расщепленных компонента события. Поэтому, если внимание сосредоточено на перемещении, оно по определению не может быть сосредоточено на его способе. Все это

позволяет ученому сделать вывод о некорректности изучения мышления человека без учета особенностей языковых структур.

Обусловленность мышления структурами языка остается спорным вопросом языковедения, психолингвистики и в целом когнитивной науки; это же касается мышления в терминах пространства и движения. Есть исследования, которые демонстрируют межкультурные различия при выполнении испытуемыми заданий по пространственной ориентировке [14], установлению пространственных связей [8], запоминанию движущихся событий [17], и таким образом поддерживают положения теории лингвистической относительности, о которой здесь уже шла речь. Другие ученые настаивают, что мышление не зависит от языковых вариаций, и это показывают экспериментальные исследования по изучению пространственной ориентировки [15], запоминанию движущихся событий [19]. По замечанию В. И. Карасика [2: 101], истина, скорее всего, находится посередине, и язык не отражает мир, а интерпретирует его.

Со своей стороны, в заключение, сделаем предположение о том, что различия в образных репрезентациях, структурирующих в себе аспект движения, могут быть актуальными и для когнитивных моделей темпоральности, построенных на метафоре движения: «модели движущегося времени» (*the Complex Moving Time model*), «модели движущегося Эго» (*the Complex Moving Ego model*) и «модели временной последовательности» (*the Complex Temporal Sequence model*) (см. [9]).

Список литературы

1. Бардамова Е.А. Время в бурятской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2007. – Вып. 3.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
3. Мищенко С. В. Метафоризация мифологизированного времени в различных лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005.
4. Русско-эстонский словарь // <http://poliglos.info/dict/dfind.php>
5. Электронные словари АБВУ Lingvo // <http://www.lingvo.ru/>
6. Boroditsky L. Does language shape thought?: Mandarin and English speakers' conceptions of time // *Cognitive Psychology*. – 2001. – Vol. 43. – № 1.
7. Botne R. Cognitive schemas and motion verbs: Coming and going in Chindali (Eastern Bantu) // *Cognitive Linguistics*. – 2005. – Vol. 16. – № 1.
8. Bowerman M. & Choi S. Shaping meanings for language: Universal and language specific in the acquisition of spatial semantic categories // M. Bowerman & S. C. Levinson (Eds.), *Language Acquisition and Conceptual Development*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
9. Evans V. The structure of time: Language, meaning, and temporal cognition. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2004.
10. Gibson J. Events are perceivable but time is not // J.T. Fraser & N. Lawrence (Eds.), *The study of time II*. – New York, NY: Springer-Verlag, 1975.

11. Gibson J. The ecological approach to visual perception. – Boston: Houghton Mifflin, 1979.
12. Kersten A.W., Meissner C.A., Schwartz B.L. & Rivera M. Differential sensitivity to manner of motion in adult English and Spanish speakers. Paper presented to Biennial Conference of the Society for Research in Child Development, Tampa, Florida, 2003 (April).
13. Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. – New York, NY: Basic Books, 1999.
14. Levinson S., Kita S., Haun D. & Rasch B. Returning the tables: Language affects on spatial reasoning // *Cognition*. – 2002. – Vol. 84. – № 2.
15. Li P. & Gleitman L. Turning the tables: Language and spatial reasoning // *Cognition*. – 2003. – Vol. 83. – № 3.
16. Núñez R., Motz B. & Teuscher U. Time after time: The psychological reality of the Ego- and Time-Reference-Point distinction in metaphorical construals of time // *Metaphor and Symbol*. – 2006. – Vol. 21. – № 3.
17. Oh K. Language, cognition and development: Motion events in English and Korean: Doctoral dissertation in Psychology, University of California at Berkeley, 2003.
18. Özçalışkan Ş. Metaphor meets typology: Ways of moving metaphorically in English and Turkish // *Cognitive Linguistics*. – 2005. – Vol.16. – № 1.
19. Papafragou A., Massey C., & Gleitman L. Shake, rattle, 'n' roll: The representation of motion in language and cognition // *Cognition*. – 2002. – Vol. 84. – № 2.
20. Radvansky G.A., Zwaan R., Federico T. & Franklin N. Retrieval from temporally organized situation models // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition*. – 1998. – Vol. 24. – № 5.
21. Slobin D. Mind, code and text // J. Bybee, J. Haiman & S.A. Thompson (Eds.), *Essays on language function and language type: Dedicated to T. Givón*. – Amsterdam: John Benjamins, 1997.
22. Slobin D. Language and thought online: Cognitive consequences of Linguistic relativity // D. Gentner & S. Goldin-Meadow (Eds.), *Language in mind: Advances in the investigation of language and thought*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
23. Slobin D. The many ways to search for a frog: Linguistic typology and the expression of motion events // S. Strömquist & L. Verhoeven (Eds.), *Relating events in narrative: Typology and contextual perspectives*. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
24. Slobin D. Linguistic representations of motion events: What is signifier and what is signified? // C. Maeder, O. Fischer & W.J. Herlofsky (Eds.), *Outside-in – inside-out. Iconicity in language and literature 4*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 2005.
25. Talmy L. Semantics and syntax of motion // J.P. Kimball (Ed.), *Syntax and semantics*. – New York: Academic Press, 1975. – Vol. 4.
26. Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // T. Shopen (Ed.), *Language typology and semantic description, Vol. 3: Grammatical categories and the Lexicon*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
27. Talmy L. *Toward a cognitive Semantics*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 2 vol.
28. Whorf B. *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

УДК 811.152.2:82.0

Е. А. Денисова^{*}

Шотландский язык в фольклорных и художественных источниках Scots and its Usage in the Scottish Folklore, Fiction and other literary sources

В данной статье рассмотрено использование языка Шотландии Scots (с точки зрения его статуса и развития) в средневековых и современных литературных источниках, таких как: поэтические и драматические произведения, Библия, периодические издания. В пределах шотландского Scots как регионального языка выделяют несколько диалектов, имеющих свою письменность и литературу (говор г. Глазго, центрально-шотландский говор «лаланс», диалект Шотландских островов, северо-востока и др.) Каждый из упомянутых говоров может рассматриваться в качестве основы для развития шотландской литературной нормы. В статье приводятся формы правописания, принятые для нескольких современных шотландских диалектов. Несмотря на различные точки зрения в области зарубежного и отечественного языкознания по отношению к языку Шотландии и утверждению, что он не является литературным и не используется в письменности, данная статья показывает обратное – использование языка Scots в различных источниках.

The article touches upon the usage of the Scottish Language (Scots) in medieval and modern literature, such as: poetic and drama compositions, the Bible, media- from the point of view of its development and the status. The Scottish Language Scots as the regional language comprises several dialects having their own written language and literature, for example: the dialect of Glasgow, Lallance dialect, Shetland dialect, north-east dialect, etc. The every mentioned dialect can be considered as the base for the development of the Scottish Literary Standard. The article illustrates the written language forms received for several modern Scottish dialects. In spite of different points of view in the foreign and native linguistics due to the Scottish Language, and the statement that it's not literary and isn't used in the written language, the article conversely shows the usage of Scots in different sources.

Ключевые слова: шотландский язык, диалекты Шотландии, литературный язык, шотландская литература.

Key words: Scots, Scottish dialects, literary language, the Scottish literature.

^{*} Преподаватель кафедры английской филологии; Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <denisovaea@mail.ru

В настоящей статье рассматривается использование шотландского языка в поэтических и драматических произведениях, библии, периодических изданиях с точки зрения его развития и статуса.

В зарубежном и отечественном языкознании относительно шотландского языка используют различные термины, определяющие его статус: вариант английского языка, литературный национальный язык, диалект, литературный диалект, традиционный литературный шотландский, литературный шотландский английский. Мы в своей работе будем придерживаться термина «язык Шотландии Scots».

О. И. Бродович считает, что диалекты проявляют тенденцию к сближению с литературной нормой. Эта мысль основана на объективных данных истории национальных языков. Однако диалекты могут и сопротивляться воздействию нормы, а также и проявлять способность к инновациям, к живым процессам, корни которых заложены не в литературном языке, а в том или ином территориальном диалекте. Именно к такому выводу приводит анализ положения дел в живой диалектной речи современной Шотландии [1: 9].

Британские учёные П. Традгилл и А. Хьюз (P. Trudgill, A. Hughes) настаивают на том, чтобы рассматривать шотландский язык как вариант английского языка. В период существования независимого государства шотландский Scots был национальным языком. Эту точку зрения поддерживают современные исследователи, ратующие за национальное возрождение шотландского языка. [13:13] С точки зрения функционирования, язык Шотландии Scots можно считать самостоятельным языком, так как он является языком шотландской нации и используется в устной и письменной речи, имеет собственную фонологическую, грамматическую системы и лексический тезаурус.

Традиционно язык Шотландии относят к северо-западной диалектной группе английского языка, т. е. прежде всего это язык, на котором говорят в столице Эдинбург и в восточной приморской части. Будучи языком шотландского двора в XV–XVI вв., он развился в местный литературный язык. Итак, от Средневековья вплоть до наших дней сила языка Шотландии Scots проявлялась в поэзии. Одним из первых письменных памятников на шотландском языке является поэма Джона Барбура «Брюс» (Barbour, John «Bruce») XIV в., например, «And thouch that thai be ma than we, That suld abais was litill thing» [4: 35].

XIV и XV вв. – это эпоха расцвета шотландской народной поэзии. Наиболее распространенные жанры её – песня и баллада, по своим сюжетам исторические, легендарные и бытовые. К историческим принадлежат баллады эпического характера, посвящённые таким событиям, как военные столкновения англичан и шотландцев на пограничной полосе (border), феодальные распри, бранные подвиги. Например, баллада «Охота у Чевииотских холмов» (The Hunting of

Cheviot) рассказывает о столкновении графа Дугласа и английского лорда Перси.

В более поздней поэзии на языке Шотландии Scots писали Роберт Бернс и Уильям Данбар. Для примера приведём строки: 1) из стихотворения Роберта Бернса «Guid Ale»: «Guid ale keeps my heart aboon.... Guid ale hauds me bare and busy, Gars me moor wi' the servant hizzy» [14: 10].

2) из стихотворения Данбара «The Thrissil and the Rois»: «The purpour sone, with tendir bemys reid, In orient bricht as angell did appeir, Throw goldin skyis putting up his heid» [9: 25].

В прозе, в произведениях Вальтера Скотта, Тобиаса Смолета, Джона Гальта, Роберта Льюиса Стивенсона язык Шотландии Scots используется в диалогах между героями шотландского происхождения.

В балладах и других произведениях, написанных на языке Шотландии, выделяются лексемы, относящиеся к архаизированной, поэтической, диалектной лексике, которые классифицируются и образуют тематические группы.

По мнению Л.А. Зайцевой, тематические группы балладных периферийных слов охватывают основные стороны материальной жизни и внутреннего мира балладных героев, являющихся центральным объектом повествования. Архаизмы, относящиеся к экзистенциальной сфере, обозначают эмоциональное состояние человека, физические свойства и действия, его личностные характеристики, особенности взаимоотношений людей в обществе, определение по половой и возрастной принадлежности.

С экзистенциальной сферой тесно связана материальная жизнь, окружающая природа, понятия и явления которой также отражены в архаичных ныне языковых единицах.

Таким образом, архаизмы двух основных классификационных рубрик не являются изолированными друг от друга словарными группами, а перекрещиваются и дополняют друг друга. Наблюдения показывают, что в тексте архаизмы, обозначающие взаимоотношения людей в обществе и их эмоциональное состояние, как правило, «сосуществуют» с архаизмами, обозначающими предметы старинного вооружения, снаряжения воина.

«Эмоциональные» архаизмы также часто встречаются в окружении архаизмов, которые обозначают природу и выражают трепетное отношение к ней.

Тематические группы диалектизмов в шотландской народной балладе систематизированы следующим образом:

• диалектизмы, обозначающие понятия экзистенциальной сферы:

– диалектизмы, обозначающие характеристики, т. е. прилагательные (bonny, carl, etc.);

– диалектизмы, обозначающие поступки, действия, т. е. глаголы (crack, dwine, etc);

– диалектизмы, обозначающие части тела, т. е. существительные (limb);

• диалектизмы, обозначающие понятия материального мира:

– одежду (bonnet);

– продукты питания (kebbuck). [3: 8–9]

Язык Шотландии Scots, на котором написана довольно богатая шотландская поэзия XV–XVI вв. и которым пользовались для написания всех официальных документов в северно-шотландском королевстве, во второй половине XVI в., стал постепенно вытесняться южно-английским национальным языком.

Карл Бруннер, например, считает, что воссоединение Англии с Шотландией при Якове VI (1603–1665) привело к тому, что «шотландский литературный язык лишился своего центра, так как резиденция монарха была перенесена из Эдинбурга в Лондон. Некоторые шотландские поэты переселились в Лондон и стали писать исключительно на английском языке. На английский язык была переведена библия, богословские сочинения писались на английском языке. Что касается устной речи, то шотландский диалект долгое время продолжал оставаться средством общения и для образованных кругов населения на севере, в центре и западе Шотландии» [2: 91, 95].

Традиционно язык Шотландии регионально разграничен, социально смешан и достаточно локализован. В драматических произведениях авторы используют речь шотландцев, а не нормированный английский. Язык Шотландии Scots является базой в обычной речи, типичной не только для пограничных районов (Borders), но всей территории Шотландии. Здесь имеются в виду производные старого шотландского (Old Scots), которые и сформировали национальный язык в годы независимости. Мы считаем, что существует очень тесная связь между консервативным, столичным, локализованным литературным языком Шотландии и консервативным сельским языком, а также языком низших слоёв общества и необразованных людей.

Например, в пьесе «Jamie the Saxt» (речь идёт о Якове VI), написанной Робертом Макзеланом (McZellan, 1970), использован эффект разговорного шотландского для того, чтобы показать, что на сельском шотландском говоре могло бы говорить всё шотландское общество, включая самого монарха. И в то же время предположить, что «сам король может показать качество ума и характера, обычно ассоциируемые с сельской консервативной речью и простыми деревенскими жителями, так как обычно шотландская речь ассоциируется с грубой деревенщиной» [5: 45].

Вот краткий отрывок диалога между самим королём (который оказался без штанов) и его лордами в королевских покоях.

Bothwell: Gin ye *dinnae gie* in I'll *cairry ye ower* to the *winnock juist* as ye are!

The King (almost in tears) Aa right. I'll gie in the nou. But by God wait.

Bothwell: (to Atholl) Whaur are his *breeks*?

The King: They're in the closet.

Bothwell: Fetch his breeks, Lennox.

Lennox: (indignantly) My Lord ye forget yersell.

Ochiltree: I'll fetch them...

(coming in the closet)

This is only pair I can *fin*.

Bothwell: *They'll dae*. Help him into them [11: 12].

Сопоставим некоторые шотландские выражения с английским языком:

ye [je] = you, *dinnae gie* [dinai gi] = did not give, *cairry* [kairi] = carry, *ower* [owə] = over, *winnock* [winok] = room, *juist* [dʒuist] = just, *nou* [nou] = now, *whaur are* [xwaura] = where are, *breeks* = trousers, *fin* [fin] = find, *they'll dae* = that'll do. Данные примеры указывают на то, что в некоторых случаях орфография совпадает с произношением, наблюдаются также некоторые различия в лексике.

В процессе становления язык Шотландии следовал культурным и моральным ценностям, вводились эвфемизмы и таблицы запрещённых выражений.

В работах Дж. Кирка описывается литературный диалект, основанный на *шотландском говоре г. Глазго* в 1970 г.. Писатели того времени воспринимают его как одну из форм языка Шотландии: письменную и намеренно реалистичную, представляющую и отражающую городскую, простонародную разновидность языка Шотландии. В наши дни говор г. Глазго считают разновидностью английского, который является результатом смешения двух диалектных систем: местного диалекта – шотландская форма (особенно West – Mid или West – Central) и нормированный английский (Standard English), который был установлен в XVIII в. в Шотландии через образование как высоко престижный диалект.

В Глазго «социальная поляризация стала отражаться в классовом делении языка таким образом, что шотландский говор стал определённым социолектом городского рабочего класса, соответственно он имеет много характерных черт, которые отражают появление ненормированности, привычной для языка городского рабочего класса в любой точке Соединённого Королевства» [7: 19].

В части тех пьес, о которых пойдёт речь, лежит намерение повысить статус ряда диалектов до литературного языка.

Приведём отрывок из пьесы Билли Конноли (Billy Connolly) «An Me Wi Ma Bad Leg Tae», в которой Петер после года службы в армии приезжает домой повидать родителей и брата Джона.

Bob: *Och it's yersel', nice tae have ye hame again son, come away in. Here, gi'es that case, ye must be sick lookin' at it.*

Peter: *God aye, yer no' kiddin' there faither, ma back's near broke.*

John: *Whit have ye got that's so heavy in there Peter? Yer wages is it?*

Peter: *Aye, that'll be right.*

John: *How's it goin'?*

Peter: *No' bad.*

Jean: *Aw, ma wee son, wid ye look at ye. Tae think o'ma wee boy.*

John: *Aw, come on, gi'es a wee look at'im.*

Jean: *A think ye've lost a bit o'weight son, whit are they dae'in tae ye?*

John: *Och, it's the exercise Maw, ah'm as fit as a fiddle. I've only you're your kite. A hid wi' the beer, an' A wis glad tae see the back o'it, A might add. Hey,... (he winks at John)... Y're lookin no bad yersel' auld yin.*

Jean: *Away and gi'e yersel' peace you. Aye, an' less o'this auld yin stuff by the way [6: 20].*

Слова, выделенные курсивом в приведённом выше отрывке, указывают на некоторые различия в лексическом составе, произношении и орфографии между английским и шотландским языками:

Och, it's yersel [ox its jersel] = oh, it's you, *tae* [tai], [tei] = to, *hame* [heim] = home, *wee* [wi:] = little, darling, *wid* [wid] = with, *whit* [hwit] = what, *auld yin* [old jin] = old one.

Далее следует отметить, что язык Шотландии включает в себя девять диалектных групп, и лишь для нескольких современных шотландских диалектов были приняты письменные формы. Установление государственного стандарта, без сомнения, необходимо для продолжения развития как национальной, так и региональной диалектной литературы. Были предложены новые формы правописания, которое должно быть регулярным, постоянным и этимологически созвучным как в письменной, так и устной речи. Приведём отрывок статьи, написанной на современном языке Шотландии Scots, и переведём его на английский язык:

«Ye maun ken that dominies and schule-teachers in Scotland are not telt verra muckle – if onything ava-aboot the auld leids o their ain kintra. It's pairt o their trainin juist to hand on to St.E and stop the bairns frae yasan eyther Scotch in the Lallans or Gaelic in the Heilans. I ken fu weill we maun aa lairn English – a warld leid wi a weill – gethert and bien literatur; but we shairly sudna look doon on oor ain auld leids».

На английском языке этот текст может быть представлен следующим образом:

«You may know that dominies and school teachers in Scotland are not told very much – if anything over about the old language or their own traditions. It's part of their training just to hand on to Standard English and stop the children from using either Scotch in the Lallans or Gaelic in the Highlands. I know well we may learn English – a world language with a will – gathered and been literate; but we fairly should not look down on our own old languages» [10: 182, 194].

Приведём также примеры из Евангелия. Евангельские тексты представляют для нас интерес в связи с их лингвистической формой. Мы возьмём небольшой отрывок из Евангелия «Благовещение» и проследим лексические и орфографические различия на 6 диалектах Шотландии: юго-восточном (Roxburgh), северо-западном (Nairn), центральном (Berwick), западном (Perth), восточном (Kincardine), островном (Shetlandic).

Юго-восточный:

Quo the angel: «Dinna be feart: keep a calm sough; for I hae speirins for ye that'll gie tae ye and aa the lave o mankind muckle heize to your speerits. For til ye in Dauvit's toun the day a Saviour has been born that is Christ the Lord».

Северо-западный:

And the Angel spak till them and said: «Dinna be feart. For I bring ye guid wittins o muckle joy for aa the folk. For there is born the day in David's Toun a bairn to sain us, cried Christ the Lord».

Центральный:

But the Angel said tae them: «Dinna nane afeared: I bring ye giud news o gryte blytheness for the haill fowk – this day in Dauvit;s Toun a Sauviour hes been born tilye Christ, the Lord» [8: 69].

Западный:

And the Angel said: «Be – ba gliff'd; for I bring ye gude tidins o'muckle joy to the hail warld. For thar is born t'ye this day, in Dauvid's toun, a Saviour, wha is the Anointit Lord».

Восточный:

And the Angel said to thim: «Dinna ye be feart, for – look noo! – I'm fessin great winnerfu news tae you an tae the hale wardle. For this verra day in Daavit's toon there wis born for ye a Saviour an He's Christ the Lord».

Островной:

An da angel spak tae dem an said: «Dinna be faerd for I'm come wi windrous news ta you an every livin sowl. Fir dis day wis boarn, for you an fir aa mankind, a Saviour – Crist da Loard» [12: 72].

Интересно проследить различия в орфографическом лексическом составе приведённых выше отрывков (таблица).

**Сопоставительный анализ слов и словосочетаний диалектов,
функционирующих на территории Шотландии**

Англий-ский	Юго-восточ-ный	Северо-запад-ный	Централь-ный	Запад-ный	Восточ-ный	Остров-ной
The Angel said	qou the angel	the An-gel spak	the Angel said	the An-gel said	the Angel said	da angel spak
Don't be afraid	dinna be feart	dinna be feart	binna nane afeared	be-ba gliff'd	dinna ye be feart	dunna be faerd
I brought	For I hae	For I bring	I bring ye	I bring ye	I'm fessin	I'm come wi
good news	Speirins	guid wit-tins	giud news	giud news-gude ti-dins	Great winnerfu news	Windrous news
Joy	muckle heize	muckle joy	gryte blithe-ness	muckle joy	-	-
mankind	mankind	the folk	the hail fowk	the hail ward	the hale wardle	mankind, every livin sowl
Saviour	Savoieur, Christ the Lord	Sau-voir, Christ the Lord	Sauviour, Christ the Lord	Saviour, the Anointit Lord	Savoieur, Christ the Lord	Saviour, Crist da Loard

Итак, несмотря на различные точки зрения в области зарубежного и отечественного языкознания по отношению к языку Шотландии Scots, и утверждению, что он не является литературным и не используется в письменности, мы со своей стороны постарались показать обратное, а именно использование языка Шотландии в различных литературных источниках.

Следует отметить, что сегодня язык Шотландии Scots частично представлен в различных литературных, поэтических, публицистических и религиозных источниках, в официальной сфере, в СМИ, в рекламе, в религиозной практике и публичных выступлениях. Он не является языком массового образования и лишь недавно стал внедряться в некоторых регионах как школьный предмет. Наблюдаются случаи, когда язык Шотландии Scots изучается иностранцами как второй иностранный язык в различных целях, например: туризм и бизнес на территории Шотландии.

Таким образом, роль шотландского языка в мировом сообществе возрастает, что стимулирует и научный интерес к нему.

Список литературы

1. Бродович О. И. Английская диалектная вариативность: типологический и общетеоретический аспекты: автореф. дис. д-ра филол. наук: (10.02.04; 10.02.19) / СПбГУ – СПб., 1991.
2. Бруннер К. История английского языка: В 2 т. / под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ильиша. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2003. (История языков народов Европы).
3. Зайцева Л. А. Лексико-стилистические средства языка в англо-шотландской народной балладе: автореф. дис. на соиск. учёной степени канд. филолог. наук. (10. 02. 04): СПб., 1994.
4. Barbour, John. The Bruce. An edition with translation and notes by Archibald A.M. Duncan. Edinburgh: Canongate, 1997.
5. Buthlay, Kenneth. Hugh MacDiarmid (C.M. Grieve). [By] Kenneth Buthlay. Edinburgh – London, Oliver and Boyd // Scottish Academic Press. Scottish Writers Series № 2. Edinburgh, 1982.
6. Connoly B. An Me Wi Ma Bad Leg Tae. Edinburgh, 1976.
7. Kirk, J. M. On Scottish Non-Standard English. // Nottingham Linguistic Circular, 1981 № 10., Nottingham: Nottingham Linguistic Circle, 1971–1985.
8. Lorimer, William Laughton. The New Testament in Scots / translated by William Laughton Lorimer. Edinburgh: Canongate, 2001. 476 p.; 20cm. Originally published: Edinburgh: Southside, 1983.
9. Mackenzie, W.M. William Dunbar's Poems. Edinburgh, 1961.
10. McClure, J. Derrick. Scots and its literature // Varieties of English around the world. General series. Ed. by J. Derrick McClure. Amsterdam [etc.]: Benjamins, 1995.
11. McZellan R.M Jannie the Saxt. Edinburgh, 1970.
12. Smith, William Wye. The Four Gospels in Braid Scots/ rendered be the Rev. William Wye Smith. [Bible. N. T. Gospels. English (Scots). Smith. 1924].
13. Paisley: A. Gardner, 1980. 280s.; 22cm. reprinted from: The New testament in Braid Scots. –3rd ed. – 1924.
14. Trudgill, Peter and Chambers, J. K. Studies in grammatical Variation.// Dialects of England. Ed. by Peter Trudgill. – Repr. Cambridge (Mass); Oxford: Blackwell, 1991.
15. Wilson, J. The Dialect of Robert Bruce. Oxford University Press, 1923.

УДК 811.11-112

Е. В. Комлева*

**Апеллятивность в языке и речи
(на материале современного немецкого языка)
Appeal in Language and Speech
(on the basis of a contemporary German language)**

Предметом научного анализа в настоящей статье является функционально-семантическая категория апеллятивности, объединяющая различные варианты значения побуждения к действию. Функционально-семантическая категория апеллятивности рассматривается в языке и речи с опорой на понятие апеллятивной категориальной ситуации, понимаемой как абстрактный инвариант реальных жизненных ситуаций, в которых адресат испытывает волеизъявление со стороны адресанта.

*Кандидат филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет; email <elenakmleva@rambler.ru>

The subject of this scientific work is the function-semantics category of appeal. This function-semantics category is considered in the language and in the speech. The fulcrum for the considering of the function-semantics category is the concept of the categorical situation. The categorical situation is understanding as an abstract invariant of life-situations, in which an addresser influences an addressee.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле, категория апеллятивности, функция, категориальная ситуация, апеллятивный текст, регулятивный текст.

Key words: Function-semantics category, function–semantics field, category of appeal, function, categorical situation, appeal text, regulate text.

Материалом для исследования выбраны тексты, в основе появления и функционирования которых заложена апеллятивность как функционально-семантическая категория, являющаяся фактором образования таких текстов. Сопоставление апеллятивных текстов позволяет выявить определенную системность в способах реализации апеллятивности как одного из дифференциальных признаков.

Исследование апеллятивности как функционально-семантической категории не проводилось ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике, однако осмыслению отдельных аспектов этой проблематики посвящены работы И. С. Андреева, 1971; К. Бюлера, 1993, В. В. Виноградова, 1959; А. В. Бондарко, 1978; Е. Отто, 1954; Х. Пауля, 1960; Е. И. Шендельс, 1998; Г. А. Золотовой, 1979; А. В. Исаченко, 1960; А. А. Леонтьева, 1969; О. И. Москальской, 1981; В. С. Храковского; А. П. Володина, 1974.

Многие исследователи обращаются к апеллятивной функции языка, рассматривая ее как частную языковую функцию, в которой проявляются базовые функции языка – коммуникативная и когнитивная [16, 5, 23, 24, 10, 15, 1]. Так, например, Ю. М. Маслов определяет апеллятивную функцию следующим образом: «...служить средством призыва, побуждения к тем или иным действиям» [16: 9]. К. Бюлер указывает на наличие тройственной функции языка: экспрессии, апелляции, репрезентации, которые представляют собой различные назначения речевых высказываний: репрезентативная – сообщение, экспрессивная – выражение эмоций, апеллятивная – побуждение к действию [5: 31]. Р. О. Якобсон пишет о том, что (конативная) апеллятивная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаясь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. Грамматически это часто выражается повелительным наклоном глаголов, а также звательным падежом [23: 198–199]. К. Бринкер, в свою очередь, отмечает, что апеллятивная функция выполняется не только императивом глагола, но и формами обращения; она основана на том, что «получатель» доступен отправителю в качестве

адресата, и это вызывает необходимость в учете отправителем фоновых знаний своего адресата [24: 58]. В каждом из определений апеллятивной функции указывается на реализацию с ее помощью воздействия адресанта на адресата с целью побуждения его к совершению действия: речевого или посткоммуникативного. Важно отметить, что апеллятивную функцию часто оказывается трудно отделить от фатической (контактоустанавливающей) [ср. 5, 1, 15]. Фатическая функция сливается с апеллятивной. Фатическая функция, будучи для собеседника призывом к установлению (поддержанию, прерыванию) коммуникации, т. е. призывом к неречевому действию, актуализирует одновременно и апеллятивную функцию. Вслед за К. Бюлером [5: 32] считаем целесообразным рассматривать данные функции в инклюзивном отношении, употребляя в дальнейшем термин «апеллятивная функция», поскольку фатическая и апеллятивная функции имеют одно назначение – установление контакта с собеседником с одновременной реализацией волеизъявления отправителя сообщения в целях побуждения адресата к совершению действия.

В языке апеллятивная функция реализуется разноуровневыми языковыми средствами с семантикой побуждения к действию. Объединение разноуровневых языковых средств на основе общности семантической функции называется в функциональной грамматике функционально-семантической категорией [4]. Апеллятивность трактуется нами как функционально-семантическая категория. Использование термина «функционально-семантическая категория апеллятивности» находит известное основание в том, что критерием для выделения рассматриваемой категории является общность семантической функции взаимодействующих языковых элементов: побуждение к действию, ориентированное на разные типы адресата. В структурном отношении функционально-семантическая категория апеллятивности представляет собой поле. Основу для определения апеллятивности как функционально-семантического поля (ФСП) дает общность семантики (наличие семантического инварианта побуждения к действию) и взаимодействие входящих в него языковых средств (их сочетаемость/несочетаемость в тексте, возможность замены одного средства другим в определенных условиях). В роли компонентов ФСП апеллятивности выступают различные конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения. Семантическая близость обращений, побудительных и вопросительных конструкций представляется достаточно очевидной, поскольку все они выполняют одну и ту же апеллятивную функцию: обращение побуждает к принятию участия в коммуникативном процессе, различные конструкции с семантикой побуждения к действию – делать, вопрос

побуждает говорить (реже делать). Таким образом, обращения, конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, вопросительные предложения имеют сходное функциональное назначение – побуждение адресата к действию, различие состоит в характере действия: при помощи обращений и побудительных конструкций реализуются как речевые, так и неречевые действия, а при помощи вопросительных предложений, как правило, речевые действия.

ФСР апеллятивности представляет собой макрополе и имеет трехчленную структуру. Трехчленная структура определяется тремя типами отношений семантики апеллятивности к синтаксической структуре предложения, а также различием в характере побуждения к действию (речевому/неречевому). Первый тип, определяющий одну из сфер рассматриваемого поля – микрополе вокативности, вторая сфера данного поля – микрополе побудительности и третья – микрополе интеррогативности. Микрополе вокативности является ядром макрополя апеллятивности. Помещение микрополя вокативности в ядро макрополя апеллятивности обусловлено не только семантикой слова апеллятивность (от фр. *appeller* – обращаться, призывать, побуждать; *appellieren* (нем.) – обращаться), но и назначением самого обращения, которое состоит в том, чтобы подготовить условия для начала общения: обращение называет адресата и побуждает его к участию в коммуникативном процессе. Микрополя побудительности и интеррогативности находятся с ядром – микрополем вокативности – в причинно-следственных отношениях.

В каждом микрополе выделяется доминанта, т. е. конституент поля: а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый [9: 10]. Вокруг доминанты группируются наиболее тесно с ней связанные конституенты, образующие ядро поля. Конституенты, отдаленные от ядра, располагаются на периферии поля.

Микрополе вокативности имеет своей доминантой бицентрическую структуру, представленную средствами синтаксического уровня – номинативными предложениями-обращениями, а именно обращениями-регулятивами и адресующими обращениями. С помощью регулятивов говорящий регулирует, определяет соответствующий тон общения, придает ему более официальный или «интимный» стиль, отмечая одновременно с этим то или иное распределение ролей в конкретной ситуации общения. Обращениям, создаваемым на базе полнозначительных слов (номинации родства, собственные имена, признаки профессии, социального положения и т. д.), отводится роль адресующих элементов текста. Адресующие обращения, кроме основного назначения – привлече-

ния внимания адресата, побуждения его к общению, обладают собственной семантикой номинативного (идентифицирующего), дейктического характера. Они квалифицируют слушателя (читателя) как адресата речи. Ядро микрополя вокативности образуют средства морфологического уровня – местоимения (например, *du, sie, ihr*), которые в качестве дейктиков указывают на адресата, не называя его. Данные местоимения выполняют функцию прямых обращений. На периферии поля находятся косвенные обращения в 3-м лице, адресованные определенному лицу или группе лиц, например: *Hat die Dame einen Wunsch?*

Доминантой микрополя побудительности является тематическая группа глаголов волеизъявления (*bitten, befehlen, auffordern, fordern, empfehlen*). Определение таких глаголов как доминантного компонента микрополя побудительности основано, прежде всего, на критерии наибольшей точности выражения оттенков, интенсивности побуждения и регулярности реализации апеллятивных отношений. К ядерным элементам микрополя побудительности относятся формы императива. На периферии поля побудительности находятся лексико-грамматические средства: модальные глаголы *müssen, dürfen*, конструкция *sein + zu + Infinitiv*, а также прилагательные, причастия со значением необходимости, долженствования, выступающие в предложении в качестве предикатива.

Четкую грань между центральными и периферийными элементами микрополя интеррогативности установить трудно. Компонентами микрополя интеррогативности являются вопросительные предложения с вопросительным и без вопросительного слова. В вопросе всегда присутствует побуждение к коммуникативной реакции, но специфика вопросительной конструкции состоит в том, что чаще каузируется речевое действие (за исключением конструкций типа *Würden Sie das für mich tun?*), тогда как конститuentы микрополя побудительности выражают побуждение к неречевому действию. Разграничение между неречевыми действиями (сфера микрополя побудительности) и речевыми действиями (сфера микрополя интеррогативности) не абсолютно: так, для глаголов речи типа *sagen, erzählen, antworten* и т. п. эта оппозиция утрачивает смысл, поскольку с их помощью каузируются только речевые действия: *Sagen Sie bitte...*

Семантическая близость конститuentов микрополя интеррогативности и микрополя побудительности представляется достаточно очевидной, поскольку отдельные вопросительные конструкции регулярно выступают заместителями ядерных и доминантных компонентов микрополя побуждения, например: *Wann darf ich Sie besuchen?*

Таким образом, группировка разноуровневых средств языка служит для выражения вариантов семантической категории апеллятивности и представляет апеллятивность как функционально-семантическое поле. Апеллятивность является функционально-семантической категорией, поскольку обладает всеми ее признаками: общностью семантической функции реализующих ее языковых единиц – выражением побуждения к действию (речевому/посткоммуникативному); взаимодействием лексических и грамматических элементов; членением на центр и периферию.

Понятием, которое в концепции А. В. Бондарко связывает функционально-семантическую категорию с речью, является категориальная ситуация [4: 23]. Если понятие ФСП соотносится с представлением о функционально-семантической категории и упорядоченном множестве средств ее выражения в данном языке, то понятие категориальной ситуации служит для анализа функционирования вариантов данной функционально-семантической категории, выражаемых в высказывании. Понятие категориальной ситуации в терминах А. В. Бондарко является проекцией функционально-семантической категории и ФСП на уровень текста. Указывая на принадлежность апеллятивности к функционально-семантическим категориям, отметим, что термин «функционально-семантическая категория» подчеркивает деятельностную сторону, т. е. актуализацию категории в речи, и позволяет рассматривать в данной концепции взаимосвязь различных блоков ФСП апеллятивности в категориальной ситуации, в единой функционирующей системе – тексте как области реализации апеллятивного смысла. Речь идет о возможности выделения функционально-семантической текстовой категории, являющейся продолжением функционально-семантической категории в смысле выхода в широкий контекст, в речевую реальность, в действительную, а не потенциальную коммуникацию. В условиях реальной коммуникации группировка, объединение языковых и речевых средств для выполнения определенной семантической функции будет определяться не только традиционными моделями языка, но и внеязыковым контекстом. Отсюда следует широкий и глубокий учет экстралингвистической действительности, а не замыкание на лексико-грамматической системе языка и, естественно, более широкое понимание термина «функция».

Как известно, понятие-термин «функция» употребляется в языкознании, по меньшей мере, в двух значениях: 1) роль языковой единицы в системе языка, так называемая лингвистическая функция, 2) функция языка как организованного целого, выполняющего свое предназначение, т. е. социальная функция [1: 33–34]. Между

этими определениями нет непроходимой грани, напротив, они взаимосвязаны, взаимопроникаемы. В первом случае с понятием «функция» связывается динамика внутри системы языка, обычно без специального выхода в экстралингвистические области, в типологию речи, т. е. по существу трактовка языка в денотативно-десигнативном аспекте. Для полноты изучения и описания языка этот подход должен дополняться другим, при котором специальным предметом становится язык, «взятый» в процессах реального, а не потенциального функционирования, когда налицо реализация языковой коммуникации, а не ее возможность. При подобном анализе происходит «выход» в текст, в ситуацию общения, в типологию речи, опирающуюся на закономерности употребления языка в различных сферах общения. Существенно то, что если в модели языка, соответствующей пониманию его функции в первом значении, «функционирование» обычно рассматривается как простая реализация языка в системе, а принцип языковой системности определяется значимостью ее единиц в этой системе, то во втором случае, когда язык понимается как система, функционирующая в реальных процессах коммуникации, в речевой деятельности, принцип организации этой системы и ее функционирование будет качественно иным, он обусловлен целями и задачами общения. Именно цели и задачи общения как бы «дирижируют» этой системностью, организуют ее. При этом нельзя разрывать формальную (строевую) и функциональные стороны, они должны составлять один аспект исследования.

В аспекте трактовки языка как функционирующей системы с учетом не только первого, но и второго значения слова *функция* немецкий исследователь К.Бринкер определяет текст как функционирование языка, функциональный критерий является главным в его типологии текстов [24]. Классификация К. Бринкера основана на определении доминирующей текстовой функции, под которой понимается «доминирующее коммуникативное намерение отправителя, выраженное в тексте в соответствии с существующими конвенциями» [24: 77]. Так, в данной классификации рассматривается класс текстов с доминирующей апеллятивной функцией (тексты с доминантой «обращение/требование» (*dominant auffordernde Texte*) и соответствующие данному классу виды текстов (товарная реклама, партийная программа, газетный комментарий, прошение, заявление) [24: 112]. Принимая всю основательность предложенной классификации, считаем возможным внести в нее определенные уточнения, которые позволяют разграничить тексты, объединенные единой апеллятивной функцией, на чисто апеллятивные и регулятивные.

Для того чтобы установить характеристики, отличающие чисто апеллятивные тексты от других малоформатных текстов закрытого типа и аналогичного коммуникативно-прагматического содержания (от регулятивных текстов [21]), необходимо выявить структурные, семантические, синтаксические особенности первых.

В данном исследовании принимается определение текста, согласно которому текст есть некая система смысловых единиц разной степени сложности, комплектности и значимости (с точки зрения достижения целей коммуникативно-познавательной деятельности), функционально (т. е. для конкретной цели/целей), объединенных в единую семантико-смысловую структуру общей концепцией (замыслом) [11: 135]. Применительно к чисто апеллятивным текстам следует заметить, что концепция (главная мысль) основная идея – побуждение конкретного адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия, должна иметь эксплицитное выражение при помощи определенной совокупности взаимодействующих языковых единиц, которые репрезентируют присутствующую в тексте функционально-семантическую категорию апеллятивности.

Структурная организация апеллятивных текстов имеет определенные закономерности, которые проявляются в обязательном наличии в препозиции к тексту характеризующего обращения, называющего реальное лицо индивидуального или коллективного характера, вступления, содержащего информацию о существующем положении вещей, основной части, включающей аргументы, свидетельствующие о необходимости совершения адресатом определенного действия, заключения с выраженной эксплицитно иллюкутивной целью – побуждения конкретного адресата к действию, реквизита подпись (в письменных текстах).

Особо следует отметить конституирующую роль обращения в апеллятивных текстах. Обращение является связующим элементом, цементирующим текст. Обозначая конкретного адресата, адресант разворачивает коммуникативную стратегию с ориентацией именно на данного адресата. Замена или изъятие обращения из текста приведет к разрушению структуры последнего. Прямое обращение служит своеобразной скрепой апеллятивного текста. Обращение является первым элементом сквозной многочленной номинационной цепочки, на базе которой происходит семантическая организация апеллятивного текста [7: 78]. Цепочку, пронизывающую весь текст, начинает характеризующее обращение – прямая номинация адресата, далее цепочку образуют различные виды повтора: простой, варьированный, местоименный.

Важным структурным критерием для характеристики типа текста является, как известно, форма развития его темы [24: 61]. Согласно типологии текстов К. Бринкера апеллятивные тексты

обладают аргументативным развертыванием темы. Такое тематическое развертывание Бринкер называет персуазивным (там же).

Понимая тему текста как содержательное ядро, сопоставимое с авторским замыслом в целом, заметим, что тема апеллятивного текста тяготеет к речевой форме рассуждения. Рассуждение – это когнитивный процесс, в основе которого лежит логически развивающаяся мысль; структурирование и логика развития мысли эксплицируются в языковой организации текста [7: 168]. Для обоснования своей точки зрения автор рассуждения приводит схему доказательств, аргументов. Аргументами в апеллятивном тексте является изложение обстоятельств (например, в листовках, военных приказах), которые привели к необходимости совершения адресатом действия. Используя терминологию Н. М. Разинкиной [20: 168], можно сказать, что в апеллятивном тексте реализуются «затекстовые ретроспективные связи» (ранее имели место следующие факты, положения вещей) и «проспективные текстовые связи» (данный адресат должен совершить определенное действие, чтобы изменить, улучшить, исправить положение вещей). Аргументация представлена в виде семантических отношений причинности и следствия. Развитие темы в апеллятивном тексте проходит следующие стадии: а) тезис; б) объяснение причины; в) следствие; г) еще одно следствие, вытекающее из предыдущего; д) подкрепление предыдущей мысли эксплицитным выражением иллюкативной цели. Приводимые адресантом аргументы служат тактиками в рамках общей коммуникативной стратегии побуждения конкретного адресата к совершению действия и являются логическим переходом от рассуждения о необходимости совершить действие к формулировке самого побуждения к действию.

Исследовательский материал показывает, что апеллятивность как функционально-семантическая категория регулярно представлена в текстах, где речевое воздействие планируется с ориентацией на конкретного адресата, т. е. воздействие осознается адресантом как иллюкативная задача. Именно наличие адресата, обозначенного в начале текста при помощи обращения, требует от адресанта при построении аргументов постоянного учета партнера по коммуникации, его социального статуса, опыта, уровня знаний, эмоционального состояния, мотивационной направленности, «подталкивает» к применению коммуникативных стратегий и тактик для достижения оптимального воздействия и побуждения данного адресата к действию. Коммуникативная апеллятивная целенаправленность диктует выбор репертуара языковых средств, которые используются при порождении текста. Выбор адресантом того или иного языкового средства при создании апеллятивного текста зависит от сферы общения и статуса партнера по коммуникации. Необходимо отметить, что ад-

ресант апеллятивного текста далеко не всегда является прескриптором, его социальный или ситуативный статус может быть ниже статуса адресата или равен последнему.

Что касается структурно-синтаксической организации апеллятивного текста, то, не рассматривая подробно языковые средства связи, описанные в специальной литературе [3, 9, 17 и др.], отметим, что в апеллятивном тексте сцепление каждого предложения с последующим происходит через один из языковых элементов структуры предложения – т. е. при помощи цепной связи, при которой последующее предложение вытекает из предыдущего [7: 81]. Цепная связь обеспечивает логичность и последовательность изложения, что является важным условием для успеха коммуникации, осложненной возможными статусными различиями коммуникантов и необходимостью получения ответной реакции адресата – совершения им определенного действия.

Наличие структурных, семантических и синтаксических особенностей организации текстов с доминирующей апеллятивной функцией позволяет сделать заключение о существовании класса – хотя и малочисленного – апеллятивных текстов, к которому относятся тексты военной и политической пропаганды (листовки, плакаты, агитационные выступления политиков), военные и гражданские приказы, распоряжения, религиозные проповеди, деловые письма (различные письма-просьбы, рекламации), заявления о приеме на работу, частные письма.

Необходимо упомянуть о наличии текстов, которые имеют схожее коммуникативно-прагматическое содержание, но не в полной мере наделены совокупностью описанных дифференциальных признаков. К данным текстам относятся различные рецепты, инструкции, тексты законов, уставов, рекламные тексты, дипломатические ноты, тексты различных вывесок, объявлений [21]. Тема регулятивного текста тяготеет к описанию и реализует перспективные связи, что проявляется в отсутствии указания на сложившуюся ситуацию, приведшую к необходимости совершения адресатом действия, так как в тексте описываются не события, а ряд действий, которые должны привести читателя к поставленной цели, описание очень часто обеспечивается каталогизирующей композицией, семантическая организация текста базируется на нескольких разнообъектных номинационных цепочках, каждая из которых образует отдельную микротему, в структуре текста между предложениями существует параллельная связь, автор текста всегда является прескриптором и выражает побуждение к действию с четким указанием на способ его выполнения, описывая алгоритм действий, который должен совершить виртуальный, обобщенный адресат.

Таким образом, мы можем выделить следующие характеристики класса апеллятивных текстов: малоформатность, жесткая структура, наличие характеризующего обращения в препозиции к тексту, семантическая организация текста на базе сквозной многочленной номинационной цепи, вербализованность основной интенции текста – побуждение конкретного адресата к действию без указания на способ выполнения последнего, аргументативное развертывание темы, реализация ретроспективных затекстовых и проспективных текстовых связей, цепная связь между предложениями и абзацами текста.

Рекламные тексты и дипломатические ноты обладают всеми характеристиками апеллятивных текстов, за исключением характеризующего обращения в препозиции к тексту и вербализованной иллокутивной цели – побуждения адресата к действию. Названные тексты не ограничиваются только одной иллокутивной целью – побуждением адресата к действию. Чаще всего они преследуют и другие цели, например, общественное информирование (рекламные тексты, дипломатические ноты), формирование имиджа (дипломатические ноты), являющиеся вспомогательными при достижении главной цели – воздействия на адресата с целью побуждения к совершению определенного действия, которое в самом тексте имеет имплицитное выражение. Вспомогательные цели стимулируют адресата текста к размышлениям определенного плана, наведению на мысль о необходимости совершения действия, поэтому применительно к указанным типам текстов можно говорить о суггестивном воздействии. Таким образом, в данном случае апеллятивность находит свое выражение через суггестию.

В текстах различных вывесок, предписывающих совершение или несовершение определенного действия, в подтекст выведено не только обращение, но и какая-либо логическая аргументация, объясняющая необходимость выполнения действия. В фокусе внимания адресата находится только формулировка самого действия. Подобная структура определяется прагматическими особенностями данного типа текста. Отсутствие обращения свидетельствует о том, что побуждение ориентировано на всех, а отсутствие аргументов – об однозначной важности выполнения действия, понятной всем.

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с реализацией функционально-семантической категории апеллятивности в языке и речи, можно отметить, что изучение функционально-семантической категории в традиционной модели языка не дает представления о средствах, способах и законах речеобразования (текстообразования), поэтому в функциональных грамматиках появляются понятия «среда», «категориальная ситуация», которые вводят исследования на уровень текста. Расширение объекта

исследования функционально-семантических категорий приводит к необходимости изучения категорий более объемного функционально-коммуникативного плана, учитывающего внеязыковой контекст, без которого не бывает действительного языкового общения. К таким категориям относится функционально-семантическая категория апеллятивности, имеющая полевую структуру в языке и реализующаяся в речи (тексте) системой разноуровневых языковых и речевых средств с семантикой апеллятивности. В условиях реальной коммуникации группировка данных средств зависит от сферы общения, социально-статусных различий коммуникантов и других экстралингвистических факторов.

Список литературы

1. Аврорин А.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975.
2. Андреева И.С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989.
4. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л: Наука, 1978.
5. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция. – М.: Прогресс, 1993.
6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Прогресс, 1959.
7. Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. Немецкий язык: учеб. пособие – М.: Высш. шк., 2005.
8. Гулыга Е.В., Натансон М.Д. Теория современного немецкого языка. Грамматика. Ч.2. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1959.
9. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
10. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной зарубежной литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.
11. Дридзе Т.М. Уровень семиотической подготовки и функционирование массовой коммуникации в обществе // Вопр. философии. – М., 1976. – № 11. – С. 118–129.
12. Золотова Г.А. Очерк функционально синтаксиса русского языка. – М.: Высш. шк., 1979.
13. Исаченко А. В. К вопросу об императиве в русском языке. // Рус. яз. в шк. – М., 1957. – № 6. – С. 7–14.
14. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. Ч. 2. – Братислава: Лингва, 1960.
15. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969.
16. Маслов Ю.М. Введение в языкознание: учеб. для спец вузов. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1998.
17. Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высш. шк., 1981.
18. Отто Е. Философия грамматики. – М.: Прогресс, 1958.
19. Пауль Х. Принципы истории языка. М.: Прогресс, 1960.

20. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика: учеб. Пособие. – М.: Высш. шк., 2004.
21. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов. (Структурные, семантические, прагматические аспекты): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – СПб., 1996.
22. Храковский В.С., Володина А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. – Л., 1974. – С. 360–368.
23. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987.
24. Brinker, K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin: Erich Schmidt, 2003.
25. Schendels E.I. Deutsche Grammatik. Morphologie – Syntax – Text. 2. Aufl. – Moskwa, 1998.

УДК 811.133.1

*Е. Ю. Кустова**

**Функционально-семантическое поле
французских интеръективов
The Functional and Semantic Field of French Interjections**

В статье представлена функционально-полевая модель французских междометий, обусловленная интенциональным, иллокутивным и эмоционально-оценочным параметрами речевого взаимодействия, в которой междометия французского языка представляются как актуализаторы, прагматические маркеры и модальные операторы речевого взаимодействия.

The article deals with the description of functional & semantic field of French interjections. Semantic and pragmatic analysis proposed by the author is based on the systematic study of the intentional, illocutionary & emotional function of interjection in conversation. The interjections are presented as intentional shifters of propositional content in the illocutionary and axiological contexts of interactional discourse.

Ключевые слова: междометия, французский язык, речевая интеракция, иллокутивная функция, модус, параметры речевого взаимодействия, интенциональность.

Key-words: French interjection, French language, speech interaction, illocutionary function, modus, parameters of interactional discourse, intentionality.

1. Основания функционально-семантического моделирования
Междометия, будучи наиболее синкретичными лексико-грамматическими единицами языковой системы, требуют прежде всего функционального подхода к определению их места и значимости в синтактико-семантико-прагматической картине того или иного языка. Функциональный подход предполагает и выход во

*Кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет; email <lenakustov@yandex.ru>

внешнюю лингвистику с ее социоэтнопсихологическими реалиями, определяющими степень универсальности и вариативности данного языкового и речевого явления.

В последнее время в исследованиях междометий проявляется приоритет, связанный с пониманием необходимости соединения внутренних (языковых) и внешних (речевых, дискурсивных) характеристик этих прототипических лексико-семантических знаков [3; 5; 6].

Выбор функционально-полевой репрезентации французских междометий предопределен, с одной стороны, эффективностью функционального подхода к исследованию таких семантически «непрозрачных», прагматических единиц языка, а с другой – разнообразием форм, выполняющих сходные функции и потенциально объединяемых (в разных языках и в разных концепциях по-разному) в один функционально-грамматический класс.

Семантика междометий может характеризоваться как интегральная семантика (*sémantique intégrale*), включающая прагматику (*pragmatique intégrée*) в характеристике значения того или иного междометия относительно следующих факторов:

- интенциональность говорящего;
- прагматический (перформативный) эффект употребления;
- контексты употребления.

В результате такого подхода выявляется структура функционального поля французских интеръективов.

2. Функциональное поле междометий французского языка: ядро и периферия

В основе исследования функционализма междометий лежит парадигма интеракционной лингвопрагматики, рассматривающая междометия как сигналы, или маркеры субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, выражаемых действием-высказыванием (*énonciation*) в рамках речевого взаимодействия (интеракции).

При таком подходе ядерный центр функционально-семантического поля интеръективов состоит из двух функциональных разрядов: эмотивов, связанных с говорящим (эмотивно-экспрессивная функция) и его отношением к объективной действительности, и экспрессивов, ориентированных на собеседника и маркирующих интерперсональные отношения (конативно-экспрессивная функция). Обоснованность такого разделения подтверждается многими исследователями междометий и субъективных элементов языка. Однако, учитывая, что экспрессия может сопровождать и выражение чувств «ненаправленных» эмотивов и зависеть от силы манифестации самого чувства, *направленные на собеседника интеръективы* предлагается обозначать термином, коррелирующим с функцией воздействия, по Р. Якобсону, «конативные интеръективы».

Что касается формальных характеристик, обуславливающих ядерно-периферические отношения внутри полевой системы интеръективов, то, опираясь на результаты собственных исследований, можно утверждать, что к ядерным (наиболее употребительным) интеръективам относятся так называемые первообразные междометия: *Ah! Oh! Eh!* и производные, не превышающие 7–8 фонем (2–4 слога): *mince, zut, nom de Dieu!* и т. д. К крайней периферии относятся «вычурные» эмотивы-интеръективы типа *bernique! saperlipopette!, turlututu!* или *coquefredouille!* [7], устаревшие или маркированные по жанрово-стилистическому признаку.

Инвентарь наиболее употребительных интеръективов, отмеченных в «Bon Usage», содержит 60 МЕ и 25 оборотов. Подчеркивается зависимость семантики МЕ от тона, мимики, жестов говорящего.

Таким образом, с точки зрения морфологического критерия, междометия могут классифицироваться как:

- простые, состоящие из одной – четырех фонем, лексикализовавшиеся и представляющие из себя морфемы, закрепленные в лексикографии, а с точки зрения фонетики содержащие «редкие или необычные для данного языка звуки или звукосочетания». Таковы во французском языке *Ah!; Hep!; Toc!; Bof!; Hein!* и др.;

- производные (конверсивные), генетически связанные со знаменательными словами: *Gare!, Bon!, Chic!, Allons!, Voyons!, Repos!, Ça!, etc.*;

- составные или «сращения», образованные сочетанием МЕ и других частей речи: *Ah ça!; Allons donc!; Oui da!, etc.*;

- сложные и сложно-производные: *Mon Dieu!; A la bonne heure! Dieu soit loué!, etc.*

Синтаксический критерий, о чем свидетельствует само название класса междометий, определяет междометия как элементы, непосредственно не связанные с корпусом предложения. Однако этот критерий объединяет с междометием любую парентезу, лексическое наполнение которой может быть чрезвычайно разнообразным (например, модусные наречия *возможно, наверное, peut-être, décidément, sans doute, etc.*; глагольные парентезы *полагаю, думаю, понимаешь, je crois, je pense, je vois, tu sais, etc.*; вводные предложения, устойчивые словосочетания *s'il vous plaît, je vous prie, voulez-vous, etc.*). Самостоятельные употребления междометий придают им функции самостоятельной предикативной единицы. При этом выясняется, что деривационный критерий («первообразные vs производные») не является определяющим в плане оппозиции «ядро – периферия», что подтверждает частотный анализ. Например, производные *Eh bien!, Ça alors!, Nom de Dieu!*, а тем более пресловутое

merde!, относясь к экспрессивным эмотивам, приближаются к *Ah!*, *Oh!*, *Eh!*.

Эпидигматическая (деривационная) парадигма (об этом термине см. [2]) производных междометий может быть представлена в виде оси междометизации (ядро) – фразеологизации (периферия), демонстрирующей, как на основе узуальной стереотипизации и делокутивной деривации происходит формирование и расширение функционального класса речевых фразеорефлексов и междометных фразеологизмов, как это представлено в табл. 1:

Таблица 1

МЕЖДОМЕТИЗАЦИЯ	СВОБОДНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ
Non, mais <i>dites-donc!</i>	Dites-moi la vérité!	<i>A qui le dites-vous!</i> (je le sais trop bien!)
Pleure pas, <i>voyons!</i>	Voyons le problème (ce qui ne va pas)!	<i>Voyons voir!</i>
<i>Coucouche-panier!</i>	Couche, couche-toi dans le panier !	<i>Coucouche-panier!</i>
<i>Bon ben</i> , allons-y!	C ' est bien/bon	<i>En tout bien tout honneur!</i>
<i>Tiens</i> , c'est Michel? (=Je suis très étonné)	Tiens/Tenez (=Regarde/Regardez)	<i>Tenez-vous bien !</i>
<i>Adieu!</i>	A Dieu!	<i>A-Dieu-vat ! etc.</i>

Сопоставительный анализ узуальных контекстов и фиксирующих их словарей французского и русского языков показал размытость границ внутри каждого языка между этими двумя рядами (междометных и фразеологических) интеръективов, выполняющими сходные функции. Во французской лексикографической практике это проявляется в полисемичности термина «*interjection*». Так, например, большинство непредикативных одновершинных фразеологизмов, состоящих из знаменательного и служебного слов, и «фраземы», т. е. словосочетания с подчинительной структурой, утратившие номинативность, относятся к междометиям (*Eh bien!*, *Dites-donc!*, *Voyons-voir!*, *Allons donc!*, *Et allez donc!*, *Nom de Dieu!*, *Ma foi!* *Ah mais!* и др.).

Приоритет функционального подхода проявляется в словарях современного французского языка, где с пометой «*interjection*» фигурируют междометные фразеологизмы и аббревиатуры: *Ma parole!*, *Ras-le-boll!*, *M.A.V.!* (*Mort aux vaches!*) и др. (P. Robert, 1362–1363). Функциональный класс интеръективов пополняется за счет полнозначной аффективной и коннотативной лексики, употребляющейся в функции фразеорефлексов и, в частности, инвектив: односоставные

(одночленные) ME – *Bordell!, Peste! Paix!, Diable! Finish! Patience! u* *многочленные Nom d'un chien!, Bordel de Dieu! Oh la vache! u m. d.*

Таким образом, ядро функционального поля французских интеръективов образуют односоставные элементы (первообразные междометия), внутренняя форма которых либо невозстановима (*Hé!; Oh!; Bah!; Vof. u m. п.*), либо требует специального этимологического исследования (*Gare!, Gaffe!, Hep! Paf! u др.*). Околоядерную периферию составляют единицы, образовавшиеся путем семантической транспозиции (производные междометия), и единицы, структурно тяготеющие к ФЕ, которые составляют структурную периферию разряда междометных речевых единиц. Необходимо отметить также, что с точки зрения функциональной семантики интеръективов, границы между ядром и периферией соотносятся по принципу дополнительности (Н. Бор). Так, в русском языке формула приветствия «Здравствуй!» (определенный контекст + интонация = «здра-а-вствуй-те!») приобрела, в отличие от французского *Bonjour!*, новое узуально-конвенциональное значение маркера удивленного несогласия с собеседником, констатирующего неуместность, ложность тезиса/аргумента/вывода собеседника, причем только в этой функции делокутив «Здравствуй!», по мнению некоторых исследователей, можно отнести к междометиям, так как в этом употреблении он более очевидно выражает эмотивную сферу говорящего.

Во французском языке имеют место аналогичные идиосинкратические явления. Лакунарной делокутивной деривации подверглись ЛЕ и ФЕ «*par exemple*», «*ça*», «*encore*», приобретя функцию междометий. Как отмечает Ю. А. Рылов, «семантическое и функциональное тождество двух слов в разных языках в принципе невозможно (за исключением, пожалуй, некоторых терминологических образований), а имеются лишь различного рода соответствия; это обусловлено тем, что между единицами одной системы устанавливаются отношения, отличные от отношений в другой системе [4].

Тесная связь интеръективов с моментом производства высказывания в контексте интеракциональной ситуации приводит к необходимости учитывать в полевой структуре функционально-семантического класса параметры, определяющие акт порождения высказывания.

3. Междометия – маркеры интенциональности говорящего

Говоря об актуализации определенного содержания в речи, Э. Бенвенист определяет «формальный аппарат высказывания» – элементы, которые «привязывают» это содержание – пропозицию к моменту сказывания и ситуации речи. Совокупность таких маркеров, отражающих коммуникативную ситуацию в высказывании-произведении (*énoncé*), относится к параметрам актуализации вы-

сказывания в речи («я-здесь-теперь»). Междометия наряду с другими модусными элементами, составляют «коммуникативную рамку» высказывания. Параметр «так» относится и к самому оформлению высказывания, выражающемуся в определенной последовательности элементов, в наличии зачина, связок, маркеров обратной связи, средств перебивания и реактивных иллокуций, заключительных элементов речевого обмена и т. п.

Эмотивы отражают субъект-объектные отношения и делятся на «репрезентативы» и «импульсивы». Первые – имитативные слова-фразы – «выражают отношение отождествления между говорящим и внешним миром, что отражается в поиске путей прямой имитации: *Pan!* – *Хоп!* Импульсивы, в противоположность императивам (*конативам* – в нашей терминологии – Е.К.) выражают пассивное отношение говорящего: чувственные слова-фразы (сенситивные фразоиды), в которых рецептивный компонент достигает максимума: *Aïe!* – "*Ой!*"; эмотивные, где этот компонент менее выражен: *Oh!* *Hélas!* – *Увы!*; рассудочные (рациональные): *Dame!* – Конечно!; *Ouais!* – Еще бы!, которые приближаются к логическим словам-фразам: *Oui!*, *Non!*, *Si!*, *Voici!*, *Voilà!*». Классификация Теньера в основном отражает превалирующее в лингвистической традиции деление интеръективов на три группы: эмотивы, императивы и собственно ономатопои. На наш взгляд, основанием включения ономатопои в рамках функционального класса интеръективов в разряд эмотивов является эмотивная экспрессивность (см. выше), превращающая ономатопоические знаки-иконы в направленные на слушающего сигналы: «"Mais tout à coup, une voix claire chanta comme un coucou, sur deux notes: "Ou!...Ou!"; "Pan! Pan! je tire coup sur coup"»(Pagnol). Ономатопои в приведенном примере выполняют экспрессивно-поэтическую функцию, коррелирующую с конативной.

В результате, памятуя об условности любого деления, тем более в рамках полевой модели, мы можем условно представить функционально-семантические группы французских интеръективов следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Междометия (интеръективы)		
1–2 лицо		не-лицо
Говорящий	Собеседник	Интенциональный объект
Эмотивы	Конативы	Репрезентативы
Экспрессивы		

Эмотивы выступают в роли модальных актуализаторов высказывания в речи, помещая пропозицию в эмоционально-оценочную рамку, отражающую интенциональное отношение говорящего к содержанию высказывания: «*Ah! Je suis folle de joie à l'idée que nous allons vivre côte à côte!*» (Troyat).

В когнитивном аспекте интенциональность и выражающий ее модус (Ш. Балли) становятся связующим звеном между реальной действительностью и субъектом (его мыслью, эмоциями), между субъектом и его высказыванием, между сообщением и его адресатом. В этом случае элементы эксплицитного модуса, в частности интеръективы, становятся средством актуализации пропозиционального содержания, выполняя функцию «шифтеров», актуализаторов, маркеров, проявляющих отношение субъекта высказывания к различным параметрам коммуникативной ситуации.

Актуализация эмоциональной оценки в мотивировочной части высказывания (модусе) имеет в речевом взаимодействии аргументативное значение, превращая интеръективы в аргументативные коннекторы, вводящие аргументативно значимое оценочное суждение-вывод или аргумент/контраргумент: «*Ah! les enfants sont gâtés aujourd'hui, si nous avons demandé des petits voyages comme ça à nos parents...*» (Sarrautte); «*Impossible de trouver une bonne dans la région: les petites paysannes ne veulent plus se placer, et si par hasard on en trouve une, elle est d'une insolence! Et d'une paresse! Exigeante avec ça... Oh! cette génération!*» (Bazin).

4. Конативы как перформативы

Со вторым лицом соотносится группа конативов (побудительных интеръективов). В них отражены различные оттенки приказа (*Halte!, Chut!*), призыва (*Hep!, Pst!*), на периферии к этой группе примыкают и формулы вежливости (*merci, s'il vous plaît, bonjour*). Модальный характер группы побудительных МЕ определяется тем, что они выражают волю субъекта речи, апеллирующего к воле адресата с целью побудить его к тем или иным действиям, поведению.

Исследователями выделяется различное количество подгрупп побудительных МЕ, но наиболее очевидным представляется наличие трех основных разрядов:

- контактоустанавливающие: «*Je me baissais pour le ramasser, lorsqu'une voix farouche cria derrière moi: "Hé! l'ami!"*» (Pagnol); «*Il se mit à crier de toute sa force: - Holà! hé! holà! là-bas!*» (Maupassant).

- собственно побудительные (императивы): «*Chut! chut! fit Emma en désignant du doigt l'apothicaire*» (Flaubert); «*Halte! Le passage est interdit*».

• аргументативно-оценочные: « -...Tu n'aurais pas un peu tété la bouteille?- Idiot! répondit mon frère, tu sais bien qu'elle est toujours sous clef» (Bazin).

Как отмечается в одном из наиболее полных справочников речевых актов французского языка «Un Niveau-seuil», интеръективы выражают или сопровождают следующие речевые акты: одобрять, поздравлять: *Bravo! Chapeau! Ouais!*; прощать: *Allez, (je ne suis pas rancunier)*; упрекать, протестовать: *Ça alors! Non mais dites-donc! Ah non! Quoi?;* предупреждать, указывать, оповещать и т. п.: *Attention, P!*; вспоминать: *Tiens! (Je me souviens que...); Ah! (Mais,) P;* реагировать на факты и события: *Quelle chance! Bravo! Chouette! Quel pied!;* жаловаться: *Mon Dieu! Oh là là! Quelle tasse!;* сомневаться в факте: *"Ça!";* просить: *Allez / Dis / Hé / S'il te plaît (ferme la porte)!;* приглашать, ободрять: *Allez! Vas-y! (N'ayez pas peur)voyons!;* обращаться к кому-либо: *Pardon! Dites! Hé! Нер!;* звать на помощь: *A moi! Au feu! Au voleur! Au viol!;* выражать нерешительность: *Ma foi!;* незнание: *Ça! Ma foi!;* безразличие: *Vof!;* решительность: *Allez! (Je m'en vais)* и т. д.

5. Контексты употребления междометий французского языка (функционально-интеракционный аспект). Социально маркированные интеръективы.

Интеръективы французского языка являются актуализаторами пропозиции высказывания, маркерами пяти интенциональных операций говорящего: идентификации, классификации, характеристики, интерпретации и извлечении импликаций в трех планах речевой интеракции: предметной, деятельностной и речевой ситуации. Эмоции и оценка являются имманентными характеристиками разряда МРЕ.

Нарушение пресуппозиций или несогласие с пресуппозицией иницирующей реплики является мощным стимулом для ответной реплики-реакции: «- Taisez-vous! Oh, si vous avez encore quelque chose d'humain, rappelez-vous... rappelez-vous ce qui c'est passé entre nous...le mal que vous m'avez fait... - Voyons, Blanchette, il s'est rien passé... ou si peu...» (Aragon).

Интеръективы выполняют функции реактивных маркеров, как в пропозициональном, так и в интеракционном плане, синкретично выражая то или иное интенциональное отношение или оценку к пропозиции или собеседнику: «A: - Salut! B: - Salut! A: - Ça va? B: - Avec ce temps, berk!» или «-Salut Jean! - Ole youpi! J'suis vraiment ravi de te voir!».

Степень иллокутивной однозначности интеръективов различна. Большинство из них полифункциональны. Одна речевая единица

может выражать различные речевые акты, отражающие разные эмоциональные состояния, вплоть до функциональной энантиосемии. Наиболее многозначны первообразные междометия, приближающиеся к рефлексивным возгласам: *Ah!*, *Oh!*, *Eh!* и др. Риторическое (тропеическое) употребление (*ирония и т. п.*) некоторых интеръективов также меняет иллокутивную цель высказывания: « -Tu es idiote. – *Merci, hein!* ».

Воздействующая функция интеръективов проявляется не только в их иллокутивности. Наряду с другими речевыми единицами междометия участвуют в осуществлении речевого воздействия посредством аргументации, выражают интерперсональные стратегии говорящих, формируют дискурсивный план речевой интеракции (структурирование речевого обмена).

Необходимо отметить и социально-гендерную дифференциацию французских интеръективов. Результаты различных исследований и экспериментов подтверждают маркированность интеръективности речевого поведения мужчин и женщин, детей и взрослых [1].

Таким образом, функционально-семантическое поле французских интеръективов отражает интеракционную природу междометий как маркеров различных аспектов речевого взаимодействия, имеющих как универсальные, так и национально отмеченные характеристики.

Список литературы

1. Бакушева Е.М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины (на материале французского языка): автореф. дис....канд. филол. наук. – М., 1995. – 16 с.
2. Кубрякова Е.С. Парадигматика// Лингвистич. энцикл. сл. 1990. – С. 366–367.
3. Николаева Е.С. Междометия в прагмалингвистическом аспекте (на материале русского и английского языков): автореф. дис....канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2006. – 17 с.
4. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
5. Шляхова С.С. «Другой» язык. Опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: ПГТУ, 2005. – 348 с.
6. Buridant C. L'interjection: jeux et enjeux // *Langages*, 163, 2006. – 128 p.
7. <http://blog.legardemots.fr/post/>

**К вопросу о семантическом развитии на основе производного слова (на материале французских префиксальных глаголов)
The Problem of Semantic Evolution on the basis of derivatives
(on the Material of French derivatives)**

Настоящая статья посвящена проблемам, связанным с изучением словообразовательной семантики многозначного производного слова. В частности, ставится вопрос об изменении семантики словообразовательного форманта при развитии полисемии многозначным словом. В статье демонстрируется наличие взаимосвязи между формальными и семантическими характеристиками модели семантической деривации и параметрами, отражающими взаимодействие словообразовательного и лексического уровней в производных семемах многозначного производного слова.

The paper is devoted to the problems connected with the analysis of semantic modeling on the basis of a French polysemantic derivative word. The article deals with the problem of semantic changing of the prefixe in derivative sememes in polysemantic perspective. The article states that parameters reflecting the interaction of derivative and lexical levels in polysemantic derivatives are largely determined by formal and semantic characteristics of the prototype development patterns.

Ключевые слова: семантическая деривация, модель семантической деривации, словообразовательное значение, словообразовательная членимость, соотношение словообразовательного и лексического значений, комплексный знак, метафоризация.

Key words: semantic derivation, the model of semantic derivation, the meaning of wordformation, the ratio of the wordformation and lexical meaning, complex sign, metaphorization.

В последние десятилетия появилось множество исследований, связанных с теорией регулярного словообразования. Круг проблем, изучаемых в этом русле, достаточно широк: методика словообразовательных значений, связанная с внутренней и внешней валентностью производного слова, способы взаимодействия словообразовательного форманта производящей основой, особенности словообразовательной членимости производных слов. Особое место в данной проблематике занимает вопрос о типах комбинаторности словообразовательных компонентов с позиций когнитивной лингвистики (композиционной семантики). Однако объектом исследования в подавляющем большинстве случаев явля-

*Кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет, email <france@rgph.vsu.ru>

лись регулярные словообразовательные значения моносемичных производных слов, а многозначные производные слова практически не исследовались как утратившие словообразовательную производность. В частности, в рамках анализа моносемичных или исходных значений многозначных производных слов (далее – производных) принято признавать два механизма, которые регулируют отношения между словообразовательным формантом (префиксом) и производящей основой: модификацию и мутацию (М. Докулил, Е. Е. Голубкова, Л. В. Бабина и др.). При модификации префикс является модификатором, конкретизирующим лексическое значение производящего слова, при мутации создается новое слово на базе производящего с полным семантическим разрывом между ними [1: 98]. На наш взгляд, говоря о модификации и мутации, мы должны четко разграничить производные слова, развивающиеся путем словообразовательной деривации и производные семемы, возникающие на базе дериватов. В частности, вряд ли можно говорить о полном семантическом разрыве между производным и производящим, если речь идет о словообразовательной деривации: подобный разрыв предполагает переход в разряд имплицитных таких словообразовательных параметров, как словообразовательная мотивация, членимость по словообразовательной модели, словообразовательное значение. В свою очередь, полная имплицитность таких параметров не позволяет рассматривать данные слова в рамках словообразования: в этом случае исследование переходит на лексический уровень. Именно поэтому нам необходимо провести четкую границу между словообразовательным и лексическим уровнями, рассмотреть, как изменяется соотношение словообразовательных и семантических параметров производного слова при различных степенях его идиоматичности.

Для достижения этой цели наиболее продуктивным представляется анализ производных семем многозначных производных слов. Такие слова, с одной стороны, являясь результатом словообразовательного акта, демонстрируют регулярные словообразовательные отношения; с другой стороны, они сами являются основой для процесса семантической деривации, что ставит вышеупомянутые словообразовательные отношения в специфические условия: словообразовательные параметры не исчезают сразу с вступлением в силу семантических регулярных отношений. Они, безусловно, ослабевают, но при этом накладывают отпечаток на семантику производной семемы. Трудно согласиться с тем, что лексическое значение является в данном случае областью только семантической деривации, находясь вне словообразования. Как показало исследование, «след» словообразовательного значения в лексикализованных производных может присутствовать, а степени его присутствия

дают возможность выстроить определенную систему, отражающую регулярные соотношения словообразовательных и лексических параметров слова. О наличии такого «следа» говорилось в исследованиях О. П. Ермаковой (на материале русского языка) [2]. Что касается французского языка, такое исследование проводится впервые. Наша цель – проследить, как меняется семантика словообразовательного форманта при развитии полисемии производными словами. Ограничиваясь рамками статьи, мы рассматриваем многозначные французские глаголы с префиксом *dé-*. Кроме того, мы опишем подробно лишь один из выявленных нами механизмов изменения семантики словообразовательного форманта. Прежде чем это сделать, мы возвратимся к положению о разграничении словообразовательной и семантической деривации. Многозначность, связанная со словообразовательной деривацией, предусматривает многократное повторение акта словообразования, при котором словообразовательный формант присоединяется к многозначной производящей основе, взятой в различных значениях. Например, значения глагола *décaisser – retirer qqch d'une caisse – взять что-либо из ящика* (1) и *tirer d'une caisse une somme d'argent – взять какую-то сумму из кассы* (2) развились на базе значений многозначного производящего слова *caisse – ящик* (1) и *касса* (2). В данном случае мы имеем дело с явлением модификации. К словообразовательной деривации относится также и такая ее разновидность, как совмещенный процесс словообразования и метафоризации [5]. В этом случае акт словообразования проходит одновременно с процессом метафоризации. Например, существительное *tulipe – тюльпан* является производящим словом для существительного *tulipier – тюльпановое дерево*, т.е. дерево, похожее на тюльпан. Такие производные, как правило, являются моносемичными, что и составляет основной критерий их дифференциации от производных семем, полученных путем семантической деривации. В случае данной разновидности словообразовательной деривации мы имеем дело с мутацией.

Что касается семантической деривации, то в данном случае мы имеем дело с уже созданным производным словом, на базе которого развиваются производные семемы.

В случае словообразовательной деривации все словообразовательные параметры производного являются эксплицитными, а их соотношение с семантическими параметрами – весьма типичным для регулярного словообразования. Такие дериваты не представляют интереса для нашего исследования, так как цель, которую мы ставим перед собой, связана с выявлением закономерностей взаимосвязи между моделью семантической деривации и словообразовательной структурой исходного значения многозначного

производного слова. Как уже указывалось, нашей задачей является выявление влияния семантики словообразовательного форманта на семантику ЛСВ (лексико-семантических вариантов), образованных на базе производного слова. В этой связи мы предлагаем следующую гипотезу:

- если семантический признак, актуализирующийся при семантической деривации на базе производного слова (или, по терминологии Е.С. Кубряковой, комплексного знака [3: 14]), соотносится с производящей основой исходного значения данного комплексного знака, то в производной семеме сохраняются такие словообразовательные параметры, как частичная мотивированность и присутствие словообразовательного значения в измененном виде. Комплексный знак демонстрирует частичную идиоматичность (префикс не меняет своего значения, а производящая основа создает идиоматичность). В данном случае семантика префикса остается неизменной, так как префикс занимает парадигматически и семантически сильную позицию;

- если семантический признак, актуализирующийся при семантической деривации, является результатом переосмысления информации, закрепленной за обоими компонентами словообразовательной структуры исходного значения, в производной семеме релевантны затемненная словообразовательная мотивированность, условный характер словообразовательной членимости и имплицитность словообразовательного значения. Данные положения верифицировались методом концептуального анализа, компонентного анализа, а также методом представления семантической структуры производного слова через развернутую синтаксическую структуру [4].

Таким образом, релевантным критерием разграничения типов «поведения» семантики, индуцируемой префиксом, является место ядерной семы модели семантической деривации по отношению к словообразовательной структуре исходного значения многозначного производного. Мы выявили два типа семантической деривации (тип 1 и тип 2). В данной статье нас в большей степени интересует тип 2, так как в нем, несмотря на невыраженность словообразовательных параметров, семантика префикса может накладывать отпечаток на семантическую структуру производного ЛСВ. Однако для большей наглядности мы приведем примеры обоих типов.

Глагол *désaxer* (тип 1) означает:

1. *Ecarter, sortir de l'axe* – сместиться с оси, т. е. удалиться от оси;

2. *Faire sortir de l'état normal, habituel* – выбить из колеи, т. е. «удалить» от нормального, привычного состояния.

В данном случае развитие полисемии происходит благодаря модели семантической деривации на основе метафоризации, базирующейся на потенциальном компоненте смысла, соотносимого с производящей основой ось (ось – нечто обеспечивающее стабильность, нормальное, привычное состояние). Корреляты префикса в деривационном сочетании передаются одними и теми же сочетаниями (удалить от чего-либо), что соответствует одному из регулярных значений префикса (привативному). Таким образом, семантика префикса остается неизменной. Важно отметить, что данная семантика проявляет себя одновременно как компонент словообразовательного и как компонент лексического значения.

Перейдем к описанию типа 2 семантической деривации. Глагол *déonder* означает: 1. *Ouvrir en retirant la bonde* – вынимать затычку (т. е. удалить затычку); 2. *Donner libre cours á des sentiments longuement contenus* – дать волю долго сдерживаемым чувствам, излиться. Появление производного ЛСВ обусловлено наличием в семантической структуре исходного ЛСВ потенциальной семы «высвобождение» – выплеснуть наружу (то, что было закрыто затычкой). Эта сема является результатом переосмысления семантики префикса и производящей основы: в результате того, что вынимается затычка, содержимое выплескивается наружу. Данная сема переходит в производном значении из разряда потенциальных в разряд дифференциальных: дать волю чувству, т. е. выплеснуть наружу свои чувства. С позиций компонентного анализа можно представить этот процесс следующим образом.

А (действие) + S1 (удалить) + S2 (затычку) + **S3p** (выплеснуть содержимое наружу).

А (действие) + **S3p** (выплеснуть содержимое наружу) + S4 (чувства) + Sk + (S1 + S2)p (удалить затычку), где А – архисема, S – дифференциальная сема, Sp – потенциальная сема, Sk – компаративная сема.

В этом примере S3p исходного значения не входит ни в смысловую структуру префикса, ни в семантическое содержание производящей основы; она является результатом их переосмысления, следствием идиоматизации исходного значения, синтеза семантики префикса и производящей основы. Все словообразовательно-семантические характеристики данного комплексного знака соответствуют указанным выше признакам глаголов типа 2. Что касается «следа» семантики префикса (отрицание, противодействие, удаление), то она не выражена. Отсюда следует, что при типе 2 развития полисемии формант всегда занимает семантически слабую позицию.

Итак, исследование комплексных знаков с производными ЛСВ, образованными по типу 2, позволяет сделать следующий вывод: если сема-основа метафорического переноса является имплицит-

ным компонентом исходного значения, не соотносящимся со словообразовательной структурой (т. е. она является результатом переосмысления семантики обоих словообразовательных компонентов, то при затемненной мотивации, почти полной нечленимости и имплицитности словообразовательного значения в производном ЛСВ формант нейтрализуется и десемантизируется. Однако вопрос о сохранении семантики форманта в производном ЛСВ решается не только на основании определения места ядерной семы модели семантической деривации (вне словообразовательной структуры исходного значения). Как показало исследование, для выделения другой разновидности комплексных знаков типа 2 релевантным является и другой критерий. Речь идет о семантической маркированности основного признака метафорического переноса. Для разъяснения этого положения приведем другой пример этого же типа, в котором ядерная сема модели семантической деривации маркирована отрицательно в отличие от ядерной семы, описанной в предыдущем примере, где она являлась положительно маркированной. Мы признаем отрицательно маркированным такой признак, который несет смыслы: противодействие, лишение, прекращение, ухудшение, искажение и т. п.

В результате исследования мы определили, что к типу 2а развития полисемии относятся глаголы, производные ЛСВ которых развиваются за счет потенциальных сем, отражающих отрицательные результаты. В отличие от глаголов предыдущего типа, в данной группе производных речь идет об отрицательном результате отрицательного действия. Например, *défoncer* – выбить дно у бочки – при актуализации реализует потенциальную сему «испортить (бочку)», т. е. результатом отрицательного действия (приватного, в частности) является отрицательный результат (испортить).

Отрицательная маркированность признака приводит к тому, что в производном ЛСВ сохраняются семы, несущие значение отрицания, поскольку отрицательно маркированная сема становится основой метафорического переноса и переходит в ранг дифференциальных в производном ЛСВ. Из-за невыраженности словообразовательного значения в производном ЛСВ мы не можем говорить о семантике префикса как таковой. Так, для комплексных знаков с отрицательными префиксами отрицательная маркированность ядерной семы модели семантической деривации (и, следовательно, наличие отрицательно маркированных сем-компонентов лексического значения в производном ЛСВ) находится под влиянием префиксальной семантики «лишение субъекта чего-либо» (значение префикса). Это может иметь отрицательный результат для субъекта, «нанести ему ущерб» именно потому, что и результат от-

рицательного действия оказывается в данном случае отрицательным. В глаголах же типа 2 результат отрицательного действия положителен. Иначе можно сформулировать эту мысль следующим образом: критерием дифференциации 2 и 2а типа является наличие/отсутствие влияния семантики префикса на маркированность потенциальной результативной семы. Важным для нас в данном случае является тот факт, что если семантика префикса и сохраняется в общей семантической структуре производного ЛСВ, то она сохраняется как компонент лексического, а не словообразовательного значения. Это также выражается и в том, что семантика отрицания в данном случае индивидуализирована, что является признаком ее присутствия как компонента лексического значения (по сравнению с типом 1, где семантика отрицания представлена в обобщенном виде. Ср. «удалить, совершить обратное действие» и, например, «расстроить, испортить» и т. п.).

В общем виде модель результата в данном случае представляется формулой «объект разрушается → субъект получает отрицательную коннотацию» для подтипа 2а и «объект разрушается → субъект получает положительную коннотацию» для подтипа 2.

Таким образом, возможность сохранения «следа» семантики отрицания, вносимой префиксом в семантическую структуру многозначного префиксального глагола, определяется спецификой модели семантической деривации, по которой развивается значение комплексного знака. Эта специфика проявляется в двух аспектах: формальном и семантическом. Первый связан с тем, что ядерная сема модели семантической деривации находится за пределами словообразовательной структуры исходного значения, являясь результатом переосмысления семантики префикса и производящей основы. Второй аспект отражает семантическую маркированность данной ядерной семы: если она маркирована положительно, то семантика, индуцированная префиксом не выражена; если же ядерная сема маркирована отрицательно, то семантика, изначально обусловленная префиксом, присутствует как компонент лексического значения в общей семантической структуре производной семемы. Все сказанное о глаголах с префиксом распространяется и на другие словообразовательные типы французского языка. Все это свидетельствует о наличии закономерных взаимосвязей, существующих между семантическим и словообразовательным уровнями, которые, находясь в диалектическом единстве, демонстрируют как единство, так и наличие четких границ, разделяющих эти два уровня.

Список литературы

1. Голубкова Е.Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). – М.: Геос, 1999. – 174 с.
2. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Наука, 1984. – 151 с.
3. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 2002. – Т. 61. – № 1. – С. 13–24.
4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
5. Лазуренко А.Я. Метафорический перенос в словообразовании французского языка: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1980. – 24 с.

УДК 81'255.2

Г. Д. Чеснокова*

Марина Цветаева в американских переводах Мэри Джейн Уайт 1988 г. Marina Tsvetaeva in American translations by Mary Jane White

В статье приводится текстологическое описание не изученных в филологии стихотворений американской поэтессы и переводчицы М. Дж. Уайт, опубликованных под названием *Starry Sky to Starry Sky*, представляющих собой переводы цикла Марины Цветаевой, посвященные Ахматовой, сообщаются некоторые малоизвестные факты биографии гениальной поэтессы в оценке её современников.

The article deals with the textological description of the verses by M. J. White, rare and unknown in Russian philology, which were published in 1988 as *Starry Sky to Starry Sky in America*. Some metapoetical characteristics of Tsvetaeva's and Akhmatova's creative work are illustrated by the extracts from the recollections by some famous Russian poets.

Ключевые слова: Цветаева, Мэри Джейн Уайт, Ахматова, Бродский, американские издания, метапоэтика, текстологическое описание.

Key words: Tsvetaeva, Mary Jane White, Akhmatova, Brodsky, American publications, metapoetica, textological description.

Двадцать лет назад, в 1988 г., в США в издательстве Holy Cow! Press при поддержке The National Endowment for Arts in Washington, D.C. вышла книга под названием *STARRY SKY to STARRY SKY* (буквально Звёздное небо Звёздному небу). Издание содержало поэмы Мэри Джейн Уайт и выполненные ею переводы на английский язык двух циклов стихов Марины Ивановны Цветаевой «MILES», посвященные Анне Ахматовой.

*Кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <catskin@mail.ru>

Статистический анализ переводов Марины Цветаевой показал, что американской поэтессе были известны произведения Марины Ивановны периода 1917–1920 гг., которые в русских популярных изданиях представлены недостаточно, за исключением четырёх стихотворений от 7 февраля 1917 г., 23 мая 1920 г. и двух четверостиший, написанных Цветаевой 14 августа 1918 г. Кроме того, обнаружилось, что ранние произведения 1916 г., представленные в российских изданиях, американке не были известны.

Сложив все опубликованные стихи Цветаевой, посвящённые Анне Ахматовой, мы получили цифру 56. Пик интереса Марины к Ахматовой приходится на 1916 и 1918 гг., менее – на 1917 и 1920 гг. В 1919 г. Марина посвятила Анне всего два стихотворения. Анна Ахматова лишь в 1940 г. заметила Марину и отозвалась поздним стихом, названным в американском переводе «A late reply». Мэри Джейн Уайт в 1978 г., будучи анонимным членом делегации от Iowa City, имела возможность задать несколько вопросов об Анне Ахматовой Иосифу Бродскому, который отметил её скромность при сравнении с Пушкиным и Цветаевой – «She used to say that in comparison with [Pushkin] and Tsvetaeva I am just a little cow. I am a cow,' that's what she used to say». Рекомендую российскую поэзию для чтения американцам, Иосиф Бродский тогда же в первую очередь назвал имена Ахматовой, Мандельштама и Цветаевой, добавив при этом, что величайшим поэтом XX в. была женщина. И это была Марина Цветаева! – Well, if you are talking about the twentieth century, I'll give you a list of poets. Akhmatova, Mandelstam, Tsvetaeva (and she is the greatest one, in my view. The greatest poet in the twentieth century was a woman) [5: 54].

По свидетельству самой Мэри Джейн Уайт, переводы сделаны ею на основе русскоязычного американского пятитомного издания под редакцией Александра Сумеркина (The translations are made under license from Russica Publishers, Inc., 799 Broadway, New York, N.Y., from their five-volume Russian language edition of Tsvetaeva's work, edited by Alexander Sumerkin.). При составлении биографии поэтессы и комментариев Мэри Джейн Уайт использовала англоязычные издания Симона Карлинского, мемуары дочери Марины Цветаевой Ариадны, письма и литературные обзоры (Simon Karlinsky, Marina Tsvetaeva, The Woman, Her World, and Her Poetry (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), p. 72, Ariadna Efron, Stranizi Zosponianii («Strange Memories»), in Lev, 1979, p. 107, Letter to George Ivask, Joseph Brodsky, «Questions and Answers after Brodsky's Reading, 21 February 1978» Iowa Review 9(4): 4–5.) Переводчице было известно, что Цветаева завершила рукопись своих стихов цикла, посвящённого Ахматовой, в декабре 1920 г. и опубликовала её в двух московских изданиях 1921 и 1922 гг. (In December

of 1920 she completed the manuscript translated here, which was published then in Moscow in two editions, one in 1921, the second in 1922). Как считает автор и переводчица, именно эти публикации послужили началом долгой дружбы Цветаевой с Борисом Пастернаком, писавшим Марине в 1922 г. после её отъезда из Москвы в Берлин следующие строки (в переводе на английский язык): « Dear Marina Ivanovna! I have just been reading to my brother Vasha with trembling in my voice –“I know I will die when the light breaks! At which break,” – it was as if some strangeness had run like a wave up my throat, filling it to sobbing, so at last it burst open, and when I went on to try to read from the poem, “I will tell you about a great fraud,” I was, as Vasha himself was, hurled back, and then when I carried myself on to “Miles and miles and miles and dry bread,” the same thing happened again.

You are not a child, my dear, golden one, my incomparable poet, and I hope you understand what this means in our time to the cream of poets, both men and women, not just to those who belong to our trade union, and not just to the cream of imagists, but to the cream of our most unblemished talent, such as Mayakovsky and Akhmatova» [5: 52].

Итак, в американском издании переводов Марины Цветаевой в исполнении Мэри Джейн Уайт слиты воедино имена талантливейших российских поэтов начала XX в. Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Бориса Пастернака. Поистине к ним применима метафора переводчицы STARRY SKY (Звёздное небо). Однако не менее талантлива сама переводчица Mary Jane White. Вот какие отзывы о ней содержатся в издании: «Mary Jane White’s poems have, in their own wonderful way, both stern composure and emotional daring; it’s no wonder, then, that she has turned her hand to translating Marina Tsvetaeva. Both parts of this book are treasures. Here’s a volume that can be read hard and savored long». (William Matthews), «Mary Jane White and Marina Tsvetaeva – co-conspirators in culture. Congratulations, Marina! ... You’ve found your translator». (John Glad, co-editor, Russian Poetry: The Modern Period) [5: 68].

Обратимся к личности переводчицы

MARY JANE WHITE was born and raised in Charlotte, North Carolina. She has earned degrees from Reed College and The University of Iowa Writers Workshop and studied law at Duke University and The University of Iowa. Her poetry and translations have received many awards, most recently N.E.A. Fellowships, in 1979 for her poetry and in 1985 for her translations. Her work has appeared in The American Poetry Review, The Iowa Review, Crazy Horse, and Russian Poetry: The Modern Period, an anthology of translations. She practices law at her home between Canoe Creek and the Sattre Store, north and east of Decorah,

Iowa [5:93]. Итак, выпускница университета штата Айова, юрист по образованию, лауреат многочисленных премий в области литературы и перевода, автор публикаций в изданиях *The American Poetry Review*, *The Iowa Review*, *Crazy Horse*, and *Russian Poetry: The Modern Period* и в антологии переводов.

В числе 15 крупных публикаций поэтессы в США находим издания переводов Марины Цветаевой, которые были осуществлены, по словам автора, с помощью нескольких русскоязычных авторов – Елены Сокол, Джона Глэда, Дэбры Эриксон и др. (My thanks also to Elena Sokol, John Glad, and Daniel Weissbort, who each encouraged and supported my interest in translating Russian poetry. Debra K. Erickson, then a Russian-language graduate student at The University of Iowa, read the translations and saved me from many early errors. Special thanks are due Dr. Nicholas Luker of Nottingham, England; Dr. Simon Karlinsky of Berkeley, California; and Mr. Alexander Sumerkin of Russica Publishers, Inc.; who each read the translations with consummate care and saved me from late errors of understanding and unintentional departures from the original.) До издания *Starry Sky* Мэри Джейн Уайт публиковала переводы Цветаевой с некоторыми вариациями в *The American Poetry Review* (Part I of «Miles», together with the Preface to Translation), в *An International Anthology of Poetry and Prose*, в *Willow Springs: Part II of «Miles»*.

Помимо переводов в книге представлены дополнительные материалы, связанные с биографией Цветаевой, перечень основных дат её жизни и творчества, библиография и портрет Марины 1917 г. Биография русской поэтессы на английском языке полезна исследователям метапоэтики, поскольку в ней имеются сведения о литературном окружении Цветаевой в разные годы и оценка её творчества известными литераторами России начала и первой половины века. Приведём выдержки из «Предисловия к переводам» в порядке их представления в тексте.

Об издании первой книги в 1910 г., посвящённой Вл. Найлендеру, с которым была помолвлена Марина в 15 лет:

Motherless, Tsvetaeva began her own life precociously, by engaging herself at fifteen to Vladimir Nilender, a museum associate of her father's and a man eight years her senior, and then by publishing her first book, secretly, at her own expense. In 1910 a scandal involving Nilender's friends caused Tsvetaeva's father to lose his position as curator of the Rumiantsev Museum, and Tsvetaeva was ordered to break off her association with Nilender. Tsvetaeva published her first book, as she has explained, "for reasons alien to literature, but related to poetry, as a substitute for a letter to a man with whom I was denied the possibility of communicating in any other way." This collection, *Evening Album*, published in 1910 in an edition of five hundred copies, every one of which

Tsvetaeva consigned to a single, obscure Moscow bookstore, drew reviews from no less than four noted Russian poet-critics, Bryusov, Gumilev, Shaginyan, and Voloshin, and quickly established her presence on the Moscow literary scene.

О встрече Марины с критиком М. Волошиным в Коктебеле в 1911 г.:

The engagement to Nilender was not as durable as the success of the book, so Tsvetaeva took herself to the Crimea, to visit the Kok-tebel retreat of Voloshin, the critic most responsible for her new reputation [5:51].

О признании таланта Марины в Санкт-Петербурге и её тщетных надеждах на встречу с Ахматовой:

A relatively happy period of family life, writing, and recognition predated the Russian Revolution, capped by a gala reading by Tsvetaeva in St. Petersburg in 1916. Tsvetaeva hoped that Akhmatova, her idolized, slightly senior rival, would attend, but she did not. Tsvetaeva attempted a correspondence with Akhmatova which fell off as heavily one-sided — Tsvetaeva's unanswered adoration. The double-cycle of poems, *Miles*, translated here, was written between 1917 and 1920 and dedicated to Akhmatova, the greatly admired, but still unmet, literary «sister» [5; 52].

Об издании рукописи цикла стихов, посвящённых Ахматовой:

In December of that year she completed the manuscript translated here, which was published then in Moscow in two editions, one in 1921, the second in 1922 [5: 52].

О дружбе с Борисом Пастернаком и его письме к Марине в 1922:

This collection, her third, occasioned a lifelong friendship with Boris Pasternak, who wrote to her after she left Moscow in 1922 for exile in Berlin:

Dear Marina Ivanovna!

I have just been reading to my brother Vasha with trembling in my voice – «I know I will die when the light breaks! At which break», – it was as if some strangeness had run like a wave up my throat, filling it to sobbing, so at last it burst open, and when I went on to try to read from the poem, «I will tell you about a great fraud», I was, as Vasha himself was, hurled back, and then when I carried myself on to «Miles and miles and miles and dry bread», the same thing happened again.

You are not a child, my dear, golden one, my incomparable poet, and I hope you understand what this means in our time to the cream of poets, both men and women, not just to those who belong to our trade union, and not just to the cream of imagists, but to the cream of our most unblemished talent, such as Mayakovsky and Akhmatova [5: 52].

Об успехе Марины в Париже и Лондоне и переписке с Рильке:

She was welcomed and acclaimed by the Russian exile community and gave well-attended readings in 1926 in both Paris and London. She also began a correspondence with Rilke that year which continued until shortly before his death [5: 52–53].

О состоянии Марины, лишённой общения с коллегами и читателями в России, об отношении к Маяковскому:

In 1928 Tsvetaeva suffered a falling-out with her fellow exiles over the issue of the Soviet poet Mayakovsky, whom she praised, nonpolitically, for his “strength.” This left her doubly bereft, as she well realized by 1933 when she wrote:

I went abroad in 1922 and my reader remained in Russia where my poems no longer penetrated. ... And thus, I am here without readers; in Russia, without books [5:53].

О падении популярности среди эмигрантской публики и попытках вернуться в Россию, о сохранении архива документов и произведений в Швейцарии:

Tsvetaeva, shunned since 1928 by the exile literary community, fell further victim to guilt by association. For eighteen months she struggled on in Paris. In 1939, urged by her son, she made plans to return to the Soviet Union. On the way Tsvetaeva stopped in Basle, Switzerland, to deposit the bulk of her papers and unpublished work [5: 53].

Оценка американской переводчицей цикла стихов Марины Цветаевой, посвящённых Анне Ахматовой, и свидетельства И. Бродского:

The double cycle *Miles*, translated here, marks the beginning of Tsvetaeva’s mature work upon which her present narrow but high reputation rests. In 1978, years after Tsvetaeva’s death, as an anonymous member of an Iowa City audience I had the opportunity to ask Russian-born poet Joseph Brodsky several questions about Anna Akhmatova – whose reputation remains wider than Tsvetaeva’s. Akhmatova and Brodsky were acquainted in Moscow when she was a very old woman and he a young man. He confessed that they had gossiped, as poets will do, about other poets, but that Akhmatova then «was awfully humble. She used to say that In comparison with [Pushkin] and Tsvetaeva I am just a little cow. I am a cow,’ that’s what she used to say». I think now of what Tsvetaeva might have given to have been eavesdropping then!

Well, if you are talking about the twentieth century, I’ll give you a list of poets. Akhmatova, Mandelstam, Tsvetaeva (and she is the greatest one, in my view. The greatest poet in the twentieth century was a woman) [5: 53–54].

О встрече двух женщин-поэтов в 1939–1940 гг. и стихотворении Ахматовой как отклике на эту встречу:

Tsvetaeva met Akhmatova during this period, briefly, for two days, in Moscow, perhaps in 1939, perhaps in 1940. Akhmatova has written a poem about their meeting, which is also translated here and appears after the translation of Miles. We know very little else about Tsvetaeva's life after her return to the Soviet Union, only that she sought to support herself as a translator [5:53].

О последних днях Марины и возможных причинах её гибели в Елабуге:

On August 31, 1941, ten days after their arrival in Elabuga, at age 48, after her appeals to literary functionaries for work were ignored, and, perhaps after a quarrel with her son, Tsvetaeva hanged herself in despair. She was buried there in Elabuga, in a mass grave [5: 54].

Такова преамбула текстологического характера. Мы посчитали необходимым определиться также с объёмом английских переводов стихов, относящихся к периоду 1917–1920 гг. Ниже даётся перечень стихотворений по их первым строчкам в порядке их расположения по датам написания в двух частях цикла:

Первая часть

A world, begun in haze, a nomad camp 14 января 1917

Soon as I close my burning eyelids 20 января 1917

Dear friends, who've passed these nights with us! 29 января 1917

She caught my eye with her 19 мая 1917

To kiss your brow- to wipe away anxiety 5 июня 1917

From under the hooves Dirt flies up 25 июня 1917

By conjure I would protect you from gold июнь 1917

I will tell you –about a great fraud: 4 июня 1918

My horse is a devouring fire 14 апреля 1918

Every line- a child of love 14 августа 1918

For my heart –hell and alter 14 августа 1918

So you remember, not just an hour 20 октября 1918

For you, I dissolve a handful of 3 ноября 1918

And on my brow –beware! Stars burn июль 1919

My path doesn't run by any house of yours 14 мая 1920

My bearing is easy август 1920

I've kissed a beggar, a thief, a hunchback Москва, ноябрь 1920

Вторая часть

And the Lord said-Young flesh, Rise up! март 1917

Just live! I dropped my hands 20 июня 1917

My head thrown back, my eyes lowered март 1918

For the flesh –flesh, for the spirit –spirit 26 апреля 1918

No pretender – I came home апрель 1918

Here, my tender one, take these things 13 мая 1918

Against a black sky the tracing of a word 14 мая 1918

I bless the everyday labour 21 мая 1918
Tears, tears-living water! Май 1918
Hands, which are not needed 6 июля 1918
Like my right and left hand 10 июля 1918
A knight like an angel! 14 июля 1918
Prowess and virginity! – Their union 27 июля 1918
So, with your brow lifted июль 1918
What the others don't need – bring to me 2 сентября 1918
I am happy to live correctly and simply 22 ноября 1919
Neither stanzas nor constellations will save me 20 мая 1920
Love! Love! Even in my convulsions, even in my grave 28 ноября
1920

I know I will die when the sky breaks Moscow , December 1920 [5:
92–94]

Мы имеем возможность сравнить два четверостишия Марины Цветаевой с переводами на английский язык Мэри Джейн Уайт. И в русском оригинале, и в английском переводе четверостишия объединены в одно стихотворение в восемь строк, дата написания 14 августа 1918 г. Этот год был одним из первых в серии долгих лет разлуки с Сергеем Эфроном и друзьями по литературной деятельности. В биографическом предисловии к переводам Мэри Джейн Уайт приводит слова Симона Карлинского, описывающими состояние поэтессы в этот период: «In the most difficult time imaginable, she was trapped in Moscow...and for the first time in her life, was entirely on her own. She was twenty-five years old, very near-sighted, and utterly impractical». В другом месте автор предисловия так описывает отношение Цветаевой к Ахматовой в эти годы: «... verses were dedicated to Akhmatova, the greatly admired, but still unmet, literary "sister"».

В тексте нижеследующего стихотворения нет прямого указания на посвящение Анне Ахматовой. Включение его в цикл *Miles* можно объяснить стремлением Марины Цветаевой поделиться своими поэтическими наблюдениями и ощущениями со старшей «подругой», поэтессой, женщиной и кумиром (вспомним эпитет *the greatly admired*). «Женские» метафоры Цветаевой, обращённые к женщине и матери Ахматовой, вполне объяснимы: у Цветаевой, к тому времени разлучённой с мужем С. Эфроном, оставались на руках пятилетняя дочь Ариадна – «дитя любви» – и годовалая малышка Ирина, которую в силу тяжёлого материального положения семьи Марина вынуждена была отдать в сиротский приют, где она вскоре умерла от истоще-

ния. У Анны Ахматовой тоже был маленький сын, Лев, и тоже не было рядом мужа (Николай Гумилев служил в Белой гвардии). Общность судьбы требовала общения душ. Увы! Ахматова не отозвалась. Только в 1940 г. обратилась она к Марине с Поздним стихотворением:

Белорученька моя, чернокнижница,
Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в черных кустах?
То забьешься в дырявый скворешник,
То блеснешь на погибших крестах...
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной!
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом...»
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след. (1940. 16 марта. Фонтанный дом)
Английский перевод стихотворения Ахматовой, посвящённого

Марине:

A LATE REPLY

Invisible one, my double, my mockingbird,
Who hides herself in the black bushes,
Who loses herself in a bedraggled starling,
Who gleams in lost crosses.
Who cries out from Marinkiny tower: –
Today I am come home, so
Distract me, my native fields,
From all that has happened to me.
The abyss that swallowed my loved ones,
My father's home – plundered.
Today, you and I, Marina,
Walk the capital at midnight,
And after us, so many millions,
And no procession is more silent than this,

And all around us the funeral bells,
The wild moans of Moscow's
Blizzards, filling our traces with snow. (Anna Akhmatova, 1940)

Думается, исследователям поэзии Анны Ахматовой и Марины Цветаевой было бы полезно изучить подробнее роль позднего стиха Анны Ахматовой в судьбе Марины, которая в 1941 г. ушла в небытие, а её старшая высоко почитаемая женщина-кумир и поэт жила и писала свои стихи ещё много лет спустя после мрачной похоронной процессии и диких рыданий московской вьюги, заметающей «наши следы» снегом.

Список литературы

1. Три века русской метапоэтики. Конец XIX – начало XX в.. Изд-во СГУ, 2005. – Т. 2. – С. 651.
2. Ariadna Efron, Stranizi Zosponianii («Strange Memories»), in Lev, 1979. – P. 107.
3. Joseph Brodsky, «Questions and Answers after Brodsky's Reading, 21 February 1978,» Iowa Review 9(4): 4–5.
4. Simon Karlinsky, Marina Tsvetaeva, The Woman, Her World, and Her Poetry (Cambridge: Cambridge University Press, 1985). – P. 72.
5. Starry Sky to Starry Sky. Poems by Mary Jane White with Translations of Marina Tsvetaeva. Holy Cow Press, 1988. Library of Congress Number: 87-80785.
6. <http://proza.ru/texts/2008/08/05/643.htm>.
7. <http://www.litera.ru/stixiya/authors/axm>.

Сведения об авторах

Игнатьева Т. Ю. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, email <ign-t@yandex.ru>

Карманова З. Я. – кандидат филологических наук, Московский международный гуманитарно-лингвистический институт, email <zoyadis@rambler.ru>

Лутовинова О. В. – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; email <con_amore@mail.ru>

Панченко Н. Н. – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры языкознания; Волгоградский государственный педагогический университет; Институт иностранных языков, зам. директора; email <panchnn@yandex.ru>

Степанова О. В. – преподаватель английского языка, Кубанский государственный технологический университет, email <oxochka@mail.ru>

Улякова О. А. – аспирант кафедры иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <olg0982@yandex.ru>

Чепель Ю. В. – ассистент кафедры русского языка для иностранных граждан, Курский государственный университет; email <yulcha11@mail.ru>

Шаюк А. Ю. – преподаватель кафедры иностранных языков; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, email <tonik666@rambler.ru>

Щекотихина И. Н. – кандидат филологических наук, Орловский государственный университет, email <schek@orel.ru>

Андреева В. Ю. – аспирантка кафедры иностранных языков, Курский государственный университет; email <lyneque@mail.ru>

Атакьян Г. С. – аспирантка кафедры общего языкознания, Адыгейский государственный университет, e-mail: <Lyapun_sv@inbox.ru>

Иванищева О. Н. – доктор филологических наук, Мурманский государственный педагогический университет, email <olgaivolga@mail.ru>

Гребенев А. Н. – ассистент кафедры иностранных языков; Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <dwith@eandex.ru>

Заботина Е. Н. – ассистент кафедры иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, email <e.vakulenko@gmail.ru>

Зубкова О. С. – кандидат филологических наук; Региональный открытый социальный институт, Курск, email <olgaz4@rambler.ru>

Чугунова С. А. – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английского языка, Тверской государственной университет; email <chugunovasveta1@rambler.ru>

Денисова Е. А. – преподаватель кафедры английской филологии; Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <denisovaeva@mail.ru>

Комлева Е. В. – кандидат филологических наук, Оренбургский государственный педагогический университет; email <elenakmleva@rambler.ru>

Кустова Е. Ю. – кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет; email <lenakustov@yandex.ru>

Полянчук О. Б. – кандидат филологических наук, Воронежский государственный университет, email <france@rgph.vsu.ru>

Чеснокова Г. Д. – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, email <catskin@mail.ru>

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

• Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия философия) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

• Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

• Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержит сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра иностранных языков, каб. 235.
- отправить по электронной почте: *E-mail*: vestnik_lgu@list.ru или Olga Morozova olfrost@mail.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Для заметок

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина
№5 (19)**

серия филология

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 07.11.2008. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 361

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а